

Российская Академия наук
Институт лингвистических исследований РАН
Петербургское лингвистическое общество

**Третья конференция
по типологии и грамматике
для молодых исследователей**

Материалы

*Санкт-Петербург
2–4 ноября 2006 г.*

Санкт-Петербург
«Нестор – История»
2006 г.

УДК 81
ББК 81.2-2
Т 66

**Третья конференция по типологии и грамматике
для молодых исследователей.** Материалы — СПб.: «Не-
стор — История», 2006. — 216 с.

ISBN 5–98187-159-8

Редколлегия

А. П. Выдрин, Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко,
Н. М. Заика, С. С. Сай

*Организация конференции и публикация материалов
осуществлена при поддержке*

Российского гуманитарного научного фонда.

Грант № 06-04-14037г

© Коллектив авторов, 2006

ISBN 5-98187-159-8 © ИЛИ РАН, 2006

© Издательство «Нестор–История» 2006

I

Ю. В. Адаскина

Москва

ПОРЯДОК МОРФЕМ В АЛЛОКУТИВНЫХ ФОРМАХ БАСКСКОГО ГЛАГОЛА

1. Предварительные замечания

Баскский язык характеризуется полиперсональной системой глагольного спряжения. Парадигма большинства баскских глаголов строится из причастия и спрягаемого вспомогательного глагола, который согласуется с аргументами смыслового глагола: эргативным, дативным и абсолютным.

2. Аллокутивные формы баскского глагола

Аллокутив — явление согласования глагола с неаргументом: адресатом речевого сообщения.¹ Аллокутивные формы баскского глагола содержат морфему, которая меняется в зависимости от пола адресата. Такой тип согласования в баскском языке характеризует «доверительный» регистр общения.

(1) *Он уехал в Ордисию.*

a. Ordizia-ra	joa-n	d-a
Ордисия-LAT	уехать-PFV	3SG.A-AUX
[нейтральный регистр]		
b. Ordizia-ra	joa-n	d-u-k
Ордисия-LAT	уехать-PFV	3SG.A-AUX-ALL.M
[доверительный регистр; адресат: мужчина]		

¹ В парадигму аллокутивного спряжения не входят формы, согласующиеся с «аргументным» адресатом — участником второго лица, и следовательно, аллокутивные формы не могут содержать согласовательный показатель абсолютива, датива или эргатива второго лица обоих чисел.

Показатели аллокутива имеют два фонетических варианта в зависимости от того, где они располагаются – в середине или в конце слова:

	середина слова	конец слова
M	-a-	-k
F	-na-	-n

Линейный порядок показателей аллокутива и эргатива в трехвалентных формах вспомогательного глагола аллокутивного спряжения:

	SG		PL	
	M	F	M	F
1	-a-t	-na-t	-a-gu	-na-gu
3	-k-∅	-n-∅	-te-k	-te-n

Проблема мены порядка аффиксов в аллокутивном спряжении упоминается в работах [Gómez, Saintz 1995; Eguren 2000], но никакого решения не предлагается.

3. Особенности согласования с третьим лицом

В баскском языке показатель эргатива третьего лица единственного числа нулевой (см. [Hualde, Ortiz de Urbina 2003], [Laka 1993], [Rebuschi 1984]), что прослеживается по всей парадигме баскского глагола, ср. 4a и 4b:

(4a) d-u-**gu** (4b) d-u-∅
 3.A-AUX-**1PL.E** 3.A-AUX-**3SG.E**

Кроме того, в баскском языке согласование с третьим лицом характеризуется рядом особенностей, отличающих его от других типов согласования (эти особенности выделены в работе [Laka 1993]):

- отсутствие личных местоимений третьего лица;
- возможность употребления трехаргументной согласовательной модели с абсолютивом третьего лица и невозможность — с абсолютивом первого и второго лица;
- несинкретичное выражение лица и числа в абсолютиве третьего лица: согласовательную позицию занимает показатель лица, а в случае множественного числа в особой, «своей» позиции появляется плюрализатор *-zki*.

Вывод, который делает Лака, заключается в следующем: баскский глагол согласуется по лицу только с дативными и эргативными аргументами и по числу — с абсолютивными аргументами. Показатель абсолютива 3 лица всегда пустой, а префиксальную позицию заполняет ближайшая вершина — узел Tense или Modal.

4. Гипотеза

Анализ аллокутивных форм позволяет предположить, что «проблематичный» показатель *-te* является не согласовательным показателем эргатива третьего лица множественного числа, а плюрализатором.

Подобная гипотеза высказывается в историческом обзоре [Gómez, Saintz 1995].

- *-te* можно обнаружить в разных местах глагольной парадигмы, в том числе, в формах второго лица множественного числа. Ср.:

(5a) z-atoz (5b) z-atoz-te
2SG.A-приходить 2SG.A-приходить-PLZ

- глагольная система баскского языка характеризуется явлением, известным как Ergative Displacement: при определенных условиях² согласовательный показатель эргатива занимает не суффиксальную, а префиксальную позицию. Нулевой показатель третьего лица единственного числа эргатива в префиксальной позиции становится ненулевым и имеет вид *z-*.

В аллокутивном спряжении также действует правило Ergative Displacement, однако *-te* ему не подчиняется и остается в своей исходной позиции:

² А именно в случае, когда глагол стоит в форме прошедшего времени индикатива, или в кондиционалисе, или в потенциалисе, согласуется с абсолютивом третьего лица, эргативом первого или второго лица. Обсуждение основных теоретических проблем, связанных с Ergative Displacement, а также основных подходов представлено в работе [Laka 1993]. Несколько другая трактовка предлагается в [Fernández, Albizu 2000].

- (6a) z-i-o-a-n (6b) gen-i-o-a-n
 3.E-AUX-3SG.D-ALL.M-PST 1PL.E-AUX-3SG.D-ALL.M-PST
- (6c) z-i-o-te-a-n
 3.E-AUX-3SG.D-PLZ-ALL.M-PST

5. Выводы

Анализ аллокутивных форм позволяет заключить, что в баскском языке суффиксальный согласовательный показатель эргатива третьего лица нулевой. В случае множественного числа используется плюрализатор *-te*, который имеет «свою» позицию в словоформе. Таким образом, можно выделить базовый порядок морфем в аллокутивных формах (7), который может изменяться в результате действия правила Ergative Displacement (8).

- (7)
	ABS	ROOT	PLZ.A	DAT	PLZ.E	ALL	ERG	
	3	i	∅	3SG	+	M	3SG	z-i-∅-o-te-k-∅
	3	i	+	1SG	∅	M	3SG	z-i-zki-da-∅-k-∅

- (8)
	ERG	ROOT	PLZ.A	DAT	PLZ.E	ALL	PST	
	3	i	∅	1PL	+	M	+	z-i-∅-gu-te-a-n
	1SG	i	+	3SG	∅	M	+	n-i-zki-o-∅-a-n

Сокращения

A — абсолютное согласование, D — дативное согласование, E — эргативное согласование, F — женский род, M — мужской род, PL — множественное число, SG — единственное число, ALL — аллокутив, AUX — вспомогательный глагол, LAT — латив, PFV — перфективное причастие, PLZ — плюрализатор, PST — прошедшее время.

Литература

- Eguren L.* El morfema de alocutivo del euskera y el modelo de gramática // *Hermeneus: Revista de la Facultad de Traducción e Interpretación de Soria*, № 2, 2000, pp. 95–118.
- Fernández B., Albizu P.* Ergative Displacement in Basque and the division of labor between Morphology and Syntax // *Boyle J., Lee J.-H., Okrent A.* (eds). *Chicago Linguistic Society*, Vol. 36, № 2: The Panels. Chicago, 2000.

- Gómez R., Sainz K.* On the Origin of the Finite Forms. // *Trask L., Hualde J. I., Lakarra J.* (eds). *Towards the History of the Basque Language*. Amsterdam: John Benjamins, 1995, pp. 235–274.
- Hualde J. I., Ortiz de Urbina J.* (eds). *A Grammar of Basque*. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 2003.
- Laka I.* The Structure of Inflection // *Hualde J. I., Ortiz de Urbina J.* (eds). *Generative Studies in Basque Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1993, pp. 21–71.
- Rebuschi G.* *Structure de l'énonce en basque*. Doctoral dissertation. SELAF. Paris, 1984.
- Zubiri I., Zubiri E.* *Euskal Gramatika Osoa*. Bilbo: Didaktiker, SA, 2000.

П. М. Аркадьев

Москва

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАДЕЖНОГО
КОДИРОВАНИЯ АКТАНТОВ
ДИТРАНЗИТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ
(преимущественно на материале двухпадежных
систем)¹**

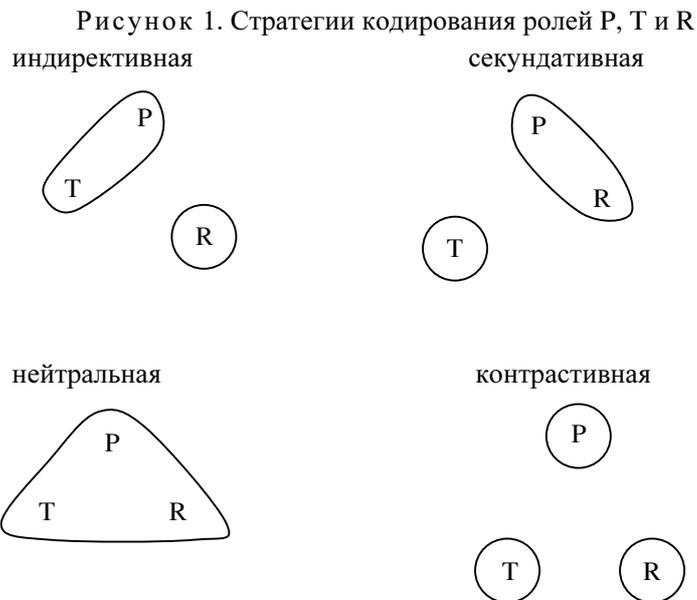
1. Предварительные замечания

В типологии, начиная с известной статьи [Dryer 1986], см. также [Croft 1990: 100–108] и в особенности [Haspelmath 2006], принято, по аналогии со **стратегиями** кодирования ядерных аргументов переходных (**монотранзитивных**) и непереходных предикатов (S, A и P) рассматривать стратегии оформления не-агентивных аргументов переходных и **дитранзитивных** (трёхместных) глаголов, иными словами, соотношение кодирования Темы (далее T) и Реципиента (R) трёхместного глагола с маркированием Пациенса (P) двухместного глагола. Выделяются следующие основные стратегии [Haspelmath 2006: 2]:

- 1. Индирективная**, при которой T и P кодируются одинаково, а R — отлично от них, при помощи, например, специализированного падежа — датива.
- 2. Секундативная**, при которой одинаково оформляются P и R, а T кодируется отлично от них, чаще всего, при помощи какого-либо косвенного падежа.
- 3. Нейтральная**, когда все три роли оформляются единообразно.
- 4. Контрастивная**, когда все три роли оформляются по-разному.

¹ Данная работа выполнена при частичной поддержке Фонда Содействия отечественной науке. Автор благодарит М. А. Даниэля за ценные замечания.

Для наглядности данные стратегии схематически изображены на рисунке 1.

В настоящей работе анализируются стратегии кодирования актантов дитранзитивных глаголов в языках с двухпадежными системами (о двухпадежных системах см. [Аркадьев 2005, Arkadiev to appear]) и проблемы, возникающие при их описании.

2. Кодирование актантов дитранзитивных глаголов в двухпадежных системах

В языках с двухпадежными системами представлены все типы оформления аргументов дитранзитивных конструкций, за исключением контрастивной, см. примеры (1)—(3), по-разному сочетающиеся со стратегиями кодирования монотранзитивных ролей S, A и P.

Румынский (индоевропейские > романские [Beuger et al. 1987: 87]): индирективная

(1a) corb na corb nu scoate
ворона:DIR у ворона:DIR не выклёвывает

- ochi=i.
 глаз:DIR.PL=DEF.DIR.PL
 ‘Ворона у вороны не выклёвывает глаза’.
- (1b) spunei mame=i adevār=ul.
 скажи мать:OBL=DEF.OBL правда:DIR=DEF.DIR
 ‘Скажи матери правду’.

МОВИМА (изолят, Боливия [Haude 2006: 281, 282]): секундативная

- (2a) usko bay-a-cho=us as wa:so.
 он ударить-TR-внутри=3SG.M ART стекло
 ‘Он разбил окно’.
- (2b) kaɣaɬe=us os pa:ko n-os charke.
 дать:TR=3SG.M ART собака OBL-ART мясо
 ‘Он дал мясо собаке’.

ЯКИ (юто-ацтекские, Мексика [Guerrero & Van Valin 2004: 291, 292]): нейтральная

- (3a) U Peo sota'i-ta jamta-k
 ART Педро:DIR горшок-OBL разбить-PERF
 ‘Педро разбил горшок’.
- (3b) Aurelia Karmen-ta toto'i-ta miika-k.
 Аурелия:DIR Кармен-OBL.SG курица-OBL.SG дать-PERF
 ‘Аурелия дала Кармен курицу’.

Различные стратегии оформления дитранзитивных актантов могут сочетаться с различными типами кодирования ядерных функций, см. табл. 1.

3. Дитранзитивные конструкции в языках с «расщеплённым» кодированием актантов

Особенно интересны в связи с рассматриваемой проблематикой индоиранские языки, где систематически представлены сочетания сразу нескольких стратегий оформления монотранзитивных актантов, см. таблицу 2 для многопадежного языка хинди [Mohanap 1994] и таблицу 3 для двухпадежного языка вафси [Stilo 2004].

Таблица 1. Сочетания стратегий кодирования ядерных и дитранзитивных актантов в двухпадежных системах

дитранз.	нейтральная	индирективная	секундативная
монотранз.			
нейтральная	йимас	румынский	салишские, мовима, индоиранские
аккузативная	старофранцузский, юто-ацтекские, чоктау, нилотские, адыгские	амхарский	индоиранские
эргативная	индоиранские	индоиранские, адыгские	индоиранские

Таблица 2. «Расщеплённое» падежное маркирование в хинди

S	A	P	стратегия	обусловливающий фактор
Dir	Dir	Dir	нейтральная	имперфектив, неиндивидуализ. Р
Dir	Dir	Obj	аккузативная	перфектив, индивидуализ. Р
Dir	Erg	Dir	эргативная	имперфектив, неиндивидуализ. Р
Dir	Erg	Obj	контрастивная	перфектив., индивидуализ. Р

Таблица 3. «Расщеплённое» падежное маркирование в вафси

S	A	P	стратегия	обусловливающий фактор
Dir	Dir	Dir	нейтральная	наст. вр., неиндивидуализ. Р
Dir	Dir	Obl	аккузативная	наст. вр., индивидуализ. Р
Dir	Obl	Dir	эргативная	прош. вр., неиндивидуализ. Р
Dir	Obl	Obl	«квазинеutralная»	прош. вр., индивидуализ. Р

Из таблиц видно, что способы оформления разных аргументов переходных предикатов в хинди и вафси не зависят друг от друга (подробнее см. [Аркадьев, в печати]). В дитранзитивных конструкциях на уже имеющиеся четыре типа оформления актантов накладывается маркирование функции R, в большинстве случаев единообразное (косвенный падеж в вафси и других иранских языках, объектный падеж в хинди и других индоарийских языках). В результате возникает целый спектр моделей

кодирования дитранзитивных актантов, на самом деле сводящихся к уже отмеченным альтернативам падежного маркирования. Ср., например, данные дардского языка пхалура, где дитранзитивная конструкция (4a) демонстрирует индирективную стратегию по отношению к монотранзитивной с неопределённым Р (4b) и секундативную — по отношению к монотранзитивной с определённым Р (4c):

ПХАЛУРА (индоевропейские > дардские, Пакистан [Buddruss 1967: 33]):

- (4a) la monuṣ-e ī dē!
 этот человек-OBL вода:DIR дай
 ‘Дай этому человеку (Adr) воды (T)!’
- (4b) bāb-e monuṣ dēṣālo.
 отец-OBL человек:DIR послал
 ‘Отец (A) послал (какого-то) человека (P)’.
- (4c) mi la monuṣ-e dərṣōno.
 я:OBL этот человек-OBL видел
 ‘Я (A) видел этого человека (P)’.

Сходные факты обнаруживаются и за пределами индоиранской группы языков, в частности, в румынском языке, где в ряде случаев можно наблюдать даже контрастивную стратегию кодирования дитранзитивных актантов, и в амхарском языке, где наблюдается «расщеплённое» кодирование не только Р, но и R.

4. Заключение

Рассмотренный материал заставляет предполагать, что само понятие «стратегия кодирования» не обладает универсальной применимостью и в целом ряде случаев скорее затемняет суть языковых явлений, нежели проясняет её. За различными «глобальными» моделями оформления актантов обычно стоят пучки «локальных» правил, соотносящих аргументную структуру предиката с рядом контекстных и/или ингерентных семантических характеристик, с одной стороны, и морфологические средства, с другой. Анализ падежного маркирования в терминах такого рода правил зачастую оказывается более продуктивным и естественным.

Сокращения

A — агенс, ART — артикль, DEF — определённости, DIR — прямой падеж, ERG — эргатив, M — мужской род, OBJ — объектный падеж, OBL — косвенный падеж, P — пациенс, PERF — перфект, PL — множественное число, R — реципиент, SG — единственное число, TR — переходность

Литература

- Аркадьев П. М.* Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // *Вопр. языкознания*, 2005, № 4, с. 101–120.
- Аркадьев П. М.* Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем // В печати в журн. *Вопр. языкознания*.
- Arkadiev P. M.* (to appear). Poor (two-term) case systems: Limits of neutralization // To appear in *A. Malchukov, A. Spencer* (eds). *Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press.
- Beyrer A., Bochmann K., Brousert S.* *Grammatik der rumänischen Sprache der Gegenwart*. Leipzig: Enzyklopädie, 1987.
- Buddruss G.* *Die Sprache von Sau in Ostafghanistan. Beitrag zur Kenntnis des dardischen Phalūra*. München: Kitzinger, 1967.
- Croft W. A.* *Typology and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Dryer M.* Primary objects, secondary objects, and antitativity // *Language*, 1986, Vol. 62, № 4, pp. 808–845.
- Guerrero L., Van Valin R. D., Jr.* Yaqui and the analysis of primary object languages // *International Journal of American Linguistics*, 2004, Vol. 70, № 3, pp. 290–319.
- Haspelmath M.* Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic Discovery*, 2006, Vol. 3, № 1, pp. 1–21.
- Haude K.* *A Grammar of Movima*. Nijmegen, Radboud University Dissertation, 2006.
- Mohanan T.* *Argument Structure in Hindi*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1994.
- Stilo D.* Grammar notes // *D. Stilo. Vafsi Folk Tales*. Wiesbaden: Reichert, 2004, pp. 223–244.

М. Е. Бабичева

Москва

ДИМИНУТИВИЗАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ГРАДАЛЬНОСТЬ

Доклад посвящен влиянию диминутивизации на градальные свойства прилагательных. Мы покажем, что при присоединении диминутивного показателя к прилагательным, которые обозначают некоторое свойство, определенное на шкале, возникают разные семантические эффекты в зависимости градальных свойств исходной формы.

Постановка проблемы

Традиционно адъективным диминутивным аффиксам приписывают только прагматическое (оценочное) значение [Шведова (ред.): 1980, Ефремова 1996]. Как показывает исследование, основанное на результатах анкетирования, а также на данных корпуса, диминутивизация по-разному влияет на значение обозначаемого прилагательным свойства. У одних прилагательных присоединение диминутивного аффикса уменьшает проявление свойства, обозначаемого исходной формой, у других — усиливает его:

(1a) <i>Длинная палка</i>	(1b) <i>Длинненькая палка</i>
(2a) <i>Короткий рассказ</i>	(2b) <i>Коротенький рассказ</i>

Диминутивизированное прилагательное в (1b) обозначает **меньшее** проявление признака, обозначаемого прилагательным *длинный*, чем прилагательное без диминутивного аффикса в (1a), тогда как диминутивизированное прилагательное в (2b) обозначает **большее** проявление признака, обозначаемого прилагательным *короткий*, чем прилагательное без диминутивного аффикса в (2a).

Нетрудно заметить, что эти прилагательные в (1) и (2), по сути, обозначают разные проявления признака *длины*: прилага-

тельное *длинный* — большое проявление этого признака, в прилагательное *короткий* — малое. Интуитивное обобщение состоит в том, что интенсификация обозначаемого исходной формой признака происходит только у тех прилагательных, которые обозначают его малое проявление.

Более того, у некоторых прилагательных, диминутивизация которых никак не влияет на степень проявления обозначаемого этими прилагательными свойства.

(3) а. Чистая рубашка б. Чистенькая рубашка

Прилагательные и в (3а), и в (3б) обозначают одинаковые проявления признака, обозначаемого прилагательным *чистый*.

Исходные понятия

Мы покажем, что такая неоднородность семантики диминутива является кажущейся: на самом деле диминутивизация одинаково влияет на прилагательные обеих групп, а выявленные нами различия объясняются градальными свойствами прилагательных.

Прилагательное называется градальным, если обозначаемое им свойство можно представить в виде шкалы, имеющей деления в соответствии с различными степенями проявления этого свойства.

Мы будем пользоваться понятийным аппаратом теории градальности, представленным в таких работах, как [Bierwisch 1989, Cresswell 1977, Kennedy, McNally 1999, 2005, Rotstein, Winter 2001]. В этих работах показано, что прилагательные делятся на группы в зависимости от типа шкалы, на которой отображаются обозначаемое им свойство. Шкалы бывают следующих типов:

- полностью открытая шкала — шкала, не имеющая конечных точек;
- наполовину открытая шкала — шкала, имеющая одну конечную точку;
- полностью закрытая шкала — шкала, закрытая с двух сторон.

Принадлежность прилагательного к той или иной шкале определяется набором семантических тестов, например:

(4a) *Абсолютно пустой дом* (4b) **Абсолютно старый человек*

Наречие *абсолютно* обозначает крайнюю, предельную степень проявления признака, поэтому прилагательному, допускающему совместное употребление с этим наречием, соответствует, как в (4a), закрытый конец шкалы. Прилагательному, не допускающему подобного употребления, как в (4b), соответствует открытый конец шкалы.

Анализ

Рассматриваемые градальные прилагательные были разбиты на группы в зависимости от того, шкала какого типа им соответствует и с каким концом шкалы они соотносятся.

Если прилагательному соответствует открытый конец шкалы, то диминутивный аффикс, входя в состав этого прилагательного, чаще всего опускает его значение по шкале вниз. В зависимости от того, в какой — нижней или верхней — части шкалы располагалось прилагательное, в результате диминутивизации проявление обозначаемого признака, соответственно, интенсифицируется или ослабевает (см. Рисунок 1, стрелка рядом со шкалой указывает на направление увеличения длины).

Если прилагательному соответствует закрытый конец шкалы, то вне зависимости от того, в какой части шкалы оно расположено, диминутивная форма по степени интенсивности проявления рассматриваемого свойства совпадает с исходной (см. Рисунок 2, стрелка рядом со шкалой указывает на направление увеличения загрязненности).

Рисунок 1

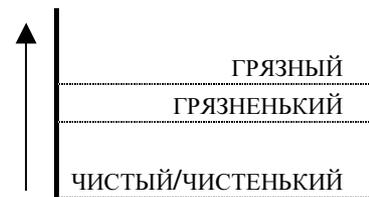

Рисунок 2

Когда прилагательному соответствует закрытый конец шкалы, а также когда прилагательное не является градальным,

диминутивный аффикс появляется в связи с прагматическими целями автора.

Заключение

Таким образом, выявлено собственно диминутивное значение рассматриваемого аффикса. Это позволяет отойти от традиционного подхода, отводящего диминутивному аффиксу при прилагательных исключительно оценочную, «ласкательно-уменьшительную» функцию, и рассматривать диминутивизацию не только как средство выражения оценки определяемого этим прилагательным объекта, но и как средство модификации обозначаемого прилагательным признака (путем сдвига значения этого признака вниз на соответствующей шкале).

Литература

- Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
- Шведова Н. Ю.* (ред.). Русская грамматика. Т. 1–2. М.: Наука, 1980.
- Bierwisch M.* The semantics of gradation // *M. Bierwisch, E. Lang* (eds). Dimensional adjectives. Berlin: Springer Verlag, 1989, pp. 71–262.
- Cresswell M. J.* The semantics of degree // *B. Partee* (eds). Montague grammar. NY: Academic Press, 1977, pp. 261–292.
- Kennedy Ch., McNally L.* From event structure to scale structure: Degree modification in deverbal adjectives // *Semantics as Linguistic Theory*, 1999, Vol. 9, pp. 163–180.
- Kennedy Ch., McNally L.* Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. Ms., 2005. (Available at: <http://mutis.upf.es/~mcnally/kennedymcnally.pdf>).
- Rotstein C., Winter Y.* Total adjectives vs. partial adjectives: Scale structure and higher-order modification // *Natural Language Semantics*, 2001, Vol. 12, pp. 259–288

В. С. Волк

Москва

К ТИПОЛОГИИ ПАДЕЖА ПРИ ПРЕД- И ПОСЛЕЛОГАХ

В подавляющем большинстве языков мира грамматикализовано маркирование семантических ролей у актантов и сирконстантов. Это маркирование может быть вершинным, зависимым или двойным; в языках, в которых имеется зависимое морфологическое маркирование, говорят о *падеже* [Blake 1994; Мельчук 1998]. Зависимое маркирование может быть также и синтаксическим — с помощью служебных слов, называемых *предлогами* или *послелогами* соответственно, сообразно с их расположением относительно маркируемой группы. Однако эти средства маркирования, как правило, не находятся в дополнительном распределении: во многих языках маркирование имени падежом является обязательным вне зависимости от того, маркируется ли именная группа пред-/послелогом или нет.

Основанные на синтаксисе зависимостей теории в таких случаях считают имя зависимым от предлога; теории, основанные на синтаксисе составляющих, говорят о пред- или послеложной группе (PP) с вершиной — пред- или послелогом. Падеж на имени тогда считается приписанным вершиной PP [Chomsky 1981; Wechsler 1997]. Как основание для такого решения приводится в первую очередь то, что падеж имени однозначно определяется пред- или послелогом, то есть вне зависимости от глагола по пред- или послелогу можно восстановить падеж его зависимого. Заметим, что это решение небесспорно, так как хорошо известны языки, в которых падеж подпредложного имени может меняться в зависимости от выражаемой им роли («на столе» — «на стол»).

Основным предметом нашего исследования является выбор падежа имени, маркированного при пред- или послелого. Следует сказать, что предлогом (или соответственно, послелогом) мы будем называть здесь всякий морфологически неизменяемый аналитический маркер роли, стоящий (в норме) непосредственно перед (или соответственно, непосредственно после) маркируемой NP и образующий с ней составляющую. Морфологическая неизменяемость (по падежу) отличает пред- и послелого в первую очередь от имён с локативным значением, альтернативного средства кодирования пространственных ролей, чрезвычайно распространённого в языках мира. Пред- и послелого и локативные имена очень часто употребляются вместе, в частности, в русском — *на верху крыши, с краю стола* и т. д.; впрочем, сам факт такой сочетаемости не может служить надёжным критерием различения пред- и послелогов и локативных имён, так как существуют языки (например, осетинский), в которых при одной NP может стоять одновременно и предлог, и послелог. Возможность выбора маркера семантической роли для зависимого локативных имён, по-видимому, регулируется теми же ограничениями, что возможность выбора маркера роли для зависимого обычного имени; так, языки типа русского, допускающие негенитивное маркирование приименных зависимых, часто допускают и негенитивное маркирование зависимого локативного имени, а языки, допускающие при имени только генитив, как правило, допускают только генитив и при локативном имени. Выбор же падежа для имени при пред- или послелого этими факторами не регулируется.

Логически рассуждая, в языке с падежами и пред- или послелогоми возможны 2 стратегии:

(i) во всех конструкциях с пред- или послелогоми существительное получает один и тот же падеж

(ii) в конструкциях с пред- или послелогоми существительное может получать разные падежи

Первая стратегия подразумевает, что роль имени полностью определяется пред- или послелогом, а падеж на нём появляется просто в силу его грамматической обязательности; эта стратегия очень распространена в языках мира. Насколько нам

известно, верно следующее обобщение: если все пред- или послелого приписывают один и тот же падеж, то это тот же падеж, который оформляет зависимое в посессивной группе, то есть генитив, если он морфологически самостоятелен, или падеж, выполняющий его функции, или номинатив, если посессивность маркируется вершинно.

Существенно интереснее вторая стратегия; в этом случае представляется уместным ввести понятие *предложно-падежной системы* (или, соответственно, *последложно-падежной*). Пред- или последложно-падежные системы представлены, в частности, в индоевропейских, уральских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, дравидийских и нило-сахарских языках; насколько нам известно, ни в Америке, ни в Австралии таких систем нет или почти нет. Большая распространённость этой стратегии на территории Евразии и очень небольшая на других континентах заставляет предположить, что пред- или последложно-падежные системы — это явление ареальное.

На материале выборки, созданной для изучения пред- и последложно-падежных систем, представляется возможным выдвинуть ряд обобщений. Вот некоторые из них:

- набор падежей, которые могут приписываться имени при пред- или послелого, относительно невелик, он включает ядерные падежи и небольшое количество периферийных; даже в многопадежных языках именам при пред- или послелогох, как правило, приписывается не больше периферийных падежей, чем в малопадежных.

- не существует языка, в котором именам при пред- или послелогох приписывались бы только периферийные падежи;

- несмотря на некоторые различия, предложно-падежные и последложно-падежные системы устроены в значительной степени одинаково и принципиальной разницы в их устройстве нет.

В докладе будут сформулированы и некоторые другие обобщения, также будут рассмотрены теоретические следствия из полученных результатов; в частности, будет показана важность данных предложно-падежных систем для теории возникновения пред- и послелогов. Кроме того, будет рассмотрен и проанализирован ряд случаев «расщеплённого кодирования», то

есть случаев, когда пред- или послелог не определяет однозначно падежа имени, и падеж выбирается в зависимости от других факторов, например, от семантической роли имени или его позиции на иерархии одушевлённости.

Литература

- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том II. М.; Вена: Языки русской культуры, 1998.
- Blake B. J.* Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Chomsky N.* Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris Publications, 1981.
- Wechsler S.* Prepositional Phrases from the Twilight Zone // *Nordic Journal of Linguistics*, 1997, vol. 20, № 2, pp. 127–154.

Н. В. Вострикова

Москва

**БЫТИЙНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И ЭКСПЕРИЕНТИВ:
формальные и функциональные параллели**

В данной работе речь пойдет о формальном сходстве структуры бытийных предложений и формы экспериментива в ряде языков. Предполагается, что данное сходство не случайно, а отражает когнитивную близость данных областей человеческого опыта.

1. Бытийные предложения

Бытийным предложениям (предложения, в которых утверждается существование в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками) посвящена обширная литература (см., в частности, [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983; Babby 1980; Borschev, Partee 1998; Янко 2001]), на которую я и буду опираться при дальнейшем изложении свойств данного типа предложений. Впрочем, обсуждаться будут не все типы бытийных предложений, а в основном *посесивные бытийные предложения* (*У меня есть машина*).

**2. Экспериментив (the Experiential): семантика
и формальное выражение**

Предложения, в которых выражено *экспериментивное значение*, описывают типовую ситуацию, участник которой характеризуется тем, что подобная ситуация хотя бы раз имела место в его жизни (см. пример (1) из английского языка). Английский термин *the experiential* (от *experience* ‘жизненный опыт’) как раз отражает связь данного значения с понятием жизненного опыта.

- (1) I have been to London.
'Я бывал в Лондоне'.

Существуют языки, в которых для выражения экспериментального значения зарезервирована специализированная глагольная форма. Данную глагольную форму я буду называть *экспериментивом*. Однако языков с экспериментивом известно довольно мало: японский, корейский, татарский, якутский (< АЛТАЙСКИЕ), индонезийский, сунданский, яванский (< АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ), исекири, сото (< НИГЕР-КОНГО), китайский (< СИНО-ТИБЕТСКИЕ), агульский, даргинский (< НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ), ненецкий, удмуртский (< УРАЛЬСКИЕ) и ряд тайских языков (список основан на работе [Dahl 1985] и результатах моего исследования). Кроме того, на данный момент еще не найдено языка, в котором бы экспериментив маркировался морфологически: каждый раз мы имеем дело с аналитическими конструкциями.

3.1. Экспериментив и бытийные предложения. Одной из наиболее распространенных конструкций, используемых для специализированного выражения экспериментивного значения, является бытийное предложение, т. е. форма экспериментива в языке повторяет структуру бытийного предложения в этом языке. Так обстоит дело в уральских (удмуртский, ненецкий) и алтайских языках (корейский, японский, татарский, якутский).

Я приведу пример из татарского языка (в остальных названных языках ситуация аналогична). В татарском языке бытийное предложение имеет следующую структуру: GEN + N-POSS + БЫТИЙНАЯ СВЯЗКА (см. пример (2)).

- (2) минем вакыт-ым юк
я:GEN время-POSS1SG нет
'У меня нет времени'. [Ганиев, Гаффарова 1996: 112]

Итак, обладатель маркируется генитивом, а обладаемое оформляется посессивным маркером. В утвердительных и вопросительных контекстах используется бытийная связка *bar* 'есть, имеется', а в отрицательных — *юк* 'нет, отсутствует'.

Конструкция с такой же структурой используется и для выражения экспериментивного значения. На месте N в схеме бытийных предложений в предложениях с экспериментивным значением используется отглагольное имя на *-ган* (см. пример (3)).

- (3) Аның ничектер эзерлә-гән-е бар
он.GEN как-то готовить-NZR-POSS3SG есть
{ЛК: — Ты умеешь готовить пищу? Мне рецепт нужен. —
Спроси у моей сестры}. ‘Она как-то ее готовила’.

Таким образом, в предложениях с экспериментивом агенса, совпадающий с субъектом опыта, оформляется генитивом (тогда как стандартное оформление субъекта в финитных предложениях — номинатив), глагол номинализуется и оформляется посессивным маркером, который отличается от личных окончаний глагола, бытийная связка *bar* ‘есть, имеется’ делает предложение финитным, т. е. форма экспериментива в татарском имеет следующую структуру: GEN + VERB-NZR-POSS + БЫТИЙНАЯ СВЯЗКА, где NZR — суффикс номинализации. Итак, мы видим, что структура формы экспериментива в татарском в точности повторяет структуру посессивных бытийных предложений.

3.2. Предлагаемый анализ

В своем анализе мы исходим из постулата об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: «в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она “отражает” стоящую за ней когнитивную структуру» ([Кибрик 2003: 46], см. также [Кибрик 1992: 25]). Из этого следует, что сходство двух форм, как правило, является не случайностью, а следствием когнитивной близости двух языковых единиц.

Проследим сходство бытийных предложений и экспериментива:

1) на уровне семантики

Концептуализация жизненного опыта как объекта обладания неслучайна. В предложениях с экспериментивным значением субъекту приписываются определенные умения или знания в связи с тем, что он был участником некоторой ситуации в прошлом (как в (3): ‘сестра знает рецепт, потому что у нее есть

опыт приготовления пиццы'). Предложения с экспериментивным значением всегда предполагают логическое заключение о том, что субъект опыта обладает определенными навыками или располагает знаниями определенного рода (см. ниже о дискурсивном функционировании таких предложений).

В работе [Янко 2001: 309–326] подробно описываются свойства русской конструкции *У меня есть X*, противопоставленной конструкции *У меня X*. Первая конструкция является прототипическим посессивным бытийным предложением, и описанные Т. Е. Янко свойства релевантны и для рассматриваемых в данной работе языков. Обладание в бытийных предложениях (т. е. *X* в схеме Т. Е. Янко) демонстрирует свойства сущностей, для которых характерно а) существование вообще, а не только в актуальный момент (*У него есть деньги. Он может пригласить нас в ресторан vs. Смотри, у маленького деньги! Он же их сейчас в рот отправит*); б) быть элементом системы (парадигмы), чье присутствие в определенной области бытия включает в себе потенциальную силу, которая может быть как благоприятна (*В лесу уже есть грибы*), так и нет (*В лесу есть змеи*).

С семантической точки зрения, жизненный опыт — это тоже сущность, которой субъект обладает всегда и которой он может воспользоваться в нужный ему момент (*Врач уже лечил таких больных, он вам поможет*). Как мы видим, существуют языки, в которых жизненный опыт оформляется как сущность и на поверхностном уровне — как объект обладания при бытийном глаголе.

2) на уровне референциального статуса

Если вопросам референции именных групп посвящена обширная литература, то на референциальный статус глагольных групп в тексте внимание было обращено относительно недавно. Так, Х. Р. Мелиг в своей работе [Мелиг 1998] вводит понятие референции второй степени, которое применяется по отношению к ситуациям. С этой точки зрения Мелиг исследовал различия между совершенным и несовершенным видом в русском языке; заметим, что в русском в экспериментивных контекстах используется несовершенный вид, собственно, экспериментивное значе-

ние — это подтип широко обсуждаемого в славистике общефактического значения (совпадает с тем, что Е. В. Падучева выделяет как *общефактическое экзистенциальное* значение НСВ). В работах [Мелиг 1998], [Шатуновский 2004] предлагается считать, что глагольная группа в интересующих нас контекстах имеет неопределенный референциальный статус. Таким образом, если провести аналогию с терминологией Е. В. Падучевой для именных групп, то глагольная группа в предложении с экспериментивным значением будет иметь неререферентный (т. е. не обозначающий индивидуальных объектов) экзистенциальный денотативный статус. Именно такой референциальный статус имеет ИГ, обозначающая объект обладания, в бытийных предложениях.

3) на уровне коммуникативной структуры

В [Падучева 1996], [Mehlig 1991], анализирующих коммуникативное членение предложений с общефактическим значением в русском языке, предлагается говорить об *экзистенциальном* актуальном членении «лексического значения глагола», т. е. проводится параллель с коммуникативным членением бытийных предложений. Тот фразовый акцент, который несет на себе глагол в НСВ в общефактическом значении (*Ты когда-нибудь возвращался ↑ этой дорогой?*), Е. В. Падучева предлагает отражать в толковании с помощью семантического оператора ИМЕТЬ МЕСТО в рематической позиции. В русском языке данный оператор не виден на поверхности, поэтому и приходится говорить о коммуникативном членении «лексического значения глагола». Однако в рассматриваемых в данной работе языках этот оператор присутствует в предложении в виде бытийной связи. Таким образом, бытийные предложения и предложения с экспериментивным значением имеют сходную коммуникативную структуру.

4) на уровне функционирования в дискурсе

Для высказываний с экспериментивным значением характерна дискурсивная несамостоятельность, выражающаяся в том, что данные высказывания всегда предполагают наличие связи с другими частями дискурса. Эта связь может состоять в том, что предложение с экспериментивным значением а) служит обосо-

ванием для ближайшего куска дискурса (*Плавали. Знаем*. ‘Наше знание обоснованно: у нас есть соответствующий опыт’); б) является основанием для последующих логических заключений (Фраза *Вася читал эту книгу* не является самодостаточной, всегда ожидаются какие-то последующие выводы: *Видишь, какой он умный* или *Можешь спросить у него, интересная ли она*.). Таким образом, высказывания с экспериментивным значением, как правило, содержат информацию, которая важна не сама по себе, а как отправной пункт для дальнейших рассуждений. В таких случаях важно, чтобы эта информация воспринималась как данное: если с этой отправной точкой что-то не так, то это ставит под угрозу успех всей коммуникации. Поэтому говорящему важно «подавать» эту информацию как заранее истинную, так, чтобы у слушателя не было основания оценивать ее в терминах истина/ложь.

Теперь заметим, что в языках наиболее простым способом подать информацию как данное является бытийное предложение: 1) именно оно наиболее часто употребляется в интродуктивной функции [Givón 1990: 741–748]: стандартное начало любой сказки — это бытийное предложение, которое вводит информацию о существовании важных для последующего дискурса референтов (*Жил-был король*); если не принять эту информацию как не подлежащую сомнению, то последующий дискурс оказывается бессмысленным; 2) любое высказывание в качестве пресуппозиции имеет презумпцию о существовании упомянутых участников (*Приехала моя сестра* → пресуппозиция ‘у меня есть сестра’; ср. типичное использование бытийных предложений в речи носителей дагестанских языков: *У меня брат есть же. Вот он вчера приехал*), в то время как само бытийное предложения уже так не раскладывается. Таким образом, совпадение формы экспериментива и структуры бытийного предложения мотивировано также и тем, что они имеют сходное функционирование в дискурсе.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Референция имени и структура предложения // *Вопр. языкознания*, 1976. № 2, с. 24–35.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983.
- Ганиев Ф. А., Гаффарова Ф. Ф.* Русско-татарский словарь. Казань: Татарское книжное издательство, 1996.
- Мелиг Х. Р.* Вид, отрицание и референциальный статус глагольной предикации в тексте // *Типология вида: проблемы, поиски, решения: (Материалы Международной научной конференции, 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М. В. Ломоносова)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998, с. 289–304.
- Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Шатуновский И. Б.* Общефактическое НСВ: коммуникативные функции и референция // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян*. М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 368–377.
- Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Babby L. H.* Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, Michigan: Karoma Publishers, 1980.
- Borschev V., Partee B. H.* Formal and Lexical Semantics and the Genitive in Negated Existential Sentences in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1998. pp. 75–96.
- Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Givón T.* Syntax: a functional-typological introduction. Vol. II. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1990.
- Mehlig H. R.* Экзистенциальные и экспликативные вопросы // *Russian Linguistics*, 1991, Vol. 15, pp. 117–125.

А. П. Выдрин
Санкт-Петербург

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Стандартная определительная конструкция в адыгейском языке (в (1) выделена жирным шрифтом) имеет следующий вид:

- (1) *se se-лак_wə тə ле-т jə-[məl pš'er]_{NP-хе-г}*
1SG 1SG-видеть этот мужчина-ERG POSS-баран жирный-PL-ABS
'Я вижу жирных баранов этого мужчины'.

Из доступных работ по адыгейскому языку известно следующее: а) определительные конструкции имеют общее ударение и интонацию; б) при образовании определительных комплексов происходят определенные фонологические чередования (при постпозитивном определении конечный гласный определения -ə редуцируется, а гласный -а- в предпоследнем слоге определяемого переходит в -е-); в) грамматические показатели находятся или в препозиции (посессивные маркеры), или в постпозиции (показатели падежа и числа) ко всему определительному комплексу; г) никакая единица (не входящая в данный определительный комплекс) не может помещаться внутри определительного комплекса [Яковлев и Ашхамаф 1941; Рогава и Керашева 1966; Дауров 1974; Зекох 2002].

Исследования по адыгейскому языку рассматривают определительные конструкции как единое целое с морфологической и фонологической точек зрения, однако оставляют без ответа вопрос о синтаксических свойствах данных конструкций. В докладе будут рассмотрены синтаксические свойства определительных комплексов и порядок различных типов определений внутри данных комплексов.

2. Синтаксические свойства определительных конструкций

В ходе полевой работы 2004–2006 гг. выяснилось, что синтаксически данные конструкции также представляют собой неразрывное целое. В фокусной конструкции (2), при контрастивном выделении (3) и в сравнительной конструкции (4)–(5) определительные комплексы сохраняют свое единство. Как отмечается в грамматике [Рогава, Керашева 1966, 377], частица *nah*, употребляющаяся в сравнительной конструкции, ставится только перед комплексом «определение + определяемое». Однако в ходе опроса информантов выяснилось, что *nah* может находиться как перед определительным комплексом (4), так и внутри него (5).

- (2) *wəne fəʒʹ-a wə-ze-plə-re-r*
дом белый-Q 2SG-REL-смотреть.на-DYN-ABS
'На белый ли дом ты смотришь?/На дом ли белый ты смотришь?'
- (3) *jərl wəne jəpə-m wəne ʒəq_wə-m*
посмотри дом большой-ERG дом маленький-ERG
e-mə-pl-ew
2SG-NEG-смотреть.на-ADV
'Посмотри на большой дом, а не на маленький' (букв. 'Посмотри на большой дом, на маленький не смотри').
- (4) *se nah txələ vəʒək_wepə-m s-ejʒe*
я более книга интересный-ERG 1SG-читать
'Я читаю более интересную книгу'.
- (5) *se txələ nah vəʒək_wepə-m s-ejʒe*
я книга более интересный-ERG 1SG-читать
'Я читаю более интересную книгу'.

Определительная конструкция теряет свое единство, если (а) одно из определений имеет зависимые слова (*человек, гордый своим достоинством*) или (б) одна из частей конструкции находится под отрицанием (б). Однако это не мешает считать, что определительные конструкции адыгейского языка синтаксически представляют собой единое целое. Конструкция с определением, имеющим зависимые слова (а) в языках мира довольно часто (если не всегда) отличается от определительной конструкции. Отрицание *-ep* в адыгейском языке является предикативным мар-

кером и, таким образом, случай (б) вряд ли можно считать аргументом против синтаксической неразрывности определительной конструкции.

- (6) *aš' žen-ew aš'ere-r dax-ep*
он платье-ADV продает-ABS красивый-NEG
'Он продает некрасивое платье'. (букв. 'Платье, которое он продает, — некрасивое')

3. Разные типы определений

Из грамматик и исследований по адыгейскому языку известно, что в состав определительного комплекса могут входить как постпозитивные, так и препозитивные определения. В адыгейском языке затруднено деление слов на части речи, поэтому единственным возможным способом классификации определений является семантический. Препозитивными определениями являются, как правило, имена с предметным значением (*təx_wəž₁ zehet₂* 'стая₂ волков₁ / волчья₁ стая₂'). В качестве постпозитивных определений обычно выступают имена с качественным значением (*šhac₁ č'əha₂* 'длинные₂ волосы₁').

3.1. Порядок присоединения определений относительно вершины. В ходе экспедиционной работы выяснилось, что существует довольно большой класс качественных определений, которые могут находиться как в постпозиции, так и в препозиции к вершине конструкции (например, *интересный, гордый, внимательный*). Определения с посессивным значением всегда находятся в препозиции к вершине (*themat₁ mašine₂* 'машина₂ начальника₁', 'машина, принадлежащая начальнику') Определения с атрибутивным значением (*təx_wəž₁ zehet₂* 'стая₂ волков₁', *'стая, принадлежащая волкам') могут стоять как в препозиции, так и в постпозиции к вершине. Единственным ограничением на позицию атрибутивных определений является то, что они не могут занимать крайне правую позицию в определительном комплексе, т. е. не могут занимать позицию после постпозитивного определения (8г).

- (8a) *aslanə dene ljente dehe pləž'ə-r*
 Аслан шелк лента красивый красный-ABS
ze-p-jə-bzəç'ə-в
 RFL-LOC-3SG-резать-PST
 'Аслан разрезал красивую красную шелковую ленту'.
- (8б) *aslanə ljente dene dehe pləž'ə-r*
 Аслан лента шелк красивый красный-ABS
ze-p-jə-bzəç'ə-в
 RFL-LOC-3SG-резать-PST
- (8в) *aslanə ljente dehe dene pləž'ə-r*
 Аслан лента красивый шелк красный-ABS
ze-p-jə-bzəç'ə-в
 RFL-LOC-3SG-резать-PST
- (8г) **aslanə ljente dehe pləž'ə dene-r*
 Аслан лента красивый красный шелк-ABS
ze-p-jə-bzəç'ə-в
 RFL-LOC-3SG-резать-PST

3.2. Порядок присоединения нескольких определений.

Препозитивные определения с посессивным значением всегда находятся непосредственно перед вершиной. Порядок присоединения атрибутивных определений, вне зависимости от того, находятся ли они в препозиции или постпозиции, является практически свободным. Как было уже сказано выше, единственным ограничением является то, что такие определения не могут занимать крайне правую позицию в комплексе. Порядок качественных определений, как в постпозиции, так и в препозиции, является практически свободным.

Литература

- Дауров Х. Б. Субстантивные словосочетания в адыгейском языке // Ученые записки АНИИ ЭЯЛИ, том XIX, языковедение. Майкоп, 1974, с. 66–116.
- Зекох У. С. Адыгейская грамматика. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002.
- Розава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Яковлев Н. Ф., Аихамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л.: Наука, 1941.

А. Э. Гращенкова, П. В. Гращенков

Москва

АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Работа посвящена внутренней структуре группы прилагательного в русском языке. Известно, что не только краткие, но и полные формы прилагательных допустимы в предикативной позиции, см. (1) (такое употребление, согласно [Иванов 1990], развилось в 15–16 вв.). В то же время, имеется большая группа прилагательных (*вежливый, гордый, внимательный, довольный,...*), которые способны принимать лексические зависимые, выраженные предложной или падежной группой.

Дистрибуция подобных групп прилагательных, однако, нетривиальна: в то время, как прилагательные с зависимыми допустимы в краткой форме в позиции сказуемого, (2) и в полной форме в позиции определения, (3), предикативное употребление полных форм с зависимыми неграмматично, (4).

Имеются также два других интересных синтаксических запрета на употребление полных форм прилагательных, имеющих лексическую валентность. Во-первых, невозможно предикативное употребление так называемых «симметричных» предикатов, даже в тех случаях, когда лексическое зависимое не выражено, а предикативные отношения между двумя участниками передаются формой множественного числа, (5).

Во-вторых, еще одним фактом, требующим объяснения, является запрет на атрибутивное употребление прилагательных с зависимыми предикациями, ср. (6.a) и (6.b), а также (6.b) и (3). Для объяснения неграмматичности приведенных примеров мы будем использовать два теоретических постулата.

Во-первых, нами будет развита идея о противопоставлении полных и кратких форм прилагательного как именных и гла-

гольных словоформ (соответственно), впервые предложенная Бэбби, см. [Babby 1971].

Во-вторых, важным теоретическим допущением будет следующее. Мы считаем, что структура группы прилагательного, имеющего в своем составе лексическое зависимое, существенным образом отличается от структуры группы прилагательного, употребленного без зависимых. А именно, в первом случае прилагательное всегда обладает **аргументной структурой**, т. е. имеет возможность присваивать семантические роли (об аргументной структуре см., например, [Grimshaw 1990]). Одиночные прилагательные семантических ролей не присваивают, и, соответственно, не содержат в своей внутренней структуре вершин, за это ответственных.

Далее, мы считаем, что за присвоение семантических ролей отвечает проекция краткой формы прилагательного. Это подтверждается следующим фактом: **в русском языке нет прилагательных с синтаксической валентностью, которые не располагали бы краткой формой.**

Исходная структура группы прилагательного с лексическими зависимыми выглядит как (7.a), где aP — проекция краткой формы прилагательного, присоединяющая предложную группу, в позиции спецификатора aP порождается подлежащее группы прилагательного. Вершина группы прилагательного при этом согласуется с внутренним подлежащим в числе и роде. Структура (7.a), лежит в основе предикаций, где сказуемое выражено краткой формой (*Девочка похожа на мать*).

Далее, если мы имеем дело с атрибутивным употреблением группы прилагательного, происходит подъем вершины группы прилагательного (*похож*) в позицию A , вершину группы полной формы — AP (t_H — след от перемещения вершины), см. (7.b). Внутреннее подлежащее при этом передвигается в позицию спецификатора AP , (7.c), и далее — в позицию вершины именной группы, (7.d) (ср. аналогичный анализ в [Кауне 1994]). В позиции вершины полной формы (AP) прилагательное приобретает признаки падежа, числа и рода. На выходе данной структуры, таким образом, получаем высказывания *Девочка, похожая на мать,...* В случае препозиции прилагательного (*Похожая на мать девоч-*

ка...) вся группа прилагательного передвигается вверх по структуре и оказывается впереди своего внутреннего подлежащего, см. (7.е) (ср. также [Кауне 1994]).

Отметим следующее существенное для нас свойство данной структуры: если порождение группы прилагательного не останавливается на краткой форме, перемещение прилагательного из позиции вершины aP в позицию вершины AP происходит прежде чем в aP произойдет согласование признаков [gender], [case] с внутренним подлежащим.

Т. е. полная форма не получается из краткой добавлением падежного признака, а образуется «самостоятельно» (при этом, однако, нарушается так называемое ограничение на передвижение вершин, Head Movement Constraint, что будет специально обсуждено).

Подобное допущение подтверждается двумя фактами: во-первых, русский язык не агглютинативный и полную форму нельзя получить из краткой кумулятивно: *гордый* ≠ *горд*+ [case]. Во-вторых, в русском невозможны формы типа *нуженый*, *мягкий* и т.п. Если бы они существовали, можно было бы утверждать, что сначала образуются краткие формы, а затем от них – полные. Отсутствие беглого гласного в полных формах, таким образом, подтверждает анализ, при котором сначала приобретается нужная комбинация признаков, а затем она получает фонологическую реализацию, (8).

Итак, принципиальным моментом является то, что набор признаков полного прилагательного, [gender], [number], [case], не выводится кумулятивно из сочетания признаков краткого прилагательного, [gender], [number] и падежа. Более того, мы считаем, что краткое прилагательное, помимо рода и числа, обладает еще одним признаком, отличающим его от полных форм — признаком временной соотнесенности. Наличие данного признака сближает краткую форму прилагательных с краткой формой пассивных причастий (*выловлен*, *выловлена*, *выловлено*, *выловлены*) и формами прошедшего времени (*прошел*, *прошла*, *прошло*, *прошли*). Отметим, что наличие распространенных составляющих в случае предикативного употребления полных форм причастий также недопустимо, ср. (9).

Как было предложено в [Hoekstra 2004; Pesetsky & Torrego 2004], словоформы, обладающие временным признаком в составе предикации должны образовывать так называемую «временную цепочку», т. е. между ними не должно быть границ составляющих, «непрозрачных» для данного признака. Мы предполагаем, что составляющими, блокирующими распространение временного признака, являются те, которые содержат признак падежа, прежде всего — именные группы и группы полной формы прилагательного, NP и AP. Иными словами, «временные составляющие» не должны быть вложены в «падежные составляющие».

Теперь мы можем объяснить неграмматичность примеров (4) и (5.b,c), (6.b). В (2), (4) и (5.b,c) над группой прилагательного доминирует узел IP, отвечающий за временной признак. Однако, если в (2) этот признак успешно достигает вершины краткого прилагательного *a*, см. (10), то в (4) и (5.b,c) этому препятствует падежная составляющая AP, см. (11), (12).

Допустимость атрибутивного употребления прилагательных с предложными/падежными зависимыми, (3), объясняется следующим образом. В случае вхождения в состав ИГ над прилагательным доминирует вершина не с временным признаком, а с падежным. В подобных структурах, как было отмечено выше, не происходит процесса согласования прилагательного с внутренним подлежащим, когда оба они находятся в AP. Следовательно, временной признак, которым обладает *a*, оказывается непроверенным и «неактивированным». Напротив, перемещение происходит сразу в более высокую позицию, A, где вершина получает не признак времени, а признак падежа.

Неграмматичность (6.b) также объясняется «прерыванием» временной цепочки. Зависимые предикации, возглавляемые союзом *что* в русском языке могут зависеть от глаголов, но не от имен, ср. (13) и (14). Иными словами, *что*-предикации также оформлены временным признаком и должны иметь составляющую с признаком [tense], непосредственно доминирующую над ними (см. по этому поводу также [Pesetsky & Torrego 2004]). Именно это требование делает *что*-предикации грамматичными тогда, когда они зависят от предикативной краткой формы при-

лагательного, (6.a), и неграмматичными тогда, когда они употреблены при (атрибутивной) полной форме, (6.b).

В случае полных форм прилагательных без зависимых лексическая единица вставляется сразу в позицию вершины А. Аргументная структура и временной признак, за которые ответственна краткая форма, таким образом, отсутствуют, что делает возможными предложения типа (1).

Примеры:

- (1) *Мальчик был умный / умным.*
- (2) *Этот человек доволен своей работой.*
- (3) *Я не встречал довольного своей работой человека.*
- (4) **Этот человек довольный своей работой.*
- (5.a) \checkmark *Параллельные прямые не пересекаются.*
- (5.b) **Прямая а и отрезок АВ параллельные.*
- (5.c) **Эти прямые параллельные.*
- (6.a) *Критик был согласен, что Солженицын талантливый писатель.*
- (6.b) **Согласный, что Солженицын талантливый писатель, критик, тем не менее, ругал его за антисоветчину.*
- (7.a) [aP [девочка] [a'P [a похожа] [на мать]]]
- (7.b) [aP [А похожая] [aP [девочка] [a'P tH [на мать]]]]
- (7.c) [aP [девочка] [А похожая] [aP tSubj [a'P tH [на мать]]]]
- (7.d) [NP [девочка] [aP tSubj [А похожая] [aP tSubj [a'P tH [на мать]]]]]
- (7.e) [NP [aP похожая [aP [на мать]]]] [NP девочка]
- (8.a) a: [gender], [number] $\rightarrow \emptyset, a, o, ы$
- (8.b) A: [gender], [number], [case] $\rightarrow ый, ая, ое, ые; ого, ую, ого, ых; \dots$
- (9.a) **Эта рыба выловленная мной.*
- (9.b) **Этот человек прошедший войну.*
- (10) *Этот человек [IP [tense] \rightarrow [aP[tense] доволен своей работой]] $\rightarrow \checkmark$*
- (11) *Этот человек [IP [tense] \rightarrow [AP[case] довольный своей работой]] $\rightarrow *$*
- (12) *Эти прямые [IP [tense] \rightarrow [AP[case] параллельные]] $\rightarrow *$*
- (13) *Я решил, что не поеду в Москву.*
- (14) **мое решение, что не поеду в Москву...*

Литература

- Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990.
- Babby L. H* Transformational Analysis of Russian Adjectives. Ph. D. Thesis, Harvard University, Cambridge, MA, 1971.
- Bailyn J. F.* The Syntax of Slavic Predicate Case // *A. Strigin et al* (eds). ZAS Occasional Papers in Linguistics: Proceedings of the Workshop on Predication. Berlin: Zentrum für allgemeine Sprachwissenschaft, 2001.

- Bowers J.* The Syntax of Predication // *Linguistic Inquiry*, 1993, Vol. 24, pp. 591–656.
- Grimshaw J.* *Argument Structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Hoekstra T.* *Arguments and Structure. Studies on the Architecture of the Sentence*. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 2004.
- Kayne R.* *The Antisymmetry of Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Pereltsvaig A.* Are all Small Clauses Created Equal? Evidence from Russian and Italian // *McGill Working Papers in Linguistics*, 2000, Vol. 15, № 1, pp. 73–104.
- Pesetsky D.* and *Torrego E.* Tense, case, and the nature of syntactic categories // *J. Gueron, J. Lecarme* (eds). *The Syntax of Time*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004, pp. 495–537.

Е. А. Демьянова

Москва

**ГЕНИТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРИ
ОТРИЦАНИИ И ГИПОТЕЗА
НЕАККУЗАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на примере некоторых глаголов чувственного
восприятия)**

В русском языке — как в языке аккузативного строя — наиболее нейтральным способом синтаксического маркирования актантов глагола считается тот, при котором субъект глагола маркируется именительным падежом, и, если глагол переходный, прямой объект стоит в винительном падеже.

Однако в случае, иногда при отрицании наблюдается отступление от стандартного способа маркирования: в случае непереходного глагола субъект может стоять в генитиве; в случае переходного глагола генитивом может маркироваться прямое дополнение, субъект же обязательно сохраняет номинатив, например:

Стандартное маркирование	При отрицании
<i>Я_{NOM} был на лекции.</i>	<i>Я_{NOM} не был на лекции.</i>
	<i>Меня_{GEN} не было на лекции.</i>
<i>Я_{NOM} вижу кошку_{ACC}.</i>	<i>Я_{NOM} не вижу кошку_{ACC}.</i>
	<i>Я_{NOM} не вижу кошки_{GEN}.</i>

Традиционно проблемы маркирования генитивом субъекта и объекта рассматривались независимо друг от друга. Однако есть ряд причин, по которым представляется логичным считать эти проблемы системно связанными.

1. Предложения с субъектным и объектным генитивом могут описывать одну ситуацию с неизменным набором участников, например:

*Имею возможность купить козу, но **не** имею желания.*

*У меня есть возможность купить козу, но **нет** желания.*

2. Многие из уже обнаруженных факторов, влияющих на падежное распределение, релевантны как для субъектного, так и для объектного (см. [Timberlake 1975]) генитива: например, появлению генитива как у субъекта, так и у объекта препятствуют их одушевленность, референтность и единственное число.

3. В [Падучева 2004] был выведен семантический инвариант, и таким образом была доказана семантическая мотивированность распределения падежей в случае субъекта непереходного глагола. В [Борщев, Парти 2002] показывается, что в случае бытийной семантики при отрицании постановка субъекта в генитив обязательна; однако это также касается только непереходных глаголов.

Что касается объекта, то, по результатам более ранних исследований, аккузативное маркирование при отрицании неграмматично только при глаголе *иметь*; в остальных же случаях оба варианта – с генитивом и аккузативом – считались с точки зрения грамматики приемлемыми.

4. В докладе рассматриваются глаголы чувственного восприятия. Традиционно глаголы этого тематического класса считаются склонными к генитиву, хотя и допускают слабую вариативность. На этой области были обнаружены случаи, в которых вариативность не допустима и аккузативное маркирование неграмматично. К запрету на аккузатив приводит регулярный семантический сдвиг, в результате которого у глагола появляется значение обладания экспериенциальным знанием — смысл должен быть связан с обладанием некоторым знанием (или отсутствием его у субъекта), обязательно полученным из личного жизненного опыта, например:

*Я еще ничего не сделал из того, о чем мечтал: не сыграл Гамлета и Обломова, **не** вкусил супружеской жизни, не был в Соеди-*

ненных Штатах, не управлял яхтой и не играл в гольф. [Родион Нахапетов. Влюбленный (1998)]

В некоторых случаях возможен переход от семантики обладания экспериенциальным знанием к бытийной, то есть имеет место цепочка тождеств ‘отсутствует знание’ \Leftrightarrow ‘отсутствует восприятие’ \Leftrightarrow ‘отсутствует сигнал’ \Leftrightarrow ‘отсутствует источник сигнала’.

Здесь самое время вспомнить тезис ТРЕБУЕМОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ, приводимый в [Борщев, Парти 2002] – условие допустимости глагола в бытийной конструкции с генитивным субъектом. Суть тезиса заключается в том, что конструкция с генитивным субъектом употребима, если «отрицательное бытийное предложение эквивалентно аналогичному предложению с глаголом *быть*». Эта конструкция, таким образом, возможна и для глаголов, буквальное значение которых не является бытийным, однако в определенном контексте от всего полного значения глагола остается (или становится важен) прежде всего бытийный компонент:

Не виднелось парусов на горизонте \Leftrightarrow *Парусов на горизонте не было* [Борщев, Парти 2002].

Аналогичным образом происходит десемантизация (*bleaching*) в следующем примере с переходным глаголом:

Десять лет не видали волчьего следа, и вдруг волк объявился. [Юрий Коваль. Сиротская зима (1980–1993)]

Таким образом, мы показали, что генетивные конструкции с субъектом и объектом, возникающие при отрицании, системно связаны.

5. Впервые понятие неаккузативности было употреблено в [Perlmutter, 1978] применительно к глаголам, на глубинном уровне имеющим единственный аргумент ‘прямое дополнение’ — в противовес неэргативным глаголам, единственный аргумент которого всегда ведет себя как субъект переходного глагола. Предполагалось, что неаккузативные глаголы не имеют

настоящего синтаксического субъекта, он появляется только на поверхностном уровне, следуя внешним правилам.

О неаккузативности в русском языке впервые упоминается в [Chvany 1975] применительно к глаголам существования. В [Pesetsky 1982] были предложены некоторые синтаксические диагностики неаккузативности, три из них были подробно описаны и обоснованы в [Бобрик 1995], среди которых и конструкция с генитивом (субъекта) при отрицании.

Возникает вопрос: если, как предполагается в определении неаккузативности, генитив при отрицании маркирует у субъекта непереходного глагола пациентивные свойства, то что маркируется в прямом объекте переходного глагола?

Логично предположить, что маркируется одно то же свойство субъекта и объекта, а именно — факт его вовлеченности в ситуацию.

Литература

- Бобрик О. М.* Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. Филологический факультет МГУ, ОТиПЛ, 1995.
- Борцев В. Б., Парти Б. Х.* О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37, 2002, с. 59–77.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Chvany K. V.* On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge, MA: Slavica, 1975.
- Perlmutter D.* Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Berkley Linguistics Society, 1978, Vol. 4, pp. 157–189.
- Pesetsky D.* Paths and Categories. Ph.D. Dissertation, MIT, 1982.
- Timberlake A.* Hierarchies in the Genitive of Negation // Slavic and Eastern European Journal, 1975, Vol. 19, pp. 123–138.

Ф. И. Дудчук, Е. А. Пшихотская

Москва

**ПАССИВНЫЕ ПРИЧАСТИЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА:
свидетельства русского языка**

Проблема

Общепринятый анализ предельности [Dowty 1979; Smith 1991/1997] предполагает, что событие, обозначаемое предельным глаголом, состоит из двух стадий — процесса и точки кульминации. После точки кульминации процесс сменяется результирующим состоянием.

(1a) *Вася доказал теорему.*

(1b) *Вася сломал замок.*

Так, в (1a) и (1b) реализуются одни и те же акциональные значения предельных глаголов *доказать* и *спрятать* — ‘вхождение в (результирующее) состояние’ (по терминологии [Tatevosov 2002]). Проблема возникает при пассивизации предложений из (1).

(2a) *Теорема была доказана.*

(2b) *Замок был сломан.*

Предложение (2b) допускает два прочтения — результирующее и стативное. При первом (2b) обозначает событие (кто-то сломал замок), при втором — состояние (например, в ситуации, когда замок оказался бракованным). Предложение (2a) допускает только результирующее прочтение. Это отчетливо видно при присоединении обстоятельства *всё еще*, которое может сочетаться с состояниями/процессами, но не может с событиями.

(3a) * *Вася всё еще опьянел.*

(3b) *Вася всё еще пьян.*

(4a) *Теорема была всё еще доказана.

(4b) Замок был всё еще сломан.

Следует заметить, что, в отличие от стативной интерпретации, результирующее прочтение причастия возможно всегда, независимо от глагольной основы. Возникает два вопроса: чем регулируется доступность стативного прочтения русских пассивных причастий? И почему стативное прочтение никогда не бывает возможно в предложениях с выраженным агенсом, таких как (1)?

Наблюдения. В отношении интерпретации пассивных причастий русские предельные глаголы делятся на две группы: допускающие стативное прочтение (*сломать, спрятать, накачать, покрыть, обтянуть, заклеить, поднять, закрасить, соединить, причесать*) и не допускающие (*доказать, прочитать, написать, починить, съесть, сварить*).

Стативная интерпретация причастия возникает как в предикативной, так и в атрибутивной позиции.

(5a) *всё еще сломанный замок*

(5b) *всё еще открытый магазин*

(5c) *всё еще заклеенные окна*

(6a) **всё еще доказанная теорема*

(6b) **всё еще вымытый ребенок*

(6c) **всё еще написанный роман*

Это означает, что речь идет об аспектуальных свойствах именно причастий, а не аналитической пассивной конструкции целиком. Более точно, стативное прочтение возникает у глагольной группы. Это видно в (7), где стативную интерпретацию получает причастие вместе с зависимым обстоятельством способа.

(7a) *Машины волосы были всё еще плохо уложены.*

(7b) **Теорема была всё еще доказана кое-как.*

Кроме того, добавление агенса делает стативное прочтение причастия невозможным — как в предложениях с активным залогом (1b), так и в пассиве.

(8a) *Магазин всё еще открыт.*

(8b) *Магазин всё еще открыт Васей.

Обсуждение и анализ

Ключевым для обсуждаемого материала является наблюдение Т. Парсонса [Parsons 1990: 234–235], заметившего, что следует различать результирующие состояния (resultant states) и целевые состояния (target states). Первые возникают после любого события: например, после события ‘Вася съел пирожок’ возникает результирующее состояние ‘состояние после того, как Вася съел пирожок’. Характеристическое свойство результирующих состояний состоит в том, что, единожды возникнув, оно никогда не может прекратиться. С другой стороны, семантика некоторых глаголов предполагает и другую возможность. Так, привычно считать, что состояние, которое должно последовать за событием ‘Маша забросила мяч на крышу’ — ‘состояние, при котором мяч находится на крыше’. Такое состояние Парсонс называет целевым. Оно не является в смысле Парсонса результирующим, т. к. может продлиться ограниченное время: мяч может просто скатиться вниз.

Особенность целевых состояний в том, что у них всегда есть носитель (обычно тот же индивид, что был пациентом соответствующего состоянию события). Результирующие же состояния не подразумевают никаких носителей: результирующее состояние — это то «положение вещей», которое сложилось после соответствующего события.

Состояния, которые возникают при стативном прочтении причастий (4b), несомненно, относятся к целевым. Именно целевых состояний требует обстоятельство *всё еще*, так как оно подразумевает, что состояние может прерваться.

Как возникает стативная интерпретация? А. Кратцер [Kratzer 1998, 2000] предполагает, что целевые состояния определены для глагольных основ в словаре: функция f_{target} возвращает по событию его целевое состояние, если оно определено, и не возвращает ничего в других случаях.

(9) $[[\text{откры-}]] = \lambda x \lambda s \lambda e [\text{открывать}(e) \wedge \text{открыт}(s) \wedge \text{ПАЦИЕНС}(x)(e) \wedge \text{НОСИТЕЛЬ}(x)(s) \wedge s = f_{\text{target}}(e)]$

Глагольная группа [*открыть окно*] тогда обозначает отношение между событиями:

$$(10) \quad \llbracket \text{откры- окно} \rrbracket = \lambda s \lambda e [\text{открывать}(e) \wedge \text{открыт}(s) \wedge \text{ПАЦИЕНС}(\text{окно})(e) \wedge \text{НОСИТЕЛЬ}(\text{окно})(s) \wedge s = f_{\text{target}}(e)]$$

Интерпретация VP в (10) имеет тип $\langle s, \langle s, t \rangle \rangle$ и не может интерпретироваться дальше, пока к ней не будет применена одна из операций: STATE или EVENT (ср. аналогичный анализ в [Psalavska & von Stechov 2002; Kratzer 2000]; обычно предполагается, что соответствующий оператор присоединяется к VP при помощи адьюнкции).

$$(11a) \quad \llbracket \text{STATE} \rrbracket = \lambda R_{\langle s, \langle s, t \rangle \rangle} \lambda s \exists e [R(s)(e)]$$

$$(11b) \quad \llbracket \text{EVENT} \rrbracket = \lambda R_{\langle s, \langle s, t \rangle \rangle} \lambda e \exists s [R(s)(e)]$$

В результате (10) получает необходимый для дальнейшей интерпретации тип $\langle s, t \rangle$ и одну из интерпретаций — стивную или результативную.

$$(12a) \quad \text{результативное прочтение} \\ \llbracket \text{EVENT откры- окно} \rrbracket = \lambda e \exists s [\text{открывать}(e) \wedge \text{открыт}(s) \wedge \text{ПАЦИЕНС}(\text{окно})(e) \wedge \text{НОСИТЕЛЬ}(\text{окно})(s) \wedge s = f_{\text{target}}(e)]$$

$$(12b) \quad \text{стивное прочтение} \\ \llbracket \text{STATE откры- окно} \rrbracket = \lambda s \exists e [\text{открывать}(e) \wedge \text{открыт}(s) \wedge \text{ПАЦИЕНС}(\text{окно})(e) \wedge \text{НОСИТЕЛЬ}(\text{окно})(s) \wedge s = f_{\text{target}}(e)]$$

Тогда становится понятно, почему стивное прочтение невозможно при реализации агенса (см. (1b) и (8b)). Агенс присоединяется на уровне vP — его вводит функциональная вершина v с интерпретацией $\lambda x \lambda e [\text{АГЕНС}(x)(e)]$ по правилу идентификации события (подробнее см. Kratzer 1996). Легко заметить, что при такой интерпретации v введение агенса возможно в (12a) и невозможно в (12b), поскольку VP в (12b) обозначает не свойства событий, а свойство состояний.

Тогда почему невозможна стивная интерпретация пассивного причастия глагола *доказать* и ему подобных? Наше предположение состоит в том, что у этих глаголов нет лексической спецификации целевого состояния. В самом деле, состояние, которое наступает после того, как теорема доказана (борщ

сварен, пирожок съеден, поэма написана и т. д.), не может быть прервано: теорема не может превратиться в недоказанную, а пирожок перестать быть съеденным. Поэтому эти события влекут только результирующее состояние. Переменная, соответствующая результирующему состоянию экзистенциально связана еще в словаре, и интерпретация глагольной основы *доказа-* выглядит так.

$$(13) \quad \llbracket \text{доказа-} \rrbracket = \lambda x \lambda e \exists s [\text{доказывать}(e) \wedge \text{ПАЦИЕНС}(x)(e) \wedge \text{CAUSE}(s)(e)]$$

$$(14) \quad \llbracket \text{доказа- теорем-} \rrbracket = \lambda e \exists s [\text{доказывать}(e) \wedge \text{ПАЦИЕНС}(\text{теорема})(e) \wedge \text{CAUSE}(s)(e)]$$

Глагольная группа [_{VP} *доказать теорему*] в (14) имеет тип $\langle s, t \rangle$. К выражениям такого типа неприменимы операции STATE и EVENT. Это означает, что стативизация такой глагольной группы невозможна. Однако в данном случае это не означает, что невозможна дальнейшая деривация: выражения такого типа (свойства событий) совместимы с интерпретацией вершины *v*, вводящей агенс.

$$(15a) \quad \llbracket \text{Вася} \rrbracket = \text{Вася}$$

$$(15b) \quad \llbracket v \rrbracket = \lambda x \lambda e [\text{АГЕНС}(x)(e)]$$

$$(15c) \quad \llbracket v \text{ [доказа- теорем-]} \rrbracket = \lambda x \lambda e \exists s [\text{доказывать}(e) \wedge \text{ПАЦИЕНС}(\text{теорема})(e) \wedge \text{CAUSE}(s)(e) \wedge \text{АГЕНС}(x)(e)]$$

$$(15d) \quad \llbracket \text{Вася доказал теорему} \rrbracket = \lambda e \exists s [\text{доказывать}(e) \wedge \text{ПАЦИЕНС}(\text{теорема})(e) \wedge \text{CAUSE}(s)(e) \wedge \text{АГЕНС}(\text{Вася})(e)]$$

Заключение

Итак, несмотря на кажущуюся гомогенность класса предельных глаголов в русском языке, существует по крайней мере один параметр, критически влияющий на аспектуальное поведение этих глаголов — кодирование состояния, возникающего после точки кульминации события. Выяснилось, что наряду с традиционным результирующим состоянием, некоторые глаголы кодируют целевое состояние, что делает возможным стативное прочтение их пассивных причастий. В словаре эти глаголы хранятся с недоопределенными аспектуальными свойствами — ста-

тивную/событийную интерпретацию они получают в ходе деривации при помощи квантификации одной из событийных переменных, входящих в словарное толкование. Глаголы, не кодирующие целевое состояние, напротив, не нуждаются в доопределении их аспектуальных свойств: уже в словаре этим глаголам присущи свойства событий, но не состояний. Именно это не позволяет их пассивным причастиям получать стативную интерпретацию.

Литература

- Dowty D.* Word Meaning and Montague Grammar: The semantics of verbs and times in Generative Semantics and in Montague's *PTQ*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Kratzer A.* Severing the External Argument from its Verb // *J. Rooryck, L. Zaring* (eds). *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht: Kluwer, 1996, pp. 109–137.
- Kratzer A.* Aspect in Adjectival Passives, presented at *WCCFL 17*. University of British Columbia at Vancouver, 1998.
- Kratzer A.* Building Statives // *Berkley Linguistic Society*, 2000, Vol. 26.
- Parsons T.* *Events in the Semantics of English*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Paslawska A., von Stechov A.* Perfect Reading in Russian. Ms. University of Tübingen, 2002.
- Smith C.* *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer, 1991/1997.
- Tatevosov S.* The parameter of actionality // *Linguistic Typology*, 2002, Vol. 6, pp. 317–404.

Н. М. Заика
Санкт-Петербург

ВАРИАТИВНОСТЬ БАСКСКОГО ДВУХВАЛЕНТНОГО ГЛАГОЛА И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ АКТАНТОВ

Наш доклад является продолжением исследования о вариативности¹ глагольной валентности и персональности в баскском языке.

Двухвалентный глагол² в баскском может иметь актанты в эргативе и абсолютиве; абсолютиве и дативе; эргативе и абсолютиве;³ и спрягаться, таким образом, по эргативно-абсолютивной, абсолютивно-дативной или трехперсональной модели (в последнем случае абсолютивный показатель стоит в единственном числе, согласование происходит лишь с эргативной и дативной именными группами). Исходя из вышеизложенного, теоретически кодирование первого и второго актантов двухвалентного глагола может происходить шестью различными способами (например, $A_1 = \text{ERG}, A_2 = \text{ABS}$; $A_1 = \text{ABS}, A_2 = \text{ERG}$; $A_1 = \text{ERG}, A_2 = \text{DAT}$ и т. п.).

Поскольку вариативность баскского полиперсонального глагола естественным образом связана с синтаксической иерархией актантов и, соответственно, с иерархией падежей $\text{ERG} > \text{ABS} > \text{DAT}$, то у двухактантового глагола, один из актантов которого занимает более высокую позицию, чем другой, возможны

¹ Учитывая небольшое количество носителей баскского как в настоящее время, так и в прошлом, мы исследуем как вариативность в рамках отдельных диалектов, так и междиалектную вариативность, вызванную историческими изменениями.

² Поскольку баскский глагол по преимуществу аналитический, здесь и далее речь идет о вспомогательном глаголе.

³ Мы ограничиваемся рассмотрением актантов в тех падежах, с которыми происходит согласование.

три из шести вариантов распределения актантов по падежам ($A_1 = \text{ERG}, A_2 = \text{ABS}$; $A_1 = \text{ERG}, A_2 = \text{DAT}$; $A_1 = \text{ABS}, A_2 = \text{DAT}$), спряжение соответственно с эргативно-абсолютным, трехперсональным и абсолютно-дательным глаголом.

Таким образом, вариативность двухвалентного глагола может проявляться в выборе между $A_1 = \text{ERG}, A_2 = \text{ABS}$ vs. $A_1 = \text{ERG}, A_2 = \text{DAT}$; $A_1 = \text{ERG}, A_2 = \text{ABS}$ vs. $A_1 = \text{ABS}, A_2 = \text{DAT}$; $A_1 = \text{ERG}, A_2 = \text{DAT}$ vs. $A_1 = \text{ABS}, A_2 = \text{DAT}$. Все эти три варианта вариативности валентности зафиксированы в баскском, встречаются также глаголы, допускающие все три комбинации. В качестве примера можно привести глагол *mintzatu* ‘говорить’ (восточные диалекты баскского языка), который, как правило, является абсолютно-дательным, но допускает и другое распределение актантов ср. (1)–(3).

- (1) Maddi Pello eta Jakes-i mintza-tzen
 Магда(ABS) Петя и Яков-DAT говорит-IMPF
 zai-e
 (ABS:3SG:PRES)AUX:ABS/DAT-DAT:3SG
- (2) Maddi-k Pello eta Jakes mintza-tzen
 Магда-ERG Петя и Яков(ABS) говорить-IMPF
 d-it-u
 ABS:PRES-3PL-AUX:ERG/ABS(ERG:3SG)
- (3) Maddi-k Pello eta Jakes-i mintza-tzen
 Магда-ERG Петя и Яков-DAT говорить-IMPF
 d-i-e
 ABS:3PRES-AUX:3PERS(ABS.SG)-DAT:3PL(ERG:3SG)
 ‘Магда разговаривает с Петром и Яковом’.⁴

Чаще всего происходит колебание между эргативно-абсолютным и эргативно-дательным типом (глаголы *deitu* ‘звонить’, *itxaron* ‘ждать’ и другие).

Вторым по частотности является вариативность между эргативно-дательным и абсолютно-дательным типом (ср. *agertu* ‘появляться’, стандартно спрягающемуся по абсолютно-дательному типу, но имеющему и эргативно-дательные варианты [Vinson 1876: 249], а также *jarraitu* ‘следовать’). Как правило,

⁴ Второй пример взят из [Oyharçabal 2003: 236].

смысл высказывания при этом не меняется, хотя предложение с эргативным актантом может выражать бóльшую интенсивность действия по сравнению с абсолютивным. Однако данный тип варьирования может использоваться и для образования лексических каузативов, ср. *hurbildu* ‘приближаться’ в абсолютивно-дативном спряжении и ‘приближать’ в трехперсональном спряжении. Очевидно, вследствие этого он распространен меньше, чем первый.

Одной из причин возможности и даже распространенности перехода двухвалентных глаголов абсолютивно-дативного спряжения в трехперсональное (эргативно-дативная модель) является редуцированность абсолютивного согласования в абсолютивно-дативных глаголах: формы, согласованные с первым и вторым лицом абсолютива употребляются крайне редко, а в трехперсональных глаголах не ограничения на согласование ни с дативом, ни с эргативом.

Имеются и случаи обратного влияния абсолютивно-дативных глаголов на трехперсональные, где несмотря на наличие трех актантов, глагольный корень соответствует абсолютивно-дативному спряжению: *ergain zai-zki-tzu-t* AUX:ABS/DAT-ABS:PL-DAT:2SG-ERG:1SG ‘я скажу тебе’ [Vinson 1876: 153]. Однако такие случаи более редки, ибо если в случае перехода абсолютивно-дативных глаголов в трехперсональное спряжение, порождаются формы, омонимичные уже существующим в языке (с нулевым абсолютивным актантом и соответствующим показателем в третьем лице единственного числа), то в обратном случае, при абсолютиве множественного числа, порождаются формы, не существующие в языке, такие, как в вышеприведенном примере.

Реже всего наблюдается варьирование между эргативно-абсолютивным и абсолютивно-дативным типом, поскольку в последнем случае наблюдается наиболее сильное морфологическое варьирование: падежи меняют сразу оба актанта.

В баскском языке имеется тенденция к переходу глаголов из абсолютивно-дативного спряжения в эргативно-абсолютивное в восточных диалектах [Coyos 1999: 396] и эргативно-дативное в западных диалектах. Таким образом, актанты стремятся занять наиболее высокое положение в падежной иерархии.

Другие случаи вариативности двухвалентных глаголов, кроме трех вышеописанных, встречаются достаточно редко (ср. такие случаи, как варьирование в некоторых диалектах $A_1 = \text{ABS}$, $A_2 = \text{DAT}$ $A_1 = \text{ABS}$, $A_2 = \text{ERG}$, см. [Fernández 2004] и варьирование типа $A_1 = \text{ABS}$, $A_2 = \text{DAT}$ $A_1 = \text{DAT}$, $A_2 = \text{ABS}$ в глаголе *urrikaldu* ‘сжалиться’).

Литература

- Coyos J.-B.* Le parler basque souletin des Arbailles. Une approche de l'ergativité. Paris: L'Harmattan, 1999.
- Fernández B.* Gustatzen nau gustatzen dizu: aditz laguntzaile eta komunstadura bitxiak perpaus ez-akusatiboetan // P. Albizu, B. Fernández (arg.). Euskal gramatika XXI: mendearen atarian: arazo zaharrak, azterbide berriak. Vitoria-Gasteiz: Euskal Herriko Unibersitatea = Universidad del País Vasco, 2004.
- Oyharçabal B.* Lexical causatives and causative alternation in Basque // B. Oyharçabal (ed.). Inquiries into the lexicon-syntax relation in Basque. Universidad del País Vasco, 2003, pp. 223–253.
- Vinson J.* Contes populaires basques recueillis de 1874 à 1877 principalement par W. Webster à St. Jean de Luz, Sare, St. Pée, Ainhoa, &c. Bayonne, MDCCCLXXVI–DCCCLXXVIII (MS 720, Bibliothèque municipale de Bayonne).

Н. А. Зевахина

Москва

ДЕКАУЗАТИВЫ НА -СЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе будут рассмотрены декаузативы в русском языке, формально образованные с помощью постфикса *-ся* (*открыть* → *открыться*). В последнее время литература, ориентированная как на типологические проблемы, так и на вопросы русского языка, стала уделять более пристальное внимание декаузативам. Автор данного доклада опирался в основном на работы [Haspelmath 1993; Levin, Rapoport 1995; Падучева 2001]. Увлекательность и недостаточная исследованность этой темы послужила причиной написания данной работы.

Вследствие неоднозначности декаузативов несовершенного вида, многие из которых можно понимать как пассивы (*Традиции утрачиваются*), мы оставляем их за рамками нашего исследования. Нас будут интересовать только декаузативы совершенного вида.

Рассмотрим пример

- (1) *Мальчик распахнул дверь* →
- (2) *Дверь распахнулась*.

Интуитивно кажется, что ситуация (2) отличается от ситуации (1) отсутствием Агенса. Если бы Агенси присутствовал, то можно было бы сказать:

- (3) *Дверь распахнулась мальчиком*.

Однако это грамматически неверно. Из этого следует, что *распахнуться* — это не пассив от *распахнуть*, а актантная деривация (декаузатив).

Так в чем же она заключается?

Обязательным условием декаузативации, т. е. обычного диатетического сдвига, является деагентивация, при которой, во-первых, позицию Субъекта занимает неагентивный Каузатор

(СОБЫТИЕ); во-вторых, происходит мена таксономической категории¹ исходного каузативного глагола ([Падучева 2001]). Так, глагол *распахнуть* — ДЕЙСТВИЕ, в то время как глагол *распахнуться* — ПРОИСШЕСТВИЕ. Тогда

- (1') *Мальчик распахнул дверь* →
- (4) *Ветер распахнул дверь* [деагентивация].
- (4') *Ветер распахнул дверь* →
- (2') *Дверь распахнулась* [декаузативация].

Деагентивация

Е. В. Падучева выделяет три категории неагентивных Каузаторов:

Событие-Каузатор:

- (5) *Автор углубил противоречия между героями своей книги* →
- (6) *Поведение приятеля углубило возникшие между ними противоречия* [деагентивация].

Событие с действующим Субъектом:

- (7) *Мальчик разбил копилку* (чтобы взять все имевшиеся в ней деньги) →
- (8) *Мальчик разбил копилку* (задев ее рукавом) [деагентивация].

Природная сила в качестве Каузатора:

- (9) *Доктор оживил мальчика* →
- (10) *Вода оживила мальчика* [деагентивация].

Помимо выделенных Е. В. Падучевой категорий, в данном докладе вводится еще несколько, на мой взгляд, необходимых категорий: Событие с действующим Посессором, предельный Процесс с действующим Субъектом-Пользователем, Контролер предельного Процесса-Каузатора и некоторые другие.

¹ Таксономическая категория — это уточнение вендлеровского глагольного класса, т. е. речь идет о действиях, состояниях, процессах, происшествиях и под. [Падучева 1996].

Декаузативация

При декаузативации Каузатор становится сирконстантом, поэтому его можно без ущерба для смысла изъять из предложения:

(10') *Глоток воды оживил мальчика* →

(11) *Мальчик оживился* ⟨от глотка воды⟩ [декаузативация].

Появляется новая синтаксическая позиция «от + Генитив», невозможная в исходном предложении:

(9') * *Доктор оживил мальчика от глотка воды.*

В докладе более подробно рассматривается, в каких случаях может выражаться Причина при декаузативах и в каких ее выражение неприемлемо. Здесь уже встает вопрос, чем декаузатив отличается от пассива. Помимо синтаксических различий выявляются семантические. В частности, как кажется, можно утверждать об изменении акциональной характеристики декаузатива по сравнению с пассивом. Хотелось бы вынести этот вопрос на обсуждение, поскольку имеется тест, выявляющий эту особенность декаузатива.

Следующий вопрос, затрагиваемый в докладе, — что препятствует образованию декаузативов, с одной стороны, от глаголов типа *разрезать*, с другой стороны, от глаголов типа *вытереть*?

Причина кроется в том, что оба типа глаголов предполагают наличие Агенса.

(12) *Мальчик разрезал бумагу* ⟨ножницами⟩ →

(13) * *Бумага разрезалась* ⟨ножницами⟩

Если предложение (13) понимать не в значении 'удалось разрезать', то оно грамматически неверно из-за наличия в ситуации Инструмента, который имплицитно указывает на Агенса.

(14) *Мальчик вытер стол* →

(15) * *Стол вытерся.*

Глагол *вытерся* не в значении 'удалось вытереть' указывает на способ ДЕЙСТВИЯ, а значит, имеет ту же таксономическую категорию, что и исходный глагол *вытереть*.

Наконец, в докладе выдвигается предположение, почему недопустимо предложение *Письмо написалось*.

Литература

- Падучева Е. В.* Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении, 2001, № 1, с. 52–79.
- Haspelmath M.* More on typology of inchoative/causative verb alternations // *B. Comrie, M. Polinsky* (eds). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993, pp. 87–120.
- Levin B., Rappaport Hovav, M.* *Unaccusativity: At the Syntax-Lexical Semantics Interface*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

В. А. Иванов, Е. В. Федько

Москва

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ
РЕФЛЕКСИВНОЙ СИТУАЦИИ
И СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ
РЕФЛЕКСИВОВ В ШОКШИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА**

1. Средства выражения рефлексивной ситуации

В языках мира наблюдаются две стратегии рефлексивизации — именная и глагольная. В первом случае «производная рефлексивная конструкция имеет такую же синтаксическую структуру, что и соотносительная активная конструкция. Тогда позицию одного из непервых актантов занимает специальное служебное слово, которое обозначает, что данный актант кореферентен одному из актантов, занимающих более важное место в синтаксической иерархии... Во втором случае синтаксическая позиция одного из непервых актантов ликвидируется. Отсутствие актанта служит знаком того, что данный актант кореферентен с одним из актантов, занимающих более важное место в синтаксической иерархии, и его ликвидация обычно сопровождается морфологической маркировкой глагольной словоформы». [Храковский 1981: 15–16]

Финно-угорские языки относятся к типу языков с двумя стратегиями рефлексивизации. Шокшинский диалект — не исключение. Совпадение участников ситуации может маркироваться в глаголе, при этом глагол ставится в безобъектное спряжение (используется соответствующий набор личных окончаний). Основным средством выражения именной стратегии рефлексивизации в шокшинском диалекте является сочетание местоимения *es'* и существительного *rg'a* 'голова'. В целом прономинализация неместоимённых слов как процесс формирования возвратных местоимений является типичным для финно-угор-

ских языков явлением. (См. об этом, например, в [Майтинская 1979]).

При этом необходимо отметить следующий факт. Несмотря на то, что все носители отмечают, что *es' pr'et'* (*es'* + форма определённого генитива от *pr'a*) дословно переводится как 'свою голову', само местоимение *es'* не употребляется (в отличие от эрзянского литературного) в функции притяжательного местоимения. В качестве притяжательных местоимений в шокшинском используются формы генитива от указательного склонения личных местоимений (т.н. усилительные формы). При этом практически в любом рефлексивном контексте с *es' pr'et'* элемент *es'* можно заменить на притяжательное местоимение в форме соотв. лица. Например:

- (1) son kišt-y-ze es' pr'et'
он мыть-PST-3SG себя
'Он помыл себя'.
- (2) son kišt-y-ze sons'inde pr'e-t'
он мыть-PST-3SG [свой.3SG голова-DF.GEN]//себя
'Он помыл свою голову // себя'.

По словам носителей, предложения (1) и (2) могут пониматься как полные синонимы, но в (2) сочетание *sons'inde pr'et'* может также пониматься дословно ('свою голову').

В позиции непрямого дополнения универсально употребляется единственная зафиксированная в шокшинском диалекте падежная форма от *es'*.

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL
	<i>es'</i>	<i>es'</i>	<i>es'</i>	<i>es'</i>	<i>es'</i>	<i>es'</i>
DAT	<i>es't'en'</i>	<i>es't'et'</i>	<i>es't'ende</i>	<i>es't'en'ik</i>	<i>es't'en'k</i>	<i>es't'enst</i>

В некоторых контекстах вместо соответствующей формы от *es'* можно употребить форму *es' pr'et'e* (*es'* + DAT от *pr'a*) без изменения семантики. В других же контекстах употребление *es' pr'et'e* вместо соответствующей формы от *es'* привносит дополнительное значение, определяемое обычно носителями как 'сделать что-либо на свою голову, зря'. Данный факт также заслуживает особого внимания.

В позиции при послелогах свободно варьируют немаркированная форма *es'* и сочетание *es' pr'et'*.

В целом нужно отметить, что сочетание *es'* + форма от существительного *pr'a* находится в стадии грамматикализации.

2. Синтаксическое поведение рефлексивов

Также нами было проведено исследование шокшинского рефлексива с точки зрения универсальной иерархии позиций рефлексива, предложенной в работе [Тестелец, Толдова 1998]. Необходимо отметить, что эта иерархия представляет собой исчисление возможных контекстов употребления рефлексивов, ориентированных на подлежащее. В данной иерархии выделяются следующие позиции рефлексива: прямое дополнение при двухместном глаголе (при кореферентности с подлежащим); прямое дополнение при многоместном (битранзитивном) глаголе; коаргументная позиция (актант, сопредикатный с подлежащим); неактантная ИГ, сопредикатная с подлежащим (т. е. сирконстант или составляющая актанта); ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию; ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию.

Получившиеся результаты видны на приведённой ниже схеме.

(1) $D_{пр(2местн)}$ > (2) $D_{пр(битранз)}$ > (3) Коаргумент > (4) НеактантИГ > (5) ИГ_{нефин} > (6) ИГ_{фин}

es' pr'et' —————
es' ————— личные местоимения

На данной схеме видно, что что в шокшинском диалекте *es' pr'et'* и *es'* являются анафорами, личные же местоимения являются прономиналами.

Было проведено исследование возможностей неподлежащего контроля. Оказалось, что шокшинский рефлексив может иметь расщеплённый антецедент. Также он может контролироваться прямым дополнением. Косвенное и не прямое дополнение контролировать рефлексив не могут.

Также нами были рассмотрены рефлексивные местоимения при дативных предикатах. Тут были получены довольно ин-

тересные результаты. Во-первых, дативные предикаты — единственный контекст, где рефлексив *es'* может иметь значение интенсификатора. Во-вторых, в случаях, когда подлежащее главного предложения контролирует дативное подлежащее финитной зависимой клаузы, в позиции такого подлежащего может выступать рефлексивное местоимение, что противоречит данным иерархии.

Литература

- Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.
- Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю.* Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // *Вопр. языкознания*, 1998, № 4, с. 35–57.
- Храковский В. С.* (ред.). Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981.

О. А. Иванова
Санкт-Петербург

К ТИПОЛОГИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО МАРКИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ЯЗЫКАХ С ИМЕННЫМИ КЛАССАМИ

Сравнительное исследование терминов родства в языках с системой именных классов позволяет выявить ряд общих характерных черт в лингвистическом поведении данной группы существительных.

1.1. В результате проведенного анализа основных групп языков макро-семьи Нигер-Конго, нахско-дагестанских языков, языка сандаве (койсанская языковая семья) можно сделать вывод, что во всех языках с системой именных классов существует тенденция выделять термины родства в отдельную группу при помощи таких средств, как особый именной префикс, нестандартное образование множественного числа, регулярные сбои при согласовании с притяжательными местоимениями, обязательное употребление терминов родства с притяжательными местоимениями.

1.2. Исследование лингвистических особенностей терминов родства в языках банту показало, что в данных языках в той или иной степени проявляется тенденция выделять данные существительные в отдельную группу на основе не только семантических, но и морфо-синтаксических признаков. А именно: термины родства в большинстве языков банту характеризуются нулевым именным префиксом. На основе того, что данные существительные имеют особую согласовательную парадигму и определенную семантику, они выделяются в подкласс 1-го класса, куда попадают существительные с признаком «личность», то есть названия людей. Кроме того, в языках банту наблюдаются

случаи нестандартного согласования терминов родства с притяжательными местоимениями, например в языке суахили:

Ø-babu *y-angu* (**w-angu*) *a-na-lala*
P 1a кл.-дед DP 9кл. (*DP 1кл.) S 1кл.-ТАМ-спать
'Мой дед спит'.

Часто используются супплетивные основы для терминов с разными посессорами, например в языке кикуйу:

<i>Ø-maitu</i>	'моя мать'
P 1a кл.-моя.мать	
<i>Ø-nyukwa</i>	'твоя мать'
P 1a кл.-твоя.мать	
<i>Ø-nyuina</i>	'его/их мать'
P 1a кл.-его/их.мать	

В ряде языков отмечается наличие грамматикализованных онорифических форм терминов родства.

1.3. К бантоидным языкам относят языки банту и многочисленные языки, получившие название «широкие банту». Данные языки характеризуются наличием именных согласовательных классов, количество и которых сильно варьируется от языка к языку. В результате анализа имеющихся материалов по бантоидному языку тив можно сделать вывод о тесной связи терминов родства с притяжательными местоимениями, что можно наблюдать и в языках банту. На основании особого способа согласования с притяжательными местоимениями термины родства имеют тенденцию выделяться в отдельную группу.

1.4. Характерной чертой западно-атлантических языков также является наличие системы именных классов. В результате проведенного анализа терминов родства в языке фула можно предположить, что данная лексика выделяется в отдельную формальную группу, которая характеризуется наличием двойных форм терминов родства — краткой и полной, причем полная

форма образуется с помощью специального суффикса отношения.

полная форма	краткая форма	
<i>baab-iraa-dò/baabiraa-wo</i>	<i>baaba</i>	‘отец’
отец-SUFF-кл.О		

Важной особенностью терминов родства в языке фула особый способ образования лично-притяжательных конструкций. В данном случае используется так называемый «морфологический посессив». Он представляет собою особую морфему — *ii-*, которая присоединяется к основе обладаемого, и суффикса, который является показателем класса обладателя:

R-+-*ii-*+кл.О/Е.

<i>baaba-Ø</i>	<i>baab-ii-ko</i>	<i>baab-ii-be</i>
отец-кл.О	отец-морф.пос.-кл.О	отец-морф.пос.-кл.Е
‘отец’	‘его/ее отец’	‘их отец’

По-видимому, термины родства не употребляются вне притяжательных конструкций, то есть относительность (реляционность) данной лексики выражается грамматически.

1.5. Несмотря на то, что в современных языках манде именных классов нет, анализ терминов родства здесь также представляет интерес. В. Ф. Выдрин реконструирует систему классов для праманде. В соответствие с данной реконструкцией термины родства в пра-западном манде выделялись в отдельный именной класс, который характеризовался рядом грамматических особенностей: именным префиксом, суффиксальным маркером множественного числа, особыми способами согласования с показателями определенности и притяжательными местоимениями. Важно, что и в современных языках семьи манде термины родства отличаются от других существительных с лингвистической точки зрения.

Практически во всех языках манде в особую группу выделяются названия старших родственников на основании таких формальных характеристик, как:

- 1) неприсоединение показателя определенности (тонового артикля, либо суффикса определенности),
- 2) неучастие в системе анлаутных чередований,
- 3) особый суффикс для образования множественного числа (обычно этот суффикс имеет дополнительное значение «ассоциативного» множества).

1.6. Ситуация, наблюдаемая в языках манде, характерна и для других языков макро-семьи Нигер-Конго, например, для языков ква и гур. Термины родства в языке акан (семья ква) можно выделить в отдельную лексико-грамматическую группу с особым суффиксом для образования множественного числа. Данная лексика характеризуется как относительная, без притяжательного местоимения не употребляются. Термины с посессорами 1-го лица приближаются к местоимениям. В языке дагомба (семья гур) названия старших родственников выделяются в отдельную группу с особым способом для образования множественного числа.

1.7. В языке сандаве, который относится к койсанской языковой семье, неродственной макро-семье Нигер-Конго, термины родства также можно выделить в отдельный класс, или род, который имеет определенные показатели в единственном и множественном числе. Нулевой показатель в единственном числе у ряда терминов не позволяет однозначно определить их родовую принадлежность. На основе имеющихся данных можно сделать предположение, что все термины родства получают особый суффикс при образовании множественного числа.

1.8. При типологическом исследовании языков с системой именных классов интересно проанализировать поведение терминов родства в нахско-дагестанских языках. В данных языках термины родства объединяются в группу слов с классным показателем в своей основе, притом, что показатель класса в данных языках выражается не в самом имени, а только в согласующихся с ним словах. Например в аварском языке:

1 кл.	2 кл.
<i>в-ац</i> ‘брат’	<i>й-ац</i> ‘сестра’
<i>в-ас</i> ‘сын, юноша’	<i>й-ас</i> ‘дочь, девушка’
<i>в-акьяд</i> ‘свекор (отец мужа)’	<i>й-акьяд</i> ‘свекровь (мать мужа)’

2. Можно выстроить типологию языков на основе того, каким образом группа терминов родства отличается от других классов, или родов, в данном языке. Можно выделить два типа.

2.1. В первый попадают языки банту, язык сандаве, индоевропейские языки. В данных языках все существительные, кроме терминов родства, в своей основе содержат показатель определенного класса. В составе терминов родства такие показатели либо отсутствуют, либо не являются достаточным основанием для определения классной принадлежности слова.

2.2. Во второй тип попадают такие языки, как нахско-дагестанские. Этот тип характеризуется тем, что показатель определенного класса входит в основу только терминов родства, а в составе всех остальных существительных нет никаких указаний на их классную принадлежность.

Подобно нахско-дагестанским языкам, некоторые термины родства в языке волоф (западноатлантическая подсемья нигеро-конголезских языков) содержат внутри лексемы показатель класса и семантически различаются только благодаря этому показателю, что несвойственно другим существительным.

Литература

- Алексеев М. Е.* Аварский язык // Кавказские языки. (Серия: Языки мира). М.: Academia, 1999, с. 203–216.
- Выдрин В. Ф.* Следы именной классификации в языках манде // *В. А. Виноградов* (ред.). Основы африканского языкознания. Именные категории. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Выдрин В. Ф.* К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2001. Рукопись.

- Коваль А. И.* Именные категории в пулар-фульфульде // *В. А. Виноградов* (ред.). Основы африканского языкознания. Именные категории. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Abraham R. C.* The principles of Tiv. London: Crown Agents for the Colonies, 1940.
- Gecaga B. M., Kirkaldy-Willis W. H., Capon M.* A short Kikuyu Grammar. London: Macmillan, 1953.
- Kagaya R.* A classified vocabulary of the Sandawe language // Asian & African Lexicon, Vol. 26. Tokyo: Institute of Asian and African studies, 1993.

Н. В. Ивлиева

Москва

СВЯЗЫВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫМ КВАНТОРОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что на связывание квантором местоимения накладываются более жесткие ограничения, чем на кореферентность местоимению неквантифицированной именной группы. Легко заметить, что это утверждение верно и для русского языка — ср. (1–2):

- (1) *Когда ему_i подарили подарок, Вася_i очень обрадовался.*
- (2) **Когда ему_i подарили подарок, каждый_i очень обрадовался.*

В докладе будет предпринята попытка установления ограничений на связывание квантором *каждый* местоимения в русском языке.

Требование структурного приоритета квантора

Согласно теории, разработанной в [Reinhart 1983a,b], квантор (точнее, его след, образующийся в результате подъема квантора на уровне логической формы) должен иметь структурный приоритет над местоимением, которое он связывает.

Данные русского языка показывают, что если квантор имеет структурный приоритет над местоимением и при этом не является для него локальным подлежащим, местоимение 3 л. всегда может интерпретироваться как связанная переменная:

- (3) *Каждый_i выбирает то, что ему_i ближе.*
- (4) *Мы уже катаемся не вместе, а встали в пару, где каждый_i творит, что он_i хочет.*

Однако квантор далеко не всегда имеет структурный приоритет над местоимением, которое он связывает, например, он

может связывать его из состава генитивного зависимого (5) или предложной группы (6):

- (5) *Судьбу [каждого монарха]_i решают его_i министры и воеводы, либо сплотившись вокруг удачливого лидера, либо сплочённые его огромной энергией.* [Сергей Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // Знание — сила, № 9, 2003]
- (6) *Но после [каждого писателя]_i остаются его_i книги.* [Георгий Иванов // Трамвай, №9, 1990]

Можно заключить, что в русском языке структурный приоритет квантора над местоимением является достаточным, но не необходимым требованием для возможности связывания.

Требование линейного предшествования квантора

В работах [Падучева 1985; Reuland & Avrutin 2005] и др. указывается на то, что в русском языке квантор должен линейно предшествовать местоимению, которое он связывает:

- (7) *Каждый_i, поскольку его_i воля нравственна, внутренне участвует в этой всеобщей организации нравственности...* [Вл. Соловьев. Оправдание добра (1894–1899)]
- (8) **Поскольку его_i воля нравственна, каждый_i внутренне участвует в этой всеобщей организации нравственности.*
- (9) *Выше говорилось о том, что для [каждого персонажа]_i определен его_i тип.* [В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // Информационные технологии, № 8, 2004]
- (10) **Его_i тип для [каждого персонажа]_i определен раз и навсегда.*

Примеры, в которых квантор предшествует местоимению, грамматичны, в отличие от тех, в которых требование предшествования не выполняется.

Существуют, однако, и такие примеры, в которых местоимение предшествует квантору, причем подавляющее большинство носителей признают возможность связывания:

- (11) *Женщину, с которой он_i мог бы поговорить по душам, ищет [каждый мужчина]_i.*
- (12) *В отношении к тому, что его_i окружает, выражается и воплощается личное достоинство каждого_i.*

Заметим, что эти примеры объединяет то, что в них изменен базовый порядок слов (SVO):

- (13) *Каждый мужчина ищет женщину, с которой он мог бы поговорить по душам.*
- (14) *Личное достоинство каждого выражается и воплощается в отношении к тому, что его окружает.*

Следует также заметить, что в некоторых случаях, когда квантор предшествует местоимению, он не может его связывать:

- (15) **Когда [каждый студент]_i получил подарок от ректора, он_i был очень рад.*
- (16) **Человек, который является хозяином [каждой собаки]_i, делает ей_i прививки.*

Таким образом, в русском языке линейное предшествование квантора местоимению (либо в поверхностной, либо в исходной структуре) является необходимым, но не достаточным требованием для возможности связывания.

Анализ в терминах подъема квантора

В порождающей грамматике принята точка зрения, согласно которой квантор получает сферу действия (в том числе над местоимениями) в результате скрытого передвижения (подъема) на уровне логической формы (см. [May 1977] и многие другие).

Анализ русского материала в терминах подъема квантора дает возможность объяснить действие линейных ограничений. В случае предшествования местоимения связывающему его квантору нарушается ограничение «слабого переезда» (weak crossover), состоящее в том, что след от перемещенной группы не может располагаться справа от местоимения, которое она связывает.

Грамматичность примеров (11)–(12) можно объяснить по меньшей мере двумя способами: 1) в этих примерах на уровне логической формы происходит «реконструкция» исходного порядка слов, за которой следует подъем квантора, не нарушающий ограничения слабого переезда; 2) подъем квантора на уровне логической формы предшествует видимым синтаксическим

преобразованиям. Если верно второе объяснение, то это аргумент в пользу синтаксических теорий, предполагающих, что скрытые передвижения могут предшествовать явным ([Bobaljik 2002; Pesetsky 2000]).

Неграмматичность примеров (15)–(16) также объясняется в терминах подъема квантора. Дело в том, что в (15)–(16) квантор находится в составе синтаксического острова (в (15) это обстоятельство предложение, в (16) — относительное), а местоимение вне него. Квантор не может пересечь островную границу и получить сферу действия над местоимением.

Интересно, что существуют случаи кажущегося нарушения кванторами ограничения обстоятельственного острова. Ср. (17)–(19):

- (17) *...хотя [каждый случай]_i уникален, он_i всегда напоминает остальные.* [Нодар Джин. Учитель (1980–1998)]
- (18) *Если каждый_i будет заниматься своим делом, он_i принесет больше пользы.* [Ирина Подлесова. Большинство колебалось. В воскресенье москвичи выбирали городскую думу // Известия, 2001.12.16]
- (19) *Когда [каждый из них]_i приезжал домой, он_i думал о том, как бы поскорее вернуться в школу.*

Можно показать, что в (17)–(19) кореферентность квантора и местоимения является в некоторой степени случайной. В этих предложениях происходит не квантификация индивидов, а квантификация событий (ср. похожий анализ широкой сферы действия универсального квантора в генерических высказываниях английского языка в [Fox & Sauerland 1997]). В (15) квантификация событий невозможна, т. к. «совершенный вид в русском языке не допускает множественных темпоральных референтов описываемой ситуации» [Татевосов 2002].

Литература

- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

- Bobaljik J. D.* A-chains at the PF-interface: Copies and "covert" movement // *Natural language and linguistic theory*, 2002, Vol. 20, pp. 197–267.
- Fox D., Sauerland U.* Illusive Scope of Universal Quantifiers. // *G. Matos, M. Miguel, I. Duarte, I. Faria* (eds). *Interfaces in Linguistic Theory*. Lisbon: Edies Colibri/Associação Portuguesa de Linguística, 1997, pp. 149–176.
- May R.* *The Grammar of Quantification*. Doctoral dissertation, MIT, 1977.
- Pesetsky D.* *Phrasal movement and its kin*. Cambridge, MA.: MIT Press, 2000.
- Reinhart T.* *Anaphora and semantic interpretation*. Chicago: Chicago University Press, 1983a.
- Reinhart T.* Coreference and bound anaphora: a restatement of the anaphora questions // *Linguistics and Philosophy*, 1983b, Vol. 6, pp. 47–88.
- Reuland E. Avrutin S.* *Binding and Beyond: Issues in Backward Anaphora* // *A. Branco, T. McEnery, R. Mitkov* (eds). *Anaphora Processing*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.

П. В. Иосад

Москва

ВАЛЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ТИПОЛОГИЯ НАЧАЛЬНЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ СОГЛАСНЫХ

В настоящем докладе будет предпринята попытка осветить основные параметры типологизации систем начальных чередований согласных, встречающихся в языках мира. Особое внимание мы уделяем валлийскому языку. Это необходимо, поскольку его система начальных чередований не только является, пожалуй, наиболее изученной (достаточно назвать фундаментальные монографии [Morgan 1952; Ball/Müller 1992; а также [Kibre 1997; Roberts 2005; Ryatt 1997]), но и, как мы покажем, обладает рядом весьма нетривиальных свойств. Именно поэтому она предоставляет прекрасную возможность проверки предлагаемой типологии.

Мы (предварительно) предлагаем следующие параметры типологизации начальных чередований согласных.

Локализация. Этот параметр связан с тем, на левой границе какого элемента происходит (resp. не может происходить) чередование. Один распространенный случай — чередования на левой границе *корня*, в частности после префиксов. Здесь, следует различать два типа префиксов: сегментные (например, в языке сесото [Doke 1954]) и несегментные (например, в яванском [Теселкин 1961] или шона [Fortune 1955]): в последнем случае необходимо оговаривать, обязательно ли постулировать именно несегментный префикс [Zoll 1998]. С другой стороны, чередования могут происходить лишь на левой границе *слова* (как в ниае [Brown 2004] или менде [Innes 1967]). Кроме того, следует отметить *запреты* на чередование на левой границе слова (нивхский [Mattissen 2004], цян [LaPolla & Chenglong 2003]) и, напротив, их разрешение только при совпадении границы корня и слова (шона). Валлийский язык интересен (но не уникален!) здесь тем, что

поверхностно не обусловленные чередования происходят на левой границе как слова, так и корня.

Еще один параметр связан с **природой факторов, управляющих чередованиями** (т. е. контекстов, в которых те могут происходить). Тривиальным случаем являются чередования чисто *фонологические*, объясняемые только поверхностно-фонологическим контекстом (цян). Чуть большего внимания требуют случаи чередований, для которых можно предложить объяснение с помощью «несегментных» средств типа «плавающих» признаков (например, итальянский [Lorogago 1997] или яванский). Именно в этом русле выдержано большинство попыток объяснить валлийские начальные чередования; мы кратко обсудим, почему эти попытки в основном безуспешны (а также укажем на еще один интересный в этом смысле случай в языке сесото).

С другой стороны, после грамматикализации чисто фонологических чередований влиять на них могут факторы как *морфосинтаксические* (в таких языках, как нias, по крайней мере в части случаев чередование можно считать экспонентом некоторого грамматического значения) и чисто *синтаксические* (как утверждается иногда для менде, где некоторое чередование происходит лишь на левой границе ветвящейся составляющей), так и те, которые мы за неимением лучшего ярлыка можем назвать *лексическими* (нивхский, валлийский): выражаясь неформально, контексты задаются простым списком. Мы покажем, что внутри этой категории контекстов также необходимо выделить несколько существенно различающихся типов. Кроме того, мы наметим пути дихаронической эволюции каждого из этих типов чередований.

Третий параметр классификации — **локализация управляющих чередованием факторов**. По этому признаку можно выделить два класса явлений, которые можно условно назвать *эндоцентрическими* и *экзоцентрическими*. В первом случае чередование зависит от некоторых факторов, связанных с внутренними свойствами словоформы: иначе говоря, в случае эндоцентрического чередования «ступень» однозначно определяется фонологическими и морфосинтаксическими характеристиками

самой словоформы (и лексемы, к которой она принадлежит). Типичный пример такой системы — язык фула [Коваль 2000], а также австронезийские языки типа яванского. В случае же экзоцентрических чередований контекст определяется в первую очередь внешними факторами (наличием определенных лексем или присутствием некоторого морфосинтаксического окружения). Здесь типичен пример валлийского (и вообще кельтских языков).

Наконец, еще одна ось классификации связана с типом **формулировки условия на чередование**. В большинстве случаев чередования происходят при *наличии* какого-либо элемента в некотором контексте; однако существуют правила (в валлийском, а также в некоторых амазонских языках [Aikhenvald & Dixon 2000]), где чередование происходит, если данная словоформа находится в *любом контексте, отличном от заданного*; мы покажем, что такие чередования нельзя реинтерпретировать как происходящие «в обратном направлении».

Построение типологии (которое ранее никем не предпринималось) указывает на то, что понятие «начального чередования» отнюдь не так однородно, как иногда утверждается (например, в [Ternes 1990]). В докладе показано, какие основные типы систем чередований можно выделить с помощью предложенной типологии и какие теоретические подходы позволяют наилучшим образом описать каждый из типов. Кроме того, мы укажем на некоторые нетривиальные характеристики начальных чередований в валлийском языке (и вообще в кельтских языках) и наметим способы решения тех проблем, которые они представляют для лингвистической теории.

Литература

- Коваль А. И. Морфемика пулар-фульфульде // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология. М.: Аспект Пресс, 2000, с. 105–290.
- Теселкин А. С. Яванский язык. М.: Наука, 1961.
- Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds). The Amazonian Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Ball M. J., Müller N. Mutation in Welsh. London; NY: Routledge, 1992.

- Brown L.* A Grammar of Nias Selatan. PhD dissertation, University of Sydney, 2004.
- Doke C. M.* The Southern Bantu Languages. London: Oxford University Press, 1954.
- Fortune. G.* An Analytical Grammar of Shona. London, NY: Longman, 1955.
- Innes G.* A Practical Introduction to Mende. London: SOAS, 1967.
- Kibre N. J.* A Model of Mutation in Welsh. Bloomington: IULC, 1997
- LaPolla R J., Chenglong Huang.* A Grammar of Qiang. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003
- Loporcaro M.* L'origine del raddoppiamento fonosintattico: saggio di fonologia diacronica romanza. Bern: Francke, 1997
- Mattissen J.* Dependent-Head Synthesis in Nivkh: A Contribution to the Typology of Polysynthesis. Amsterdam: John Benjamins, 2003.
- Morgan T. J.* Y Treigladau a'u Cystrawen. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1952.
- Pyatt E. J.* An Integrated Model of the Syntax and Phonology of Celtic Mutation. PhD dissertation, University of Harvard, 1997.
- Roberts I.* Principles and Parameters in a VSO Language: A Case Study in Welsh. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Ternes E.* Initial Mutations in Celtic and in West African Languages. Synchrony and Diachrony // Afrika und Übersee, 1990, Vol. 73, pp. 3–17.
- Zoll Ch. S.* Parsing Below the Segment in a Constraint-Based Framework. Stanford: CSLI Publications, 1998.

К. В. Калашникова

Санкт-Петербург

ВЫРАЖЕНИЕ ХАБИТУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

Хабитуалис является центральным случаем итеративного типа предикатной множественности. Итеративный тип предикатной множественности характеризуется следующими признаками: «1) повторяется некоторая ситуация с постоянным набором актантов, 2) каждая повторяющаяся ситуация происходит в отдельный период времени, не включающий момент речи или другую точку отсчета» [Храковский 1989: 296]. Таким образом, хабитуальное значение описывает ту ситуацию, которая имеет место регулярно. Прототипической конструкцией, имеющей хабитуальное значение, является конструкция с обстоятельствами типа «каждый день, месяц, год».

В калмыцком языке значение хабитуалиса имеет свое самостоятельное грамматическое выражение. Для этого используется специальное хабитуальное («многократное») причастие на -dəg которое в атрибутивном употреблении всегда выражает значение хабитуалиса, а в предикативной функции, согласно грамматике, без глагольной связки «означает часто повторяющееся действие, как свойство того или иного предмета», а «в сочетании же с глагольной связкой прошедшего времени билэ оно обозначает действие давно прошедшего времени» [Очиров 1964: 95–96].

В единственной работе, посвященной имперфективам в калмыцком, К. Эберт не рассматривает хабитуальное причастие, считая, что его значение и сфера совершенно ясны и определены (“the habitual is used in a straightforward way”) [Ebert 1999:

¹ Материал калмыцкого языка был собран во время летней экспедиции филологического факультета СПбГУ в поселок Ергенинский Кетченеровского района республики Калмыкия в 2006 г.

324]. Однако в сфере употребления этого причастия все же есть вопросы, которые заслуживают рассмотрения.

В прошедшем времени значение хабитуалиса выражается с помощью хабитуального причастия с глагольной связкой прошедшего времени *bi-lä*, как продемонстрировано в примере (1). При этом с предикатами индивидуального уровня,² не допускающими хабитуального прочтения, эта аналитическая конструкция выражает значение единичной длящейся ситуации, являющейся постоянным свойством индивида (2), (3). Таким образом, показатель *-dæg* может сочетаться с предикатами любых акциональных классов. Выбор интерпретации зависит от типа предиката (стадиальный или индивидуальный). Также эта форма обязательно подразумевает, что данное действие или состояние прекратилось, и нерелевантно наличие или отсутствие результата этого действия или состояния в настоящем.

- (1) *ömny dhily bolqən xöö al-dæg bi-lä-vidn*
 прежде год каждый баран резать-PC.НАВ быть-CONF-1PL
 ‘Раньше мы каждый год резали барана’.
- (2) *Mini eedh ölnämtnä tuul-s med-dæg bi-lä*
 мой бабушка народный сказка-PL знать-PC.НАВ быть-CONF
 ‘Моя бабушка знала народные сказки’.
- (3) *Vichkən-d-än mini egchə noxa-qas jir*
 маленький-DAT-P.REFL мой старшая.сестра собака-ABL очень
ää-dæg bi-lä
 бояться-PC.НАВ быть-CONF
 ‘В детстве моя старшая сестра очень боялась собак’.

Можно было бы ожидать, что в настоящем времени в тех же контекстах будет употребляться хабитуальное причастие

² Ср.: «предикаты индивидуального уровня описывают сущностные, стабильные свойства индивидов, изменение которых означает качественное изменение самого индивида — ‘быть добрым’, ‘знать английский язык’, ‘верить в существование призраков’ и т. д.». Предикаты же стадиального уровня «соотносятся с преходящими и претерпевающими изменения положениями вещей, которые не затрагивают идентичность индивида — ‘быть расстроенным’, ‘сидеть’, ‘строить дом’» [Татевосов 2004: 233].

только без связки *bilä*,³ как это и постулируется в грамматиках [Очиров 1964: 95–96; Санжеев 1983: 212–213]. Однако дело в том, что в этих же контекстах в настоящем времени встречается также финитная форма презенса на *-na/nä*:

- (4) Narn ögün tavən chas-la gar-na
солнце утро пять час-COM вставать-PRS
'Солнце встает в пять утра'.
(5) Baatr ödr bolqn degtr umsh-na
Баатр день каждый книга читать-PRS
'Баатр каждый день читает книгу'

В результате в настоящем времени возникают формы, которые, как будто бы, конкурируют между собой формы. В действительности, никакой конкуренции между формами нет. Эти две формы оказались распределены по лицам в рамках одной парадигмы. Хабигуальное причастие встречается в значении хабигуалиса в 1-ом лице, а также во 2-ом лице в вопросительном предложении. В 3-ем лице и в утвердительном предложении во 2-ом лице употребляется форма на *-na/nä*. Таким образом, в рамках одной парадигмы выступают два грамматических показателя. Парадигма калмыцкого стадиального предиката в хабигуалисе настоящего времени выглядит следующим образом:

лицо		ед.ч. ⁴
1	утвердительное	PC.NAB
		Bi ödr bolqən shkələ-d od-də-v я день каждый школа-DAT идти-PC.NAB-1SG 'Я хожу в школу каждый день'
	вопросительное	PC.NAB
		Bi ödr bolqən shkoəl-d od-də-v? я день каждый школа-DAT идти-PC.NAB-1SG 'Я хожу в школу каждый день?'

³ Многие причастия в калмыцком языке в настоящем времени могут употребляться без связки.

⁴ Во множественном числе распределение показателей происходит также.

2	утвердительное	PRS Chi ödr bolqən shkölə-d od-na-ch ты день каждый школа-DAT идти-PRS-2SG 'Ты ходишь в школу каждый день'
	вопросительное	PC.HAB Chi ödr bolqən shkölə-d ты день каждый школа-DAT od-də-ch? идти-PC.HAB-2SG 'Ты ходишь в школу каждый день?'
3	утвердительное	PRS Baatər ödr bolqən shkölə-d od-na Баатр день каждый школа-DAT идти-PRS 'Баатр ходит в школу каждый день'
	вопросительное	PRS Baatər ödr bolqən shkölə-d od-nə-j? Баатр день каждый школа-DAT идти-PRS-Q 'Баатр ходит в школу каждый день'

Нужно отметить, что если форма на –na/nä в принципе допустима в хабитуальном контексте как с первым лицом (6), так и со вторым лицом в вопросительном предложении, то форма хабитуального причастия на -dæg в третьем лице недопустима (7):

- (6) örün bolqñ bi zarqan chas-la ser-nä-v
утро каждый я шесть час-COM вставать-PRS-1SG
'Каждое утро я встаю в шесть часов'.
- (7) örün bolqñ Baatər doslan chas-la
утро каждый Баатр семь час-COM
OK bos-na /*bos-dæg
вставать-PRS/*вставать-PC.HAB
'Каждое утро Баатр встает в семь утра'.

Все эти факты, по-видимому, свидетельствуют о том, что происходит процесс вытеснения хабитуального причастия в предикативной функции из сферы настоящего времени формой презенса на –na/nä. Сохранение формы хабитуалиса только в прошедшем времени является закономерным процессом. В языках мира форма хабитуалиса в прошедшем времени представлена гораздо лучше, чем в настоящем [Bybee et al.1994: 153]. Дж.

Байби и ее соавторы объясняют это тем, что в языке, где в настоящем времени есть прогрессив (а калмыцкий является именно таким языком) вторая форма настоящего времени по умолчанию будет иметь в качестве одного из значений значение хабитуалиса. Если «дефолтное» прочтение настоящего времени связано с описанием того, как обстоят дела, то наиболее типичное употребление прошедшего времени связано с рассказом о том, что случилось. Поэтому при рассказе о том, как обстояли дела в прошлом, нужен дополнительный маркер, который указал бы, что это описание некой ситуации, регулярной и характерной для определенного отрезка времени, а при описании того, как обстоят дела в настоящем, такой маркер необязателен [Bybee et al 1994: 153].

Литература

- Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1983.
- Очиров У. У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат 1964.
- Татевосов С. Г.* Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004.
- Храковский В. С.* (ред.) Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Ebert K. H.* Degrees of focality in Kalmyk imperfectives. // W. Abraham, L. I. Kulikov (eds). Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir P. Nedjalkov. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999, pp. 323–339.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994.

В. И. Киммельман

Москва

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПЕРВИЧНЫХ СТАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В адыгейском языке есть три первичных (непроизводных) стативных глагольных корней: *-t* ‘стоять’, *-λ* ‘лежать’ и *-s* ‘сидеть’. Это связанные корни, не употребляющиеся без локативных превербов. В данной работе рассматриваются следующие глаголы, образованные от корней ‘стоять’ и ‘лежать’:²

ze-pə-t ‘соединен, скреплен, составлен’;

pe-t ‘стоит на’;

tje-t ‘стоит на’;

pə-λ ‘находится на, надет на’;

š’ə-t ‘стоит (вообще)’ [Рогава, Керашева 1966: 106–107, 120–121].

Все эти глаголы подверглись грамматикализации, но сильно различаются по степени грамматикализованности. Как показано в [Тестелец 2006] только глагол *pəλ* может считаться полноценным матричным предикатом, что же касается *zəpət*, он проявляет свойства как вспомогательного глагола, так и суффикса. При этом все эти глаголы демонстрируют достаточно сильное изменение в значении.

Согласно монографии [Майсак 2005], существуют следующие основные пути грамматикализации глаголов с семантикой ‘стоять’ и ‘лежать’:

¹ Материал адыгейского языка был собран во время летней лингвистической экспедиции Института лингвистики РГГУ в аул Хакуринохабль Шовгеновского р-на. Республики Адыгея в 2006 г.

² Случаи грамматикализация глагола ‘сидеть’ в адыгейском языке нам неизвестны.

‘стоять’: дуратив, хабиуталис, настоящее время, результатив, перфект, эпистемическая возможность, определённый артикль;

‘лежать’: дуратив, хабиуталис, настоящее время, результатив, перфект.

У адыгейских стативов присутствуют следующие значения, некоторые из которых (квалитатив для ‘стоять’, интенционалис для ‘лежать’) не засвидетельствованы в других языках:

- *zepət* ‘постоянно, каждый раз’ (итератив, хабиуталис):
- (1) *se sabəjə-xe-r jeʒ'ape-m se-š'e zepət-(əx)*
я ребёнок-PL-ABS школа-ERG 1SG-водить постоянно-(PL)
‘Я постоянно вожу детей в школу.’
- *pet* и *tjet* ‘вот-вот, чуть не, сейчас’ (проспектив, прогрессив):
- (2) *mə'erəse-xe-r q-je-fəxə-(xe) petə-ve-(x)*
яблоко-PL-ABS DIR-3SG-упасть-(PL) чуть.не-PST-PL
‘Яблоки чуть не упали.’
- (3) *mə'erəse-xe-r q-je-fəxə-(xe) tjetə-ve-(x)*
яблоко-PL-ABS DIR-3SG-упасть-(PL) чуть.не-PST-(PL)
‘Яблоки чуть не упали.’
- *pəl* ‘собирается, занят тем, что’ (интенционалис):
- (4) *se pxe-xe-r ze-pə-s-xə-n-xe-w sə-pəl*
я бревно-PL-ABS RFL-LOC-1SG-распилить-pot-pl-adv
сə-рəл
1SG-собираться
‘Я собираюсь распилить брёвна.’
- *š'ət* в одной из конструкций имеет значение ‘должен’ (дебитатив), а в другой — ‘X такой, что постоянно делает P, в данный момент ситуация длится’ (квалитатив, дуратив).
- (5) *a-xe-r nje-wəš' q-e-ḵwe-n-x-ew š'ət-əx*
тот-PL-ABS завтра DIR-DYN-идти-POT-PL-ADV должен-PL
‘Они должны прийти завтра.’
- (6) *se čəle-m sə-š'ə-psew-ew š'ət*
я аул-ERG 1PL-LOC-жить-ADV такой.что
‘Я житель деревенский, я живу в деревне.’

Значения интересующих нас глаголов относятся к области **аспектуальных и модальных значений**, поэтому была изучена сочетаемость этих глаголов с глаголами разных акциональных классов (по классификации [Аркадьев в печати]). Особенно

интересные результаты дала проверка сочетаемости глаголов *pet* и *tjet*, которые имеют значение проспектива, или проксиматива. Как указано в статье [Плунгян 2001] эти значения сочетаются с предельными процессами, а в контексте неопределённых происходит «семантический эффект “инхоативного сдвига”»: *пытался петь* означает ‘пытался *начать* петь [и потерпел неудачу]’, однако в адыгейском языке *pet* и *tjet* сочетаются не только с предельными, но и с неопределёнными процессами, и даже глаголами инцептивно-стативного класса, однако не сочетается с глаголами стативного и процессуального классов:

- (7) *aš' samolotə-r qe-лeк_we*
 тот самолёт-ABS DIR-видеть
 ‘Он видит самолёт (*увидит)’.
- (8) *aš' samolotə-r qe-лeк_we tjet*
 тот самолёт-ABS DIR-видеть чуть.не
 ‘(Самолёт появляется на горизонте) и он вот-вот увидит его.’

В докладе предполагается рассмотреть возможное объяснение этому факту, а так же сочетаемость остальных глаголов (*zepət*, *pəl* и *š'ət*) с глаголами разных акциональных классов.

На основании изученных свойств конструкций с участием глаголов *zepət*, *pet*, *tjet*, *pəl* и *š'ət*, таких как: порядок слов, позиция различных показателей, сфера действия основных операторов (каузатив, отрицание и рефактив), – можно говорить о **степени грамматикализации** этих глаголов, от матричного предиката к суффиксу. Так, мы считаем, что *pəl* является типичным матричным глаголом – он может занимать любую позицию в словоформе, присоединяет личные префиксы, *š'ət* в обоих значениях колеблется между статусом вспомогательного и матричного глагола (порядок слов жёсткий, но возможно раздельное отрицание матричного и смыслового глаголов), *pet* и *tjet* являются вспомогательными глаголами, тогда как *zepət* претендует на статус суффикса.

Сокращения

ABS — абсолютив, ADV — адвербиализатор, DIR — директив, DYN — динамичность, ERG — эргатив, LOC — локативный преверб, PL — множественное число, POT — потенциалис, PST — претерит, RFL — рефлексив.

Литература

- Аркадьев П. М.* Акциональность в адыгейском языке. В печати.
- Керашева З. И.* Инфинитная чистая основа и финитные глаголы в функции сложного двусоставного сказуемого в адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. VI. Тбилиси: Мецниереба, 1979; переизд. в: *Керашева З. И.* Избранные труды и статьи. Том II. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 1995, с. 351–363.
- Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001.
- Рогава Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Тестелец Я. Г.* Результаты проверки параметров подъема и контроля в адыгейском языке. Экспедиционный отчет. М, РГГУ, 2006.

М. Ю. Князев
Санкт-Петербург

О БЕССОЮЗНОЙ КОНСТРУКЦИИ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМ АКТАНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Синтаксический статус конструкции. Параллельные конструкции

1.0. Введение. Некоторые глаголы, которые присоединяют сентенциальный актант (далее СА) при помощи союза *что* (*думать, видеть, знать* и др.), как в (1), могут употребляться в синонимичных конструкциях типа (2).

- (1) *Я думаю, что Ваня живет в Москве.*
(2) *Я думаю, Ваня живет в Москве.*

Является ли предложение в примере (2) конструкцией с сентенциальным актантом (далее КСА)? Чтобы ответить на этот вопрос, имеет смысл разобраться в том, какая в принципе синтаксическая структура может быть приписана предложению (2).

1.1. Параллельные конструкции. Логически возможны три различные трактовки синтаксического статуса предложения (2):

а) клауза с глаголом *думать* (вводная конструкция) вложена в клаузу, соответствующую его партиципantu — парентетическая конструкция (далее ПК):

- (3) *[[Я думаю], Ваня живет в Москве].*

б) клауза с глаголом *думать* доминирует над клаузой, соответствующей его партиципantu — КСА:

- (4) *[Я думаю, [Ваня живет в Москве]].*

в) клауза с глаголом думать не вложена в клаузу, соответствующую его партиципанту, и не доминирует над ней — аппозитивная конструкция:

(5) [*Я думаю*], [*Ваня живет в Москве*].

На мой взгляд, этим структурам соответствуют *разные* конструкции, которые, однако, могут быть омонимичными, как в случае с (2). То, что мы действительно имеем дело с разными конструкциями, подтверждается различием их свойств.

1.2. Обоснование непарентетических конструкций. То, что предложение (2) может являться ПК, достаточно очевидно, так как выражение *я думаю* проявляет известные свойства вводных конструкций: относительная свобода расположения в предложении и способность опускаться:

(6а) *Ваня, я думаю, живет в Москве.*

(6б) *Ваня живет в Москве, я думаю.*

(6в) (*Я думаю,*) *Ваня живет в Москве.*

Менее очевидно то, что предложение (2) может не являться ПК. Это подтверждается с помощью следующих критериев:

- на *я* в *я думаю* может падать логический акцент, что недопустимо, если *я думаю* является вводной конструкцией. Это свойство вводных конструкций было обнаружено Е. В. Падучевой [1996: 325].

- предложение (2) можно вставить в такой контекст, в котором опущение *я думаю* приведет к неграмматичности (7аб)

(7а) (**Я думаю,*) *Ваня живет в Москве, но не собираюсь объяснить, почему, я так думаю.*

(7б) (**Я думаю,*) *Ваня живет в Москве, потому что мне так сказали.*

1.3. Обоснование конструкций с сентенциальным актантом. Рассмотрим предложение (8) *Я думаю, они правы*. То, что (8) может являться КСА, подтверждается тем, что:

- справа от (8), может следовать выражение, которое является сирконстантом *думать* из, чего следует, что вторая клауза вложенная:

(9а) [[Я думаю, [они_i правы], когда с ними_i общаюсь].

• возможность задать вопрос к элементу из клаузы, соответствующей партиципанту думать:

(9б) Где, он_i думает, Ваня_j живет?

• возможность вынесения слова из клаузы, соответствующей партиципанту думать, при контрастивном выделении:

(10) В Москве, он_i думает, Ваня_j живет; ср.: в Москве Ваня_i, по его_j мнению, живет.

• возможность релятивизации слова из клаузы, соответствующей партиципанту думать:

(11) Город, в котором, он_i думает, Ваня_j живет, очень древний.

1.4. Обоснование аппозитивных конструкций. Глаголы, присоединяющие СА со *что*, могут входить в конструкции без *что*, которые не проявляют ни свойств ПК, ни свойств КСА. Их аппозитивный статус также подтверждается невозможностью задать вопрос ко всей конструкции (сферой действия вопроса является клауза):

(12) *Как он_i угадал, Ваня_j живет в Москве? Ср.

(13) Почему он_i думает, Ваня_j живет в Москве?

Итак, можно заключить, что КСА без союза *что* действительно существуют, и их следует отличать от ПК и аппозитивных конструкций.

В каких случаях могут употребляться КСА без *что*?

2. Сочетаемость с матричными предикатами

2.1. Нефактивные ментальные глаголы и глаголами говорения. КСА без *что* допустима со многими нефактивными глаголами, такими как *думать, считать, надеяться, говорить* и др.

При отрицании матричного глагола конструкция становится неграмматичной.

(14) *Он_i не думает, Ваня_j живет в Москве.

(15) *Он_i не говорит, Ваня_j живет в Москве, (а говорит другое).

Возможность употребления в конструкции без *что*, по всей видимости, существует только для тех глаголов из этой группы, в семантику которых входит компонент ‘субъект считает ситуацию Р вероятной’.

(16) **Он_i сомневается, Ваня_j живет в Москве.*

Однако при отрицании глагола *сомневаться*, КСА без *что* допустима.

(17) *Мальчик_i, которого, он_j не сомневается, Ваня_k обыграет.*

2.2. Фактивные предикаты эмоционального состояния.

Такие предикаты, как *рад, жалеть, переживать* и др., не допускают КСА без *что*.

(19) **Я рад, Ваня живет в Москве.*

(20) **Я жалею, Ваня живет в Москве.*

Эти глаголы также не могут употребляться в ПК.

Е. В. Падучевой обнаружено, что аналогичные ограничения для глаголов этих двух групп и др. имеют место в ПК [Падучева 1996: 321–334]. Е. В. Падучева предлагает объяснение, опирающееся на то, что в ПК клауза, соответствующая партиципанту вводного глагола, приобретает ассертивный статус и, следовательно, информация, в ней выраженная, должна быть а) чьим-то мнением, что объясняет неграмматичность конструкций с отрицанием глагола типа *думать*, и б) новой, что объясняет неграмматичность конструкций с глаголами типа *рад*, которые имеют прагматическую пресуппозицию.

Интуитивно кажется, что причина ограничений для двух типов конструкций должна быть единой, однако объяснение для ПК как будто бы нельзя применить для КСА без *что*. Таким образом, необходимо искать либо отдельное объяснение для этих конструкций, либо новое общее объяснение.

2.3. Фактивные ментальные глаголы и глаголы восприятия. КСА без *что* допустима с предикатами, такими, как *знать, понимать, помнить* и др.:

(21) *Я знаю, Ваня живет в Москве.*

(22) *Я вижу, Ваня пьет чай.*

Отрицание глагола влечет недопустимость КСА без *что*:

(24) **Я не знаю, Ваня живет в Москве.*

Аналогичные ограничения на для этой группы глаголов имеются и в ПК.

Итак, три приведенные выше группы предикатов, присоединяющих СА при помощи союза *что*, имеют сходные ограничения на употребление в ПК и КСА без *что*. Можно предполагать, что это сходство синтаксически различных конструкций не случайно и имеет смысл не только искать объяснение на ограничения в КСА без *что* в их синтаксических свойствах, но и искать единое для обеих конструкций семантическое объяснение этих ограничений.

Литература

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

В. М. Ковальская

Москва

**БИВЕРБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ
(на материале тубаларского диалекта алтайского
языка)**

Тубаларский (туба-кижи) — один из трёх северных диалектов алтайского (ойротского) языка. В настоящем тексте будут освещены некоторые особенности бивербальных конструкций и их вхождения в состав зависимого предложения в этом языке.

В тубаларском языке имеется ряд глаголов, выполняющих роль вспомогательного — мы будем называть такие глаголы сериализаторами, — каждый из которых имеет определенное значение в составе предиката; сочетаются сериализаторы с деепричастиями прошедшего времени на **-р**.

Наиболее интересными и многозначными сериализаторами являются глаголы **al-** ‘брать’ и **ber-** ‘давать’.

Вспомогательный глагол **al-** — от одних глаголов имеет значение рефлексивного бенефактива (1), а от других — делимитатива (2.1) (перевод (2.2) является второстепенным, если вообще допускается носителем).

(1) was'a čaška-ni nün-ür al-gan
Вася чашка-ACC мыть-CONV брать-PFCT.3SG
‘Вася помыл **себе** чашку’.

(2) it ür-ür al-gan
собака лаять-CONV брать-PFCT.3SG
1. ‘Собака **немного** полаяла’.
2. ‘Собака лаяла **для себя**’ {например, чтобы защитить себя от кого-то}.

ber- (**per-**) ‘давать’; имеет значения бенефактива (3) и инхоатива (4).

- (3) was'a jabloko-n1 tut-up per-gen
Вася яблоко-ACC держать-CONV давать-PFCT.3SG
‘Вася держит яблоко для (за) кого-то’.
- (4) toš qajl-1p per-gen
лед таять-CONV давать-PFCT.3SG
‘Лед начал таять’.

Бивербальные конструкции в зависимой предикации мы будем рассматривать на материале конструкций с сентенциальными актантами с номинализацией зависимого предиката.

Структурная позиция подлежащего в сентенциальных актантах аналогична позиции посессора в именных группах – это в частности проявляется в том, что подлежащее сентенциального актанта оформляется генитивом; форма сериализатора становится нефинитной (хоть и в конкретном рассматриваемом случае морфологически совпадает с финитной), сериализатор получает показатель изафета:

- (5) men [was'a-n1ŋ maša-n1 kög-ür al-gan-1]
я [Вася-GEN Маша-ACC смотреть-CONV брать-PFCT-3]
kög-göm
видеть-PFCT.1SG
‘Я видел, как Вася смотрит на Машу (т.е. смотрит «для себя», то есть потому, что извлекает из этого личную выгоду)’.

В конструкциях с сентенциальными актантами у сериализатора **al-** наблюдается утрачивание значений, которые являются регулярными для сериализаторов в составе глагольного предиката. То есть зависимое предложение имеет лишь значение перфектива, но не имеет значений ни делимитатива, ни рефлексивного бенефактива. Зависимое предолжение в примере (б) не имеет значения ‘держал для себя’ и не имеет значения ‘немного подержал’, а ‘держал’, то есть значение прошедшего времени без какого бы то ни было дополнительного значения, кроме того, в переводе был предоставлен вариант ‘поймал’, то есть пунктивное значение вместо стативного. Такое значение обу-

словлено лексическим значением глагола *al-*, т. е. пунктивным значением ‘братъ’.

- (6) *men was'a-niŋ jablok-ni tut-up al-gan-1*
я Вася-GEN яблоко-ACC держать-CONV братъ-PFCT-3
köŋ-göŋ
видеть-PFCT.1SG
‘Я видел, как Вася поймал(или держал) яблоко’.
- (7) *men was'a-niŋ u-de d'at-1p al-gan-1*
я Вася-GEN дом-LOC жить-CONV братъ-PFCT-3
köŋ-göŋ
видеть-PFCT.1SG
‘Я видел, как Вася жил в доме’.

Сериализатор **ber-** сохраняет свои значения в предложениях аналогичного вида:

- (8) *men was'a-niŋ jablok-ni tut-up er-gen-1*
я Вася-GEN яблоко-ACC держать-CONV давать-PFCT-3
köŋ-göŋ
видеть-PFCT.1SG
‘Я видел, как Вася поймал яблоко для кого-то’.
- (9) *men was'a-niŋ töŋ-ŋp per-gen-1 köŋ-göŋ*
я Вася-GEN кашлять-CONV давать-PFCT-3 видеть-PFCT.1SG
‘Я видел, как Вася начал кашлять’.

Итак, сериализаторы в тубаларском диалекте имеют различные значения, которые по-разному проявляются в главном и зависимом предложениях.

В докладе будут подробно рассмотрены особенности семантики конструкций с сериализацией в зависимом предложении, а также намечены пути объяснения различий между сериализованными конструкциями в главном и зависимом предложении.

Н.А. Короткова, С.С. Сай
Москва — Санкт-Петербург

ГЛАГОЛ *СТАТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: семантика, синтаксис, грамматикализация

1. В литературе неоднократно отмечалось, что русский глагол *стать* способен выражать значение начинательности; в таких случаях его можно заменить на глагол *начать* без очевидных изменений в пропозициональной семантике:

(1) *Все сели за стол и стали/начали ужинать.*¹

Специфика употреблений глагола *стать* в начинательных конструкциях проясняется путём обращения к другим типам его употребления, а также детального сопоставления *стать* с бесспорно фазовым матричным предикатом *начать*.

2. Первичным значением *стать* является значение изменения положения в пространстве (переход в вертикальное/неподвижное состояние). Из него развилось связочное употребление *стать* с именными предикатами и в безличных конструкциях (далее «*стать-1*»):

(2) *Всё, что нам приснится, то станет явью.* (И. Бродский)

3. Развитие сочетаемости с инфинитивом в начинательных контекстах (далее «*стать-2*», см. пример 1) на основе связочных употреблений *стать* (*стать-1*) — классический случай грамматикализации.

С одной стороны, у *стать* сужается дистрибуция по синтаксическим позициям, в частности, в отличие от *стать-1*, *стать-2* обладает неполной парадигмой [Тестелец 2001: 248]: у

¹ Помимо интроспекции авторов, в работе активно использовались результаты обращения к поисковым системам, Национальному корпусу русского языка (www.ruscorpora.ru), а также данные небольшого эксперимента.

него отсутствуют формы повелительного наклонения (по крайней мере, в собственно императивных контекстах) (3), причастий, деепричастий и инфинитива (4); наконец, в отличие от *стать-1*, у *стать-2* нет НСВ-коррелята *становиться*:

- (3) *Начни!*стань рассказывать!*
- (4а) *Чтобы стать студентом, нужно поступить в университет.*
- (4б) *Чтобы начать!*стать писать диссертацию, нужно проявить недюжинную силу воли.*

Фактически, *стать-2* имеет лишь формы прошедшего и будущего времени, да и те не полностью совпадают по своим лексико-семантическим свойствам².

С другой стороны, у *стать-2* значение / сочетаемость шире, чем у *стать-1*: если *стать-1*, сочетаясь только со стативами, маркирует инхоатив в терминологии [Nedjalkov 2002], то *стать-2* с различной степенью продуктивности употребляется с предикатами всех акциональных классов.

4. В самом общем виде значение синонимичных, на первый взгляд, глаголов *стать-2* и *начать* можно сформулировать следующим образом (ср. толкование для *начинаться* в [Апресян 1979]):

X начал/стал Р-ИНФ = 'в момент времени T_1 X не участвовал в ситуации, обозначаемой Р, и в некоторый момент T_2 X участвовал в ситуации, обозначаемой Р, и T_2 позже T_1 '.

При этом, по всей видимости, основное различие в семантике этих двух глаголов сводится к тому, что *начать Р* делает акцент на фазовой структуре Р, являясь при этом самостоятельным событийным предикатом с собственной фазовой структурой (отсюда и наличие НСВ *начинать*), тогда как для *стать-2*, демонстрирующего большую семантическую спаянность с предикатом, выраженным инфинитивом, фазовая структура события нерелевантна, внимание же акцентируется на контрасте между той временной зоной, когда Р имеет место, и предшест-

² В [Храковский 2001] отмечается, что *стать* регулярно выражает начинательное значение только в утвердительных формах прошедшего времени.

вующей ей зоной, когда Р не имеет места, ср. [Зализняк, Шмелёв 2002: 221].

Названное противопоставление объясняет целый ряд семантико-синтаксических свойств двух глаголов:

i) В сочетании с точечными обстоятельствами времени, особенно если последние располагаются в рематической позиции, предпочтительным оказывается глагол *начать*:

(5) *Программа «Первый шаг к здоровью» начала[?] стала действовать в Иркутске 1 июня 2002 года.* (НКРЯ)

ii) *Стать-2* с ббльшим трудом, чем *начать*, допускает эллипсис смыслового глагола:

(6) *К декабрю ему нужно написать диссертацию. Он уже начал *стал.*

iii) *Стать* практически не фиксируется в тех контекстах, где вхождение в ситуацию противопоставлено дальнейшей фазовой структуре предиката:

(7) *3-ю симфонию Мендельсон начал *стал писать в 1830, а закончил — только в 42 году.*

Таким образом, конструкция с *стать-2* не может относиться к первому фрагменту периода времени, в течение которого имела место ситуация, обозначаемая смысловым глаголом, — то, что характерно для многих употреблений глагола *начать*:

(8) *Не критикуйте его, он только начал *стал писать!* (т.е. он находится ещё в первой части писательского пути.)

iv) Самым ярким синтаксическим свойством, по которому противопоставлены *стать* и *начать*, является переходность. Разумеется, это свойство имеет естественное диахроническое объяснение, но невозможность сочетания *стать-2* с именем действия (9) при возможности таких сочетаний для *начать* хорошо согласуется с отмеченными семантическими различиями между двумя глаголами.

(9) *В итоге он начал *стал строительство дома вообще без какого-либо проекта.*

Помимо названных, в докладе будут обсуждены и некоторые другие свойства начинательных конструкций с *стать*-2 (просодические особенности, сфера действия отрицания и различных адвербиалов и т.д.).

5. Стандартная семантика начинательных конструкций такова, что в пресуппозицию высказывания входит отсутствие *P* в некоторый момент времени T_1 , а в ассерцию — его наличие в последующий момент T_2 [Петрухина 2002]. С учётом сказанного выше о семантике глагола *стать*-2 представляется, что именно такая коммуникативная структура обуславливает наличие у него (но не у собственно фазового глагола *начать*!) ещё по крайней мере двух типов употреблений: развитие *стать* идет по пути, при котором внимание концентрируется не на начале ситуации, а на самом факте её наступления (о возможности такого развития см., например, [Freed 1979: 68–88]).

5.1. Одним из контекстов, в которых наблюдается особое значение глагола *стать* (далее *стать*-3), являются конструкции с отрицанием:

(10) *Он не стал^{???} начал отвечать на вопросы следователя.*

В подобных примерах у *стать* отсутствует собственно начинательное значение, и механизм развития представляется совершенно закономерным: в пресуппозиции высказывания находится информация о том, что в некоторый момент T_1 ситуация не имела места, и отрицание ассерции имеет прагматический смысл только в том случае, если наступление ситуации было по каким-то причинам ожидаемо и нарушилось из-за непредвиденных обстоятельств, чаще всего из-за сознательного решения Агенса (*не стал отвечать* ≈ ‘отказался отвечать’). Данное значение наблюдается не только при наличии отрицания как такового, но и в ряде других контекстов «со снятой утвердительностью» (см. [Падучева 2004]), ср.:

(11) *Чтобы он стал^{*} начал закладывать своего друга — да никогда в жизни!*

Интересно, что в отличие от *стать-2*, *стать-3* во многих случаях имеет самостоятельное ударение, т. е. демонстрирует свойство самостоятельного, а не вспомогательного глагола [Шведова 1980].

5.2. Ещё одним контекстом, в котором у *стать* по сути отсутствует начинательный компонент семантики, является контекст референции к будущему, т.е. *стать* по своему значению приближается к связке будущего времени (что обычно и фиксируется в словарях):

- (12) *Его 13 депутатов, по словам лидера ЛДПР, станут ≈ будут/*начнут думать до утра и решат что-то перед самым голосованием.* [НКРЯ]

Интересно, что такого рода употребления имеют акциональные свойства, нетипичные для фазовых конструкций и вообще для форм СВ будущего времени (ср. употребление обстоятельства *до утра* в примере выше).

При этом, даже потеряв начинательную семантику, *стать* сохраняет определённое семантическое наследие *стать-2*. Пресуппозиция форм типа *стану думать* ('сейчас не думаю') не является обязательной для обычных аналитических форм будущего времени *буду*, *будешь* и т.д. + ИНФ — они возможны и в случае, когда ситуация, уже имеющая место в настоящем, будет (**станет*) иметь место и в дальнейшем. Предыдущее предложение содержит и иллюстрацию приводящегося в нем положения.³

6. Выводы. Семантические свойства — подчас, казалось бы, едва уловимые нюансы — различных употреблений глагола *стать* находят отражение в их же синтаксических (и отчасти морфологических) свойствах, в целом же синхронные характеристики конструкций с глаголом *стать* во многих случаях демонстрируют семантико-синтаксическое «наследие» диахрони-

³ Всё сказанное согласуется с наблюдениями о том, что в языках мира показатели начинательности часто служат источником для маркеров будущего времени, см. [Bybee 1985: 109].

чески предшествующих конструкций; последнее укладывается в современные представления о природе грамматикализационных процессов (см., например, [Haspelmath 1990]).

Литература

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1979.
- Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д.* Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002, с. 211–224.
- Падучева Е. В.* Эффект снятой утвердительности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2004. М.: Наука, 2004, с. 479–486.
- Петрухина Е. В.* Семантика начала действия в деривационных системах славянских языков // *Z. Györke* (ed.). *Nyelv, aspektus, irodalom. Köszöntő könyv Krékitz József 70. születésnapjára.* Szeged, 2000, sz. 267–277.
- Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Храковский, В. С.* Семантика фазовости и средства ее выражения // *А. В. Бондарко* (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Эдиториал УРСС, 2001 (перв. изд. Л.: Наука, 1987), с. 153–180.
- Шведова Н. Ю.* (ред.). Русская грамматика. Т. 1–2. М.: Наука, 1980.
- Bybee J. L.* Morphology. A study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985.
- Freed A. F.* The semantics of English aspectual complementation. Dordrecht; Boston; London: Reidel, 1979.
- Haspelmath, M.* The grammaticalization of passive morphology // *Studies in Language*, 1990, Vol. 14, № 1, pp. 25–72.
- Nedjalkov V. P.* Notes on the typology of principal types of inceptive predicates: three types of phasal inceptives (inchoatives, ingressives, initives); two non-phasal types (iterative proper and adverbial iteratives) // *Philologie, Typologie und Sprachstruktur. Festschrift für Winfried Boeder zum 65. Geburtstag.* Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2002, s. 137–156.

К. А. Крапивина

Санкт-Петербург

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей образования относительных предложений (ОП) в калмыцком языке.

Калмыцкий язык принадлежит к монгольской семье и распространён в основном на территории республики Калмыкия. Материал для исследования был собран в поселке Ергенинский Кетченеровского района республики Калмыкия в ходе экспедиции, организованной филологическим факультетом СПбГУ.

В калмыцком языке существует одна основная стратегия релятивизации, свойственная и другим алтайским языкам. Её характерными особенностями являются следующие:

- внешняя вершина относительной группы,
- предшествование относительного оборота вершине,¹
- пробел (gap) в ограничивающем обороте на месте релятивизируемой позиции,
- в случае, когда релятивизируется не подлежащее, субъект ограничивающего оборота как правило стоит в родительном падеже (часть носителей, впрочем, использует именительный падеж, что, возможно, связано с влиянием русского языка),
- в качестве сказуемого ограничивающего оборота используется причастие,² причём выбор причастия определяется

¹ К.Леман называет такие ОП *prenominal external-head RCs* [Lehmann, 1986].

² Причастием в монгольской лингвистической традиции называется форма глагола, способная модифицировать ИГ; некоторые из них, впрочем, могут выступать в качестве сказуемого простого предложения. Интересно, что перфективные причастия на -sən, чаще всего

видо-временными характеристиками, а не тем, какая позиция релятивизируется.

Данные особенности можно проиллюстрировать следующим примером релятивизации (2):

- (1) bi küük-d-igə buuly-la-v
я девочка-PL-ACC хвалить-CONF-1SG³
'Я похвалил девочек'.
- (2) [mini ____i buuly-sən] küükə-d_i oda
я.GEN хвалить-PC.PRF девочка-PL теперь
aməg-dha-na
отдыхать-PROG-PRS
'Девочки, которых я похвалил, теперь отдыхают'.

Калмыцкий язык не делает различий между образованием рестриктивных и аппозитивных ОП. Также не играет роли синтаксическая позиция вершины относительной группы в главном предложении.

Описанная стратегия позволяет релятивизовать именные группы (ИГ), располагающиеся в верхней части (до косвенного дополнения включительно) иерархии доступности ИГ Кинена-Комри [Кинен, Комри, 1982]:

Подлежащее > Прямое дополнение > Непрямое дополнение > Косвенное дополнение > Группа обладателя > Объект сравнения

Особый случай представляет собой послеложная группа. Носители либо релятивизуют её, помещая послелог после пробела в ограничивающем обороте и присоединяя к нему посес-

используемые при релятивизации, крайне редко выступают в качестве сказуемого в независимом предложении (А. Сизова, личное сообщение).

³ Система транслитерации и глоссирования, используемая в работе, была разработана в рамках экспедиции, на материале которой построено данное исследование. Она основана на лейпцигских правилах глоссирования. Среди потенциально непонятных сокращений стоит назвать следующие:

CV.PURP — целевое деепричастие, CONF (confirmative) — форма «преждепрошедшего» времени, P.3 — притяжательный показатель 3-го лица, PC.PRF — причастие прошедшего времени.

сивный показатель (3), либо опускают послелог, вследствие чего он становится невосстановим (4):

- (3) [____i dor-ny noxa kevd-dhä-sən] shirä_i qaza
 внизу-Р.3 собака лежать-PROG-PC.PRF стол снаружи
 bää-nä
 быть-PRS
 ‘Стол, под которым лежит собака, находится на улице’.
- (4) [noxa kevd-dhä-sən] shirä qaza bää-nä
 собака лежать-PROG-PC.PRF стол снаружи быть-PRS
 ‘Стол, под (?) которым лежит собака, находится на улице’.

У большинства носителей не вызывает трудностей построение предложений с релятивизацией обладателя, связанного с субъектом придаточного предложения. В этом случае обладаемое присоединяет посессивный показатель, вероятнее всего, соответствующий лицу обладателя:

- (5) [noxa-ny teeg-tə güü-dh od-sən] zalu
 собака-Р.3 степь-DAT бежать-CV.IPFV идти-PC.PRF мужчина
 mini ax-igə med-nä
 я.GEN брат-ACC знать-PRS
 ‘Мужчина, собака которого убежала в степь, знает моего брата’.

Однако предложения с релятивизованным обладателем, связанным с объектом, омонимичны предложениям с релятивизацией субъекта, что делает проблематичной интерпретацию предложений вида (6), для которых возможны две различных структуры и, соответственно, две различных интерпретации (6а и 6б):

- (6а) [[mini][____i degtər] av-sən]] kövü-d-igə_i bi
 я.GEN книга брат-PC.PRF мальчик-PL-ACC я
 todl-u-v
 помнить-PST-1SG
 ‘Я помню мальчиков, книжки которых я взял’.
- (6б) [____i [[mini degtər] av-sən]] kövü-d-igə_i bi
 я.GEN книга брат-PC.PRF мальчик-PL-ACC я
 todl-u-v
 помнить-PST-1SG
 ‘Я помню мальчиков, которые взяли мои книжки’.

Релятивизация объекта сравнения с помощью данной стратегии невозможна.

Примечание. Для релятивизации объекта сравнения иногда употребляется стратегия, использующая в качестве союзных слов местоимения *ken* (кто) и *jun* (что):

- (7) *kövün* [ken-äsə ikär bi umsh-na] ikär ködäl-nä
мальчик.NOM кто-ABL много я читать-PRS много работать-PRS
'Мальчик, больше которого я читаю, много работает'.

Важно отметить, что в этой конструкции используется финитная форма глагола, употребляемая как правило в независимых предложениях, а порядок слов схож с русским. Данная стратегия позволяет релятивизовать любую позицию иерархии доступности, однако принимается крайне ограниченным числом носителей.

Релятивизация позиций, находящихся во вложенной клаузе, вызывает трудности у большинства носителей, что соответствует дополнительной иерархии Б. Сигурда [Sigurd, 1989], однако достаточно регулярно релятивизируются ИГ, находящиеся внутри сентенциальных актантов некоторых глаголов, таких как, например, 'намереваться'. При этом показатель релятивизации присоединяется к матричному глаголу.

- (8) [mini ____i umsh-xar sed-sən] degtər_i
я.GEN читать-CV.PURP намереваться-PC.PRF книга
shirä deer kevd-nä
стол наверху лежать-PRS
'Книга, которую я намереваюсь прочитать, лежит на столе'.

Литература

- Кинэн Э. Л., Комри Б.* Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982, с. 111–165.
- Lehmann Ch.* On the Typology of Relative Clauses // *Linguistics*, 1986, Vol. 24, № 4, pp. 663–680.
- Sigurd B.* A Supplementary Relativization Hierarchy Based on the Complexity of the Relative Phrase // *Studia Linguistica*, 1989. Vol. 43, № 1, pp. 33–46.

Н. В. Кузнецова

Санкт-Петербург

**АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА
(сойкинский диалект)¹**

Несмотря на то, что ижорский язык, и в особенности его сойкинский диалект, не раз привлекал внимание исследователей (им занимались А. Лаанест, Э. Нирви, П. Аристе и др.), систематического синхронного описания его фонологии и грамматики до сих пор не существует. В июле 2006 г. на Сойкинский полуостров (в пос. Вистино Кингисеппского р-на Лен. обл-ти и прилегающие деревни) была организована экспедиция московских и петербургских исследователей под руководством Ф. Рожанского (ИЯ РАН) с целями сбора материала по фонологии, морфологии и синтаксису ижорского языка. В данном докладе планируется представить результаты предварительного изучения супraseгментной фонологии (акцентологии) сойкинского диалекта (СД).

На синхронном уровне оказывается целесообразным часть имеющихся в СД количественных противопоставлений относить к сегментному уровню (оппозиция кратких/слабых и долгих/сильных фонем), а часть — к супraseгментному уровню. Например, первые слоги слов *linal* 'лен.Nom.Sg'. и *li:nöl* 'быть.Fut' противопоставлены долготой гласного, а слова *linal* и *lin:a/* 'город' — оппозицией слабого/сильного согласного в интервокальной позиции. При этом, форма Part./III.Sg. слова *lin:a/* отличается от формы Nom.Sg. этого же слова наличием продления в гласном второго слога. Однако такое продление нельзя приравнять к «настоящему» долговому гласному, встре-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 06-04-18002е.

чающемся в первом слоге, по нескольким причинам. Во-первых, его средняя длительность находится примерно посередине между средней длительностью краткого (примерно 100мс) и «нормального» долгого (примерно 200 мс) гласного. Во-вторых, длительность этого продления крайне неустойчива, она варьирует по разным реализациям значительно сильнее чем, длительность долгого гласного. Оно реализуется то как почти долгий гласный, то как, фактически, просто отсутствие редукции, которая весьма характерна для гласных непервых слогов. В третьих, продлению гласного также сопутствует некоторое продление интервокального согласного, и так уже сильного (долгого): [liŋ.nǎ] vs. [liŋ.nà]. С другой стороны, в данном случае это продление не обусловлено никаким фонологическим контекстом. Все эти факты заставляют нас признать, что фонологическое различие между формами Nom.Sg. и Part./III.Sg. слов типа *lin:al* содержится не в их сегментной структуре, а на супraseгментном (просодическом) уровне.

Как известно, типологически возможны 3 типа супraseгментных единиц:

а) ударение (бинарная оппозиция — просодически маркированный/немаркированный слог);

б) слоговые акценты (к оппозиции просодически маркированного/немаркированного слога добавляется оппозиция между типами просодически маркированных слогов);

с) тоны (каждый слог слова просодически маркирован, ему приписана одна из класса парадигматически противопоставленных просодических единиц).

Дальнейший анализ количественных а также мелодических (на долгих гласных) оппозиций в СД показывает, что для описания просодики этого диалекта целесообразно использовать как понятие ударения, так и понятие слогового акцента.

Ударение в СД не является дистинктивным, оно служит лишь делимитативным и ритмическим целям. Сегментным базисом ударения в СД является стопа (последовательность из 1-3 слогов). 4-сложные и 5-сложные слова содержат по 2 стопы (2+2 и 3+2 слога, соответственно). Автоматический счет стоп начинается заново с каждой новой корневой морфемы, слов бо-

лее 5-слогов, содержащих только одну корневую лексему, в СД, по-видимому, не бывает. Стопа представляет собой схему чередования «сильных» слогов (в которых возможно автоматическое продление гласного и/или следующего за ним интервокального согласного) и «слабых» слогов (в которых гласный, наоборот, часто редуцируется). В каждой стопе имеется только один «сильный» слог. Это первый слог, если он долгий (содержащий долгий гласный и/или закрытый) — например, первый слог в *lin:a/*, *nu:ra/* ‘веревка.Nom.Sg’, *na:p:uri/* ‘сосед.Nom.Sg’. Если первый слог краткий, то автоматическое продление приходится на второй слог — например в *lina/*, [*linà*]).

Соответственно, для каждого слова, в зависимости от количества в нем корневых морфем, а также структуры и количества слогов, можно вывести автоматическую дефолтную схему его просодического облика. Однако, есть ряд случаев, где эта схема нарушается и оказывается противопоставлена дефолтной, причем такое отклонение на синхронном уровне никак структурно не мотивировано (как в Part./III.Sg. от *lin:a/*, где мы видим «незакономерное» продление во втором слоге после долгого первого слога). В таких случаях и следует оппозицию на уровне слоговых акцентов.

В докладе будут подробно представлены система слоговых акцентов, выведенная автором для сойкинского диалекта, и основания для данного описания. Система состоит из двух акцентов, «сильного» и «слабого». Для именного словоизменения, в частности, наиболее характерна оппозиция слоговых акцентов в основах форм Nom.Sg. vs. III/Part.Sg. (как это было показано выше), а также в основах форм Nom.Sg.,Pl., Gen.Sg. vs. форм косвенных падежей Sg.

Типологически интересен тот факт, что система слоговых акцентов СД является своего рода промежуточной, переходной и поэтому не вполне устойчивой. Она совсем недавно развилась из системы, имевшей в непервых слогах долгие гласные. Для такой системы постулирование слоговых акцентов было необязательно, т.к. все описывалось через сегментные противопоставления (такова, в частности, система современного финского

языка). Так еще П. Аристе и А. Лаанест, проводившие исследования СД в середине XX века, последовательно обозначали долгие гласные и не обозначали редукции в непервых слогах. Когда в непервых слогах последовательно произошла редукция, долгие гласные непервых слогов сократились до промежуточного уровня между краткими и долгими (соответственно, их стало невозможно отождествлять с долгими гласными первых слогов), а краткие — до промежуточного уровня между краткими (первого слога) и редуцированными. В частности, это приводит к тому, что в части идиолектов редуцированные в шва гласные *a* и *ä* в непервых слогах слов, типа *lin:a-d/* 'город-Nom.Pl' и *lehmä-d/* 'корова-Nom.Pl'. «проясняются» при тщательном произнесении, а в части идиолектов — уже нет. Это говорит о том, что в перспективе, если редукция в СД пойдет еще дальше, слоговые акценты опять могут потерять свою пользу для фонологического описания этого диалекта. Противопоставление разных слоговых акцентов на формах с абсолютно одинаковым сегментным содержанием существует в СД только у имен (и, возможно, некоторых глаголов) с основой на *-a*. Если редуцированные аллофоны гласных *a* и *ä* в непервых слогах нынешних слов со слабым акцентом станут самостоятельной фонемой (шва), то минимальные пары, противопоставленные только слоговым акцентом, опять исчезнут, и прибегать к акцентам скорее всего не будет необходимости.

О. В. Кузнецова

Санкт-Петербург

ТОНАЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ ГУРО

В существующих описаниях языка гуру можно найти указания на то, что глаголы в отдельных формах способны изменять тоны, однако при рассмотрении различных конструкций исследователи прежде всего обращали внимание на сегментные средства. Как выяснилось в ходе работы с информантами, изменения тонов происходят при образовании большинства глагольных конструкций.

Рассматривались формы имперфектива (положительная и отрицательная), перфектива (положительная и отрицательная), прогрессива, императива, прохибитива, герундия и результатава для двухсот глаголов гуру. У подавляющего большинства глаголов формы прогрессива, отрицательного имперфектива, императива и прохибитива совпадают; эта форма и принимается за основную.

Выделяются три основных класса глаголов:

- не изменяющие тонов (8);
- глаголы с мобильной парадигмой (9);
- изменяющие тон в зависимости от грамматической формы:
 - с начальными тоноповышающими согласными (1.1, 1.2, 2, 3, 4.1, 4.2);
 - с начальными тонопонижающими согласными (5, 6, 7).

Противопоставление тоноповышающих (глухие, импловивные) и тонопонижающих (звонкие) согласных заключается в том, что после первых не может следовать гласный с низким тоном, но возможен гласный с падающим тоном, а вторые, на-

оборот, не сочетаются с высоким тоном, но сочетаются с восходящим.

	Основная форма	Перфектив	Имперфектив	Отр. имперфектив	Герундий	Результатив
1.1	MM	MH	MM-m	vi HH-l vt LL-l	<u>ML</u>	HL
1.2	M	H	M-m	vi H-l vt L-l	<u>F ~ L</u>	F
2	MH	MH	MH-m	vi HH-l vt LL-l	<u>ML</u>	HL
3	HH	HH	MH-m	vi HH-l vt LL-l	HH	HH
4.1	HH	HH	MM-m	vi HH-l vt LL-l	HH	HH
4.2	H	H	M-m	vi H-l vt L-l	H	H
5	LH	LH	LM-m	LL-l	LL	LH
6	R	R	L-m	L-l	L, R	R
7	M	R	M-m	L-l	L	L
8	LL	LL	LL-m	LL-l	LL	LL
9	<u>ML</u>	<u>ML</u>	<u>ML-l</u>	<u>ML-l</u>	<u>ML</u>	HL

В таблице заглавными буквами обозначены гласные основы, строчными — гласные суффикса имперфектива (M — средний тон, H — высокий, L — низкий, R — восходящий, F — нисходящий), подчеркнуты формы, в которых тон первого гласного зависит от тона предшествующего слова.

Глаголы, меняющие тоны в зависимости от конкретной конструкции, с начальными тонопонижающими согласными имеют низкий тон в герундии и результате и не изменяют тон в форме отрицательного имперфектива в зависимости от пере-

ходности/непереходности,¹ что объединяет их с глаголами из первой группы. Глаголы с топовышающими согласными имеют высокий тон в результате и изменяют тон в зависимости от переходности глагола в отрицательном имперфективе; если в основной форме они имеют последовательность высоких тонов (типы 3, 4.1, 4.2), то она сохраняется в герундии; если нет (типы 1.1, 1.2, 2), то в форме герундия тон первого гласного уподобляется тону последнего гласного предшествующего слова.

В глаголах с мобильной парадигмой тон начального гласного во всех формах, кроме результата, уподобляется тону конечного гласного предшествующего слова. Для переходных глаголов это прямое дополнение, для непереходных — показатель конструкции или подлежащее. Глаголы, изменяющие тоны в зависимости от предшествующего слова, могут начинаться и с тонопонижающих, и с тонопонижающих согласных.

bēlī ‘лечить’

è *à* *bēlī-ē*

он:S:IPFV он:OBJ лечить-IPFV

‘Он его лечит (обычно)/ Он его вылечит’

bēlī ‘промахиваться’

á *mī* *bēlī-à*

я:S:IPFV человек промахиваться-IPFV

‘Я (обычно) не попадаю в человека/Я не попаду в человека’.

á *kʰ* *bēlī-à*

я:S:IPFV дом промахиваться-IPFV

‘Я (обычно) промахиваюсь мимо дома/Я промахнусь мимо дома’.

¹ Поскольку в минимальных контекстах на форму отрицательного имперфектива перед переходными глаголами стоит местоимение 3 лица единственного числа с низким тоном, а непереходные следуют непосредственно за показателем отрицания *ká* с высоким тоном невозможно сказать, чем в действительности вызвано колебание тонов в этой форме. Кроме переходности/непереходности оно может быть объяснено влиянием тона предшествующего слова, то есть, возможно, в данной форме все глаголы с топовышающими согласными имеют мобильную парадигму.

\acute{a} $g\grave{a}$ $b\grave{e}l\grave{i}-\grave{a}$
 я:S:IPFV антилопа промахиваться-IPFV
 ‘Я (обычно) не попадаю в антилопу/ Я не попаду в антилопу’.

Термин «мобильная парадигма» взят из работы Е. В. Перехвальской [Perehval'skaya 2004], где описывается морфонология глагола языка муан (мона), родственного гуру. Там под глаголами с мобильными парадигмами понимаются глаголы, меняющие тон в зависимости от прямого дополнения, в противоположность глаголам с константной парадигмой, тоны которых в конкретных формах зависят от лексического тона и особенностей конкретной видо-временной формы. Глаголы муан [Perehval'skaya, 2005], соответствующие глаголам гуру с мобильной парадигмой, также имеют мобильную парадигму, хотя обратное утверждение не верно.

Литература

- Benoist J.-P.* Grammaire gouro (groupe mandé – Côte d'Ivoire) // *Afrique et Langage* (Lyon), 1969, № 3
Le Saout J. Notes sur la phonologie du Gouro (zone de Zuénoula). Nice: C.E.P.L.A.N, 1979
Vydrine V. F. Negation in South Mande. Ms.
Perehval'skaya E. V. La morphologie verbale du mwan (Côte-d'Ivoire) // *Mandenkan* (Paris), 2004, Vol. 39, pp. 69–85.
Perehval'skaya E. V. Mwan dictionary. Ms., 2005. (Available at: http://www.mandesud.net/Mwan%20Dictionary_v1.pdf).

А. Б. Летучий

Москва

СВЯЗЬ ЛАБИЛЬНОСТИ СО СВОЙСТВАМИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Лабильность — способность глагола иметь и переходное, и непереходное употребление — присуща глаголам в языках самых разных ареалов и семей, но развита в разной мере. В связи с этим естественно задать вопрос, зависит ли степень развитости лабильности в языке от свойств грамматической системы.

В лингвистических работах этот вопрос рассматривался фрагментарно. Можно назвать работы [Климов, Алексеев 1980], [Полинская 1986], [Drossard 1998] и [Vajda 2005]. Рассмотрим роль нескольких факторов для лабильности.

Строй языка — прежде всего, противопоставление эргативного и аккумулятивного строя — часто по умолчанию считается основным фактором лабильности, причём в [Drossard 1998] и [Vajda 2005] ему придаётся разное осмысление. Автор первой работы считает, что в эргативных языках развита именно Р-лабильность, поскольку она не требует изменения падежа сохраняемого актанта — пациенса, который оформлен абсолютивом в обоих употреблениях. Во второй работе эргативные языки считаются вообще более склонными к лабильности, поскольку роль маркера деривации в них отчасти выполняет различная маркировка субъекта при переходных и непереходных глаголах.

В действительности оба подхода не вполне точны. Даже кавказские языки в разной степени склонны к лабильности, например, годоберинский язык имеет 11 Р-лабильных глаголов — примерно столько же, сколько болгарский и гораздо меньше, чем французский и аварский — ясно, таким образом, что говорить о склонности всех эргативных языков к лабильности нельзя.

Точнее будет сказать, что системы лабильных глаголов в эргативных и аккумулятивных языках включают разные лексемы. В первых это прежде всего прототипически переходные глаголы (ср. лезгинские глаголы *xin* ‘ломать(ся)’, *kun* ‘гореть/жечь’, *q'in* ‘умереть/убить’), а во вторых — часто периферия класса переходных глаголов: глаголы с агенсом-инициатором (ср. франц. *cuir* ‘варить(ся)’, *frire* ‘жарить(ся)’), фазовые глаголы (болгарские глаголы *започна* ‘начать(ся)’, *продължава* ‘продолжать(ся)’, *завърша* ‘закончить(ся)’) и глаголы движения. Это коррелирует с устройством в этих языках противопоставления по переходности: в эргативных языках переходны обычно глаголы сильного воздействия на пациенс (см. об этом [Testelec 1998]).

В [Климов, Алексеев 1980] высказано предположение, что развитая лабильность в нахско-дагестанских языках связана с отсутствием в этих языках пассива — то есть с **системой маркеров дериваций**. Хотя это предположение также подрывается данными индоевропейских языков с развитой лабильностью, где показатели пассива есть, в обобщённом виде оно часто даёт хорошие результаты.

Так, почти полностью отсутствует лабильность в тюркских и картвельских языках, имеющих грамматикализованные маркеры и для повышающих (каузатив), и для понижающих (пассив, декаузатив) актантных дериваций. Наибольшую склонность к лабильности проявляет английский язык, практически не имеющий грамматикализованных показателей деривации. Среди языков индоевропейской семьи наименее грамматикализовано и морфологизовано выражение понижающих дериваций в германских языках (например, немецкий маркер возвратности *sich* изменяется по лицам и падежам), а наиболее — в славянских. Первые имеют больше всего лабильных глаголов, а вторые — меньше всего (романские языки занимают промежуточное положение), то есть лабильность компенсирует недостаточную степень грамматикализации маркера.

В работе [Vajda 2005] автор полагает, что лабильность противостоит **продропу** (нулевому выражению актанта) и должна быть неразвита там, где развит продроп. Это подтверждается материалом английского языка, где продроп отсутствует, а лабиль-

ность развита. Однако есть и опровергающие примеры: в частности, адыгейский язык, который обладает и развитым продропом, и развитой лабильностью ([Гишев 1968; Кумахов 1990]). Омонимии при этом не возникает: словоформа глагола при продропе принадлежит к «переходному» типу, а при непереходном употреблении лабильного глагола — к «непереходному».

Наконец, интересна ситуация с последним фактором — **структурой словоформы**: в работах [Полинская 1986] и [Vajda 2005] ему даётся противоположное осмысление. Первый автор считает, что полисинтетические языки, обладающие «достаточно прозрачной системой субъектно-объектного согласования» склонны к лабильности, второй рассматривает кодирование партиципентов в глаголе как препятствие лабильности. Ни одна из этих точек зрения не верна полностью. Так, чукотско-камчатские и абхазо-адыгские языки склонны к лабильности, а атабаскские и кетский — нет, в частности, это связано с наличием в атабаскских языках маркеров собственно переходности глагола.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Поскольку лабильность значительно сильнее связана с конкретными, единичными лексемами, чем грамматические маркеры, её корреляции со свойствами грамматической системы менее строгие.

2. В случаях, когда корреляции имеются, от свойств системы зависит не **количество** лабильных глаголов, а скорее **группа**, к которой они относятся.

3. Ключевым фактором, по-видимому, являются свойства системы показателей — не только их наличие или отсутствие, но и степень грамматикализации.

Литература

- Гишев Н. Т.* Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1968.
- Климов Г. А., Алексеев М. Е.* Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980.

- Кумахов М. А.* Об основах вариантного управления в адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. XVII. Тбилиси: Мецниереба, 1990, с. 42–47.
- Полинская М. С.* Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1986.
- Drossard W.* Labile Konstruktionen // *L. Kulikov, H. Vater* (eds). Typology of verbal categories. Papers presented to V. P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen: Max Niemeyer, 1998, pp. 73–84.
- Testelec Ya. G.* On two parameters of transitivity // *L. Kulikov, H. Vater* (eds). Typology of verbal categories. Papers presented to V. P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen: Max Niemeyer, 1998, pp. 29–45.
- Vajda E.* Active Alignment and Morphological Transitivity, presented at the Typology of active/stative languages conference. Leipzig, 2005.

Ю. В. Мазурова

Москва

**ПОД КРЫШЕЙ ДОМА МОЕГО
(локативные превербы
адыгейского языка)**

Темой доклада является семантика локативных превербов адыгейского языка, который чрезвычайно богат морфологическими средствами для выражения разнообразных пространственных отношений. В фокусе внимания — превербы *к/э-* и *ч/э-*, близкие как по значению — ‘под, внизу’, так и по своему фонетическому облику. Фонетическая и семантическая близость этих превербов, а также влияние русского языка, привели к тому, что в современном языке они во многих случаях смешиваются носителями языка. Несмотря на то, что реальное употребление этих превербов уже не соответствует словарному, связь с исходным значением не утрачена полностью. Для этих двух превербов в докладе предлагается толкование в виде семантической цепи, которое объясняло бы их отличия между собой и могло бы предсказывать их сочетаемость. Рассматривается также семантика сложных превербов, в состав которых входит *к/э-*, и сочетание данного преверба с некоторыми суффиксами, которое не всегда является композиционным с точки зрения семантики.

Интересно сравнить адыгейский язык с другими адыгскими языками, где исторически те же превербы несколько иначе делят «сферы влияния». Таким образом, на примере адыгских языков мы можем проследить, как в процессе грамматикализации один и тот же формант получает различное семантическое наполнение.

В докладе обсуждаются проблемы грамматикализации лексем с пространственной семантикой, их связь с лексическим источником, вопросы расширения пространственного значения, типологии совмещения разных значений в одном показателе. Ис-

следование основано на материалах, собранных в ходе адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ в 2005 и 2006 гг.

Литература

Гишев Н. Т. Глагол адыгейского языка. М.: Прометей, 1989.

Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.

Розава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.

Н. С. Матвеева, Н. В. Сердобольская

Москва

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНСТРУКЦИЙ С МЕНТАЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Ментальные предикаты в языках мира образуют конструкции, где одна из валентностей ментального предиката замещается не именем, а ситуацией — т. н. актантные предложения, или конструкции с сентенциальными актантами. Наиболее частотный способ оформления зависимой ситуации при таких предикатах в русском литературном языке — это изъяснительное придаточное с союзом:

(1а) *Я думаю, что все поправки вряд ли будут учтены.* (НКРЯ)

Хорошо известно, что союз в таких конструкциях может опускаться:

(1б) *Я думаю, все поправки вряд ли будут учтены.*

Грамматика русского языка трактует примеры типа (1б) в терминах бессоюзных сложных предложений [Шведова (ред.) 1970, 1980]. Фактически такое решение предполагает, что предложения типа (1б) — конструкции с сентенциальным актантом, где зависимая предикация не оформляется союзом, т. е. они обладают теми же синтаксическими свойствами, что и предложения типа (1а). Ниже будет показано, что это не так: во-первых, бессоюзные предложения, аналогичные (1б), на самом деле не образуют однородный класс. Во-вторых, синтаксические свойства данных конструкций не совпадают со свойствами конструкций с союзом, а в большей степени проявляют сходство со свойствами вводных предложений.

2. Какие типы конструкций с ментальными предикатами выделяют различные исследователи? С одной стороны, это кон-

струкции с сентенциальным актантом: ментальный предикат является главным, объект ментальной деятельности субъекта оформляется зависимой предикацией с подчинительным союзом (тип А, см. (1а)). Далее, исследователи выделяют следующие типы конструкций:

Тип В. Бессоюзные предложения (1б). Обычно предполагается, что данный тип конструкций имеет практически такие же синтаксические свойства, что и конструкции типа А [Шведова (ред.) 1980]: ментальный предикат является главным, объект ментальной деятельности субъекта оформляется зависимой предикацией без союза (ниже для краткости мы будем называть части бессоюзного предложения «главной» и «зависимой» предикацией, соответственно).

- (2) *Я думаю, у него есть недостатки, и немаленькие.* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)] (НКРЯ)

Тип С. Вводные предложения:

- (3) *В случае с «Игроками», я думаю, было три основных недоразумения.* [Сергей Юрский. Вспышки. Заключительная глава книги // Октябрь, №10, 2001] (НКРЯ)

В таких конструкциях объект ментальной деятельности субъекта кодируется независимым предложением, которое синтаксически не управляется ментальным предикатом; наоборот, ментальный предикат выступает модификатором к данному предложению [Thompson 2002].

Тип D. Ментальный предикат может лексикализовываться и выступать, как вводное слово (не образующее вводного предложения): напр., *знаешь/те, слушай*. В таком случае ментальные предикаты не вполне сохраняют исходное значение, а служат дискурсивными маркерами или маркерами модальности (см. об этом [Кобозева 1999; Ширяев 2004]):

- (4) *Знаете, мне иногда кажется, что это не я был.* [И. Грекова. Хозяева жизни (1960)] (НКРЯ)

Целью данного исследования было определить синтаксические свойства конструкций типа В, в сравнении с типами А и С. Как представляется, тип D образует особый класс, требующий

отдельного рассмотрения; поэтому такие примеры в данной работе не анализировались.

3. Конструкции А–D обнаруживают различия по ряду параметров: это интонация, пресуппозитивно-ассертивная принадлежность предикации, содержащей глагол ментальной деятельности [Падучева 1981], синтаксические свойства (напр., тип D и тип С различаются способностью трансформироваться в конструкцию с союзом (тип А) с сохранением значения исходного ментального предиката, см. [Кобозева 1999]. В различных работах, посвященных данной проблематике, анализируются различные синтаксические свойства данных конструкций, однако обычно авторы ограничиваются рассмотрением двух-трех синтаксических свойств при сравнении двух различных типов. Для ответа на вопросы, поставленные в данном исследовании, необходим системный анализ синтаксических свойств конструкций типа В и выработка синтаксических критериев, позволяющих отличить данный тип от А и С. При решении данной задачи мы ориентировались на критерии, предложенные различными исследователями (в том числе, [Ziv 2002; Urmson 1970; Падучева 1996; Thompson 2002; Апресян 1995], а также рассматривали некоторые другие параметры:

- 1) Позиция «главной» предикации по отношению к «зависимой».
- 2) Наличие/отсутствие союза.
- 3) Лицо, число и время ментального предиката.
- 4) Наличие при ментальном предикате зависимых: подлежащего в номинативе, дополнений в дативе и сирконстантов.
- 5) Наличие отрицания.
- 6) Способность ментального предиката присоединять различные частицы.

На основе данных параметров было размечено ок. 4 тыс. предложений с ментальными предикатами, взятых из Национального корпуса русского языка, а также проведено анкетирование 30 носителей. Кроме того, мы рассматривали ряд критериев, позволяющих судить о коммуникативных и дискурсивных

свойствах предикации, содержащей ментальный глагол, и предикации, обозначающий объект ментального глагола. В частности, исследовались следующие свойства: способность ментального предиката и его зависимых выступать в фокусе контраста, способность ментального предиката подвергаться эллипсису в конструкциях вида *Я думаю, Маша права, а ты — нет* и т. д.

4. Основываясь на полученных данных, можно сделать следующие выводы:

Наиболее надежным критерием различения конструкций (А)-(D) могут служить следующие свойства:

- ✓ отрицание;
- ✓ обстоятельства (важно уточнить, что речь идет о обстоятельствах образа действия (за исключением устойчивых сочетаний, напр., *вообще говоря* и т.п.);
- ✓ наличие при ментальном предикате формально выраженного подлежащего;
- ✓ частицы.

Следующие критерии являются менее релевантными:

- наличие дополнения в дативе;
- лицо, число и время ментального предиката;
- наличие при ментальном предикате выделительных частиц.

Применение перечисленных критериев показывает, что бессоюзные конструкции (тип В) образуют отдельный класс, синтаксические свойства которого не совпадают ни со свойствами конструкций с союзом, ни со свойствами вводных предложений.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Кобозева И. М.* О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // *Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец* (ред.). Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

- Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Падучева Е. В.* Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // Научно-техническая информация. Автоматизация обработки текста; сер. 2, 1981, № 11, с. 23–30.
- Шведова Н. Ю.* (ред.). Русская грамматика. Т. 1–2. М.: Наука, 1980.
- Ширяев Е. Н.* Глаголы речи, восприятия и мысли в роли разговорных модальных средств // *Ю. Д. Апресян* (ред.). Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Школа «Языки русской культуры», 2004.
- Thompson S. A.* ‘Object complements’ and conversation: towards a realistic account // *Studies in Language*, 2002. Vol. 26, № 1, pp. 125–164.
- Urmson J. O.* Parenthetical verbs // *Ch. E. Caton* (ed.). *Philosophy and ordinary language*. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1970, pp. 220–240.
- Ziv Y.* This, I believe, is a processing instruction: Discourse Linking via Parentheticals // *Y. N. Falk* (ed.). *Proceedings of Israel Association for Theoretical Linguistics* 18, Bar Ilan University. Jerusalem, 2002.

С. В. Пискунова, О. Д. Третьякова

Москва

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОСТЬ И НЕТРИВИАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В НАРРАТИВАХ

Работа посвящена исследованию некоторых аспектов нетривиального использования временных форм в нарративе и взаимосвязи категории времени и вида глагола с референциальным статусом имени.

Наряду с каноническим для нарратива претеритом в различных языках для повествования о событиях, имевших место в прошлом, используются и другие грамматические временные формы, для которых данное значение является неосновным.

Наиболее известным примером такого рода является использование форм настоящего времени, так называемого **настоящего исторического, или нарративного (praesense historicum)**:

- (1) *Выехал Жилин вперед, остановился и ждет, пока подойдет к нему обоз* (Л. Толстой Кавказский пленник)
- (2) *I'm walking into the house when all of a sudden I see this squirrel hanging on a chain from the ceiling* (пример из книги S. Fleischman "Tense and Narrativity")

Это явление имеет место во многих языках. При этом важно отметить, что презентные формы могут использоваться как вместо форм аориста, так и вместо форм имперфекта.

События консеквативной цепочки (плана текущего повествования) нарратива могут выражаться также грамматическими формами будущего времени (условно назовём такое употребление **будущим нарративным** — примеры 2, 3) и с помощью других средств.

- (3) *Но тут младший братец как подпрыгнет!*

В языке коми будущее историческое достаточно распространено (4):

(4.1) *raka-ud i vom-sə voš't-a-s*
ворона-DEF и рот-ACC.3 открыть-FUT-3
'Ворона рот и открыла'.

(4.2) *syg-ud uš'-a*
сыр-DEF падать-PRS.3
'Сыр упал'.

(4.3) *guč-id boš't-a-s da pyšj-a-s*
лиса-DEF хватать-FUT-3 и бежать-FUT-3
'Лиса (сыр) схватила и убежала'.

Однако в отличие от форм настоящего нарративного, использование форм будущего нарративного в значительно большей степени ограничено в употреблении. В частности, они не могут выражать события фоновой линии повествования (**background**). Будущее нарративное заменяет только формы аориста. Кроме того, будущее нарративное всегда чередуется с формами претерита либо другими формами выражения консеквативной цепочки, тогда как настоящее историческое не обязательно требует смены стратегии повествования. Ещё одна особенность состоит в том, что будущее нарративное может использоваться только в клаузах, в которых субъект имеет референтный определённый денотативный статус.

Между референциальным статусом субъекта, его активацией в сознании говорящего и способом выражения событий консеквативной цепочки обнаруживается очевидная взаимосвязь. В нашей работе мы анализируем связь между референтностью ситуации и употреблением грамматических форм прошедшего, настоящего или будущего времени в нарративном дискурсе.

Помимо того, что определенные видо-временные формы глагола имеют тенденцию употребляться с субъектами определённого референциального статуса, этот же фактор может влиять на возможность субституции претерита нетривиальной видо-временной формой.

На основании анализа корпуса нарративов в разных языках представляется возможным сформулировать следующие общие правила:

1) основная линия канонического нарратива не может содержать нереферентный субъект;

2) существует связь между грамматической формой выражения событий консеквативной цепочки и референциальным статусом ситуации (и таким образом, выстраивается некоторая иерархия):

а) претерит как немаркированный член оппозиции допускается в ситуации с любым денотативным статусом;

б) настоящее нарративное имеет тенденцию употребляться с референтными субъектами;

в) будущее нарративное возможно только в основной линии повествования с субъектом, имеющим референтный определённый статус.

Е. В. Прозорова

Москва

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЙСКИЙ ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКИМ?

Российский жестовый язык (далее РЖЯ) — это язык межличностного общения незлышащих людей в России и ряде соседних стран. РЖЯ входит в семью жестовых языков глухих — особого типа языков, план выражения которых строится не на звуковой, а на жестикулярно-мимической основе. По своей коммуникативной функции и общим принципам организации жестовые языки (далее ЖЯ) не отличаются от звучащих языков. Все описанные в настоящее время ЖЯ устроены по сходным принципам и часто сравниваются с полисинтетическими языками [Wallin, 1996; Hoiting & Slobin, 2002].

Для полисинтетических языков (например, североамериканских индейских языков) характерны многокомпонентные глагольные словоформы, выражающие большое количество семантических категорий. Поводом для сопоставления с ними жестовых языков является наличие в последних особых предикатных конструкций, описывающих перемещение или расположение объекта в пространстве — в жест обязательно входит информация о свойствах участника (участников) действия и траектории движения. Однако подобные жестовые конструкции не фиксируются в словарях: они каждый раз изобретаются заново и могут никогда не встретиться вновь. Поэтому в данной работе утверждение о полисинтетичности ЖЯ рассматривалось сквозь призму жестов с предикативным значением, входящих в устойчивую лексику РЖЯ.

В качестве исходного набора предикативных значений были отобраны 90 глаголов из так называемого списка Томаселло [Tomasello, 1992]. Это список первых 120 глаголов, которые стала употреблять однолетняя дочь М. Томаселло. В списке пред-

ставлены наиболее базовые глагольные значения, почти все они являются непроизводными.

Отобранные глаголы были переведены на русский. Далее, для работы с носителями РЖЯ были подготовлены картинки с изображениями соответствующих действий. В ходе исследования было опрошено пять человек в возрасте 12–15 лет.

В результате из 90 глаголов для 65 были получены эквивалентные жесты РЖЯ. Значения ‘чертить’ и ‘рисовать’; ‘смотреть’, ‘видеть’ и ‘наблюдать’; ‘сказать’ и ‘рассказать’ выражаются в РЖЯ одним жестом. А оставшимся 18-ти значениям (‘бежать’, ‘открыть’, ‘дать’ и пр.) в РЖЯ соответствуют серии жестов, в каждом из которых обязательно выражается информация об участнике действия (субъекте, если глагол непереходный, и объекте, если глагол переходный), т.е. каждый жест серии морфологически сложнее, чем соответствующий русский глагол. Для цели исследования достаточно было анализировать по одному жесту из серии. В итоге рассматривалось 86 жестов.

Значимые компоненты выделялись в жестах по *иконичности*. Под иконичностью понималось отображение в жесте как различных физических характеристик реального мира (траектории движения, формы объектов и т.п.), так и отображение метафорических представлений о связи абстрактных явлений с теми или иными физическими событиями. Был сделан вывод, что в РЖЯ жест с предикативным значением может включать 10 позиций, некоторые из которых содержат несколько подпозиций¹:

	Позиция	Подпозиция	Примеры значимых компонентов
1	Перемещение руки		перемещение руки = <i>перемещение объекта</i> рука не перемещается = <i>расположение объекта в точке пространства</i>

¹ Заметим, что в отличие от глагольной словоформы в полисинтетических языках, где позиции расположены в линейном порядке, в жесте позиции, как это принято считать, реализуются одновременно.

2	Характер движения руки (без перемещения)		вращение кисти = <i>вращение объекта</i>
3	Начальная точка движения	Исходный пункт	рука движется от глаз (ПЛАКАТЬ ²) = <i>объект исходит из глаз</i>
		Лицо	рука движется от говорящего = <i>агенса первого лица</i>
4	Конечная точка движения	Цель	рука движется ко рту (ЕСТЬ) = <i>объект перемещается в рот</i>
		Лицо	рука движется к говорящему = <i>агенса не-первого³ лица</i>
5	Траектория движения	Траектория движения	рука движется вверх (ПОДНИМАТЬ) = <i>объект движется вверх</i>
		Число	рука описывает дугу слева направо (РАЗДАТЬ) = <i>несколько адресатов</i>
6	Форма пассивной руки ⁴		выпрямленная ладонь = <i>плоскость</i>
7	Ориентация пассивной руки		рука ориентирована горизонтально = <i>объект ориентирован вертикально</i>
8	Форма активной руки	Категория участника	указательный и средний пальцы образуют перевернутую V (ЧЕЛОВЕК-ИДЁТ) = <i>человек</i>

² Прописными буквами записываются жесты. Если жест нельзя перевести одним словом, его значение записывается через дефис, например ЧЕЛОВЕК-ИДЁТ.

³ В жестовых языках различают два лица: первое и не-первое [Meier 1990]

⁴ Если жест выполняется двумя руками с разной конфигурацией, одна рука, как правило, остается неподвижной или малоподвижной — её называют *пассивной*, в то время как другая рука выполняет сложное движение и является *активной*.

		Каузация перемещения	рука в одной из «манипулятивных» конфигураций (handle handshape) = <i>перемещение объекта рукой</i>
9	Ориентация активной руки		рука ориентирована вертикально = <i>объект ориентирован вертикально</i>
10	Расположение рук между собой		руки соприкасаются ребром ладони (ЗАКРЫТЬ-СТВОРКИ) = <i>объекты соприкасаются узкой стороной</i>

Перечисленные позиции необязательно реализуются в жесте как значимые компоненты. В неиконических жестах (например, НРАВИТЬСЯ — «щелчок» большим и указательным пальцем под подбородком) движение и форма руки являются элементами физической структуры жеста (можно провести параллель с фонемами звучащих языков), а не смысловыми элементами. Но неиконические жесты составили лишь малую часть исследуемой выборки. Подавляющее большинство жестов оказалось морфологически значительно сложнее, чем соответствующие русские глаголы (среднее количество значимых компонентов в жесте РЖЯ равно пяти). Это подтверждает тезис о сходстве между ЖЯ и полисинтетическими языками.

Полисинтетичность РЖЯ может объясняться тем фактом, что означающее в жестовом языке имеет пространственные характеристики — так же, как и события, происходящие в физическом мире. То, что в русском воспринимается как единое понятие (например, ‘есть’) в РЖЯ передаётся многокомпонентным жестом, буквально означающим ‘каузировать перемещение объекта ко рту’. Однако перечислить все значения компонентов жестов вряд ли возможно. Например, в жесте СМОТРЕТЬ (рука в форме V направляется от глаз к тому, на что смотрят) траектория движения руки обычно зависит от расположения рассматриваемого объекта в реальном мире. Это один из смысловых компонентов жеста, он определяет, будет ли жест значить ‘смотреть вниз’ или, например, ‘обернуться’. При этом данный компонент имеет бесконечное множество значений, которые определяются прагма-

тическими факторами, конситуацией. Описание подобных явлений представляет проблему для современной лингвистики.

Литература

- Hoiting N., Slobin D.* Transcription as a tool for understanding: The Berkeley transcription system for sign language research (BTS) // *G. Morgan, B. Woll* (eds). Directions in sign language acquisition. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002, pp. 55–75. (Available at: <http://ihd.berkeley.edu/btsforsignlanguage.pdf>).
- Meier R.* Person deixis in American Sign Language // *S. D. Fisher, P. Siple* (eds) Theoretical Issues in Sign Language Research. Vol. 1: Linguistics. Chicago: University of Chicago Press, 1990, pp. 175–190.
- Tomacello M.* First Verbs: a case study of early grammatical development. Cambridge, UK; NY: Cambridge University Press, 1992.
- Wallin L.* Polysynthetic Signs in Swedish Sign Language. Doctoral diss. Department of Linguistics, Department of Sign Language, Stockholm University, 1996.

К. Н. Прохоров
Санкт-Петербург

КАЛМЫЦКИЕ ФОРМЫ НА *-txa/-txä* В ЗАВИСИМОМ И НЕЗАВИСИМОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ¹

1. Основной сюжет данной работы — грамматикализация конструкций с прямой речью. Этот процесс будет рассмотрен на материале употреблений калмыцких глагольных форм на *-txa/-txä*² в независимом предложении и в различных зависимых предикациях.

2. В независимом употреблении формы на *-txa* выступают в функции, схожей с императивом 3-го лица, обозначая повеление (пожелание, разрешение), «переданное отсутствующему 3-му лицу через 2-е лицо» [Санжеев 1983: 232]:

- (1) Enə usə av-chə irə-n modə xamxəl-txa
тот вода брать-CV.IPFV идти-CV.MOD дерево раскалывать-TXA
'Пусть он принесет воды и нарубит дров!'

3. Как и некоторые другие формы императивной зоны, форма на *-txa* способна выступать в зависимых предложениях (ЗП). В таких случаях форма на *-txa* проявляет свойства, отличающие её, с одной стороны, от других императивных форм в зависимом употреблении, а с другой, от употреблений этой же формы в независимой клаузе (НП). Сказанное можно проил-

¹ В работе использованы материалы, собранные в августе 2006 г. в поселке Ергенинский Кетченеровского района республики Калмыкии в экспедиции филологического факультета СПбГУ. Автор благодарен участникам экспедиции за помощь в подборе примеров и их обсуждении.

² *-txä* — сингармонический вариант суффикса. Далее показатели обозначаются в тексте без учета морфотактических чередований.

люстрировать на примере конструкций с матричным глаголом ‘говорить’, сентенциальный актанта которого могут возглавлять как формы простого императива (2), (3), так и формы на *-txa* (4). Рассмотрим сначала конструкции, в которых в ЗП используется простой императив.

- (2) ескэ-пу³ kövü-d-än kelə-v [bi endə
отец-р.3 сын-DAT-P.REFL говорить-PST [я здесь
üld-nä-və, tadn ekə tal-an
оставаться-PRS-1SG вы.PL мать в.сторону-P.REFL
or-Ø-tn]
входить-IMP-P.2PL]

‘Отец сказал своим сыновьям: «Я останусь здесь, а вы идите к матери»’.

- (3) екэ ескэ [namaagə ödmæg utlə-Ø] gi-və
мать отец [я.АСС хлеб резать-IMP] говорить-PST
‘Родители сказали мне нарезать хлеб’.

Устройство ЗП в примере (2) идентично конструкции с простым императивом в независимом употреблении; по сути дела это конструкция с прямой речью. Однако та же форма простого императива может возглавлять и сентенциальный актанта, отличающийся по своим свойствам от независимого предложения с императивом. Действительно, в примере (3) — в отличие от (2) и (1) — подлежащее формы императива выражено аккузативом, при этом это подлежащее является местоимением первого лица, что невозможно для императива в НП. Таким образом, можно видеть, что референция личного местоимения в ЗП примера (3) (конструкция без прямой речи), в отличие от (2), соответствует **дейктическому центру ГП**.

Значение высказывания (3) можно выразить и оформив предикат ЗП при помощи формы на *-txa*:

- (4) екэ ескэ [namaagə ödmæg utl-txa] gi-və
мать отец [я.АСС хлеб резать-ТХА] говорить-PST
‘Родители сказали мне нарезать хлеб’.

³ В оформлении примеров использована система транскрипции и глоссирования, разработанная входе экспедиции.

Как видно, структуры высказываний (3) и (4) полностью параллельны. Однако принципиальным является то, что эти конструкции по-разному соотносятся с употреблениями соответствующих форм в НП. Действительно, в ЗП обоих высказываний выражается **непосредственное повеление**. Между тем, в НП только формы простого императива обладают этим значением. Таким образом, оказавшись в ЗП, форма простого императива сохраняет свое значение и создает «шифтерный сдвиг» между главной предикацией и ЗП (несмотря даже на то, что в ЗП дейктический центр местоимений может совпадать с дейктическим центром главного предложения). Форма же на -txa в ЗП не обладает теми шифтерными характеристиками, которые свойственны употреблениям этой формы в НП, и не обозначает опосредованное повеление к третьему лицу.

4. Еще одной формой императивной зоны, которая может возглавлять сентенциальный акт, является форма т. н. «предостерегательного наклонения» на -vza.⁴ В ЗП эта форма ведет себя аналогично рассматривавшейся выше форме на -txa, как видно из примера (5):

- (5) bi [chamaagə geedr-üzä] giq-äd
 я [ты.ACC потеряться-DUB] говорить-CV.ANT
 ixal-dha-na-v
 думать-PROG-PRS-1SG
 ‘Я думаю, как бы ты не потерялся’.

Однако в независимом употреблении формы предостерегательного наклонения отличаются от форм на -txa, по крайней мере, по двум существенным свойствам. Во-первых, при подлежащем 1-го и 2-го лица в НП наблюдается согласование при помощи лично-предикативных частиц, как в примере (6) (ср. с (5), из которого видно, что в ЗП согласования не происходит):

- (6) chi narən-də shat-uza-ch
 ты солнце-DAT гореть-DUB-2SG
 ‘Смотри не перегрейся на солнце!’

⁴ -vzä, -uza, -üzä — морфотактические варианты суффикса.

Во-вторых, формы на -txa и формы на -vza принимают различные показатели отрицания: формы на -txa, как и другие финитные формы императивной зоны, отрицаются при помощи препозитивной частицы bichä (7), а формы на -vza присоединяют негативный аффикс -go (8), вообще говоря, характерный для причастий, т.е. для нефинитных форм.

- (7) namaagə eckə-m bichä üüzy-txä
я.АСС отец-Р.1SG NEG.IMP видеть-ТХА
'Хоть бы отец меня не увидел'.
- (8) bidn endə ülyd-xə bol-vz-go-vidn
мы здесь остаться-РС.FUT стать-DUB-NEG.COP-1PL
'А не лучше ли нам остаться здесь?'

Таким образом, характеристики форм императивной зоны, способных возглавлять сентенциальный актанта, можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 1

	-Ø («прямая речь», см. 2)	-Ø (не «прямая речь», см. 3)	-txa	-vza
Оформление подлежащего ЗП	NOM	ACC	ACC	ACC
«Шифтерный сдвиг» в ЗП	+	+	-	-
В ЗП лицо подлежащего совпадает с допустимым лицом подлежащего в НП	+	-	-	-
Совпадение дейктического центра местоимений в НП и в ЗП	-	+	+	+
Отрицание формы в НП	bichä	bichä	bichä	-go

Как видно из таблицы, рассмотренные конструкции образуют четкую иерархию, которая может быть проинтерпретирована в терминах возрастания грамматикализованности от «прямой речи» к конструкциям со слабо-финитными формами; при этом формы на -txa занимают промежуточное положение.

5. Употребление форм на -txa в ЗП не ограничивается конструкциями, рассмотренными выше. Дело в том, что некоторые формы глагола gixə 'говорить' грамматикализировались и могут употребляться в качестве союзных средств, вводящих ЗП; при

этом смысловой глагол ЗП в таких случаях по-прежнему оформляется при помощи показателя -txä. Одной из таких грамматикализовавшихся форм является «союз» giqäd (этимологически деепричастие на -ad), который может вводить сентенциальный актант некоторых матричных глаголов (9), а также оформлять ЗП целевых конструкций (10):

- (9) bi sur-dha-na-v [enügə endc ülyd-txä giqäd]
я просить-PROG-PRS-1SG [он.АСС здесь оставаться-ТХА GIQÄD]
'Я прошу, чтобы он остался здесь'.
- (10) [madn-igə xälä-txä giqäd] terə kövün zurəg
[мы-АСС смотреть-ТХА GIQÄD] тот мальчик картинка
zurəg-v
рисовать-PST
'Он нарисовал картинку, чтобы мы на нее посмотрели'.

Главное отличие примеров (9), (10) от предложений типа (4) — это синтаксический статус формы глагола giqä: если в (4) он сам выступает в роли полнозначного матричного предиката, то в (9), (10) он служит союзным средством, вводящим ЗП другого главного глагола.

Использование глагола говорения в качестве источника для союзного средства при образовании полипредикативных структур, в том числе при оформлении сентенциальных актантов и целевых клауз, характерно для многих языков [Heine & Kuteva 2002: 261–269; Ханина 2001; Ханина (в печати)]. При этом грамматикализованный глагол говорения может участвовать в образовании единств разной степени связности. В случае его принадлежности ЗП можно говорить уже не просто о грамматикализовавшейся конструкции с глаголом говорения, а о связывании ГП, возглавляемой смысловым глаголом, и ЗП, возглавляемой союзным средством. При этом из типологической литературы известно, что свойства образовавшихся сложных структур могут существенно различаться, например, сентенциальные актанты разных типов могут характеризоваться разной степенью синтаксической связности в зависимости от степени «когнитивной сопряженности» с главной предикацией [Givón 1991: 515–560, Givón 2006: 2–4].

Однако, как показывает проанализированный материал, в калмыцком языке **все** ЗП, содержащие формы на *-txa*, — как непосредственно заполняющие актантную позицию матричного предиката (4), так и вводимые грамматикализованными союзобразными формами (*giqäd*, см. (9), (10)) — оказываются достаточно единообразными в плане ключевых свойств, суммированных в таблице 1.

Сказанное позволяет сделать ряд выводов, существенных для дальнейшего анализа семантико-синтаксических свойств конструкций с *giqäd*:

- Параллелизм конструкций с союзным *giqäd* и конструкций с полнозначным *gixə* ‘говорить’ в качестве матричного глагола указывает, по всей видимости, на низкую степень грамматикализации *giqäd* в составе конструкций. Следовательно, компоненты значения, характерные для лексического употребления глагола, способные сохраняться и при более высокой степени грамматикализации лексических элементов, с еще большей вероятностью ожидаемы в конструкциях с *giqäd* и наклоном на *-txa* в зависимой предикации.

- Низкий уровень грамматикализованности конструкций с *giqäd* заставляет ожидать значительных ограничений на применимость этого способа оформления ЗП при матричных глаголах. Дистрибутивный анализ синтаксических актантов, оформленных при помощи форм на *-txa + giqäd*,⁵ позволил бы выявить те компоненты значения, которые являются существенными для зависимых употреблений *-txa*.

Литература

Санжеев Г. Д. (ред.). Грамматика калмыцкого языка. Фонетика. Морфология. Элиста, 1983.

⁵ Согласно типологическим обобщениям, синтаксические актанты, вводимые оформленные союзным средством, восходящим к глаголу ‘говорить’, предположительно должны сочетаться с предикатами, которые «имеют или легко допускают в своем значении компонент говорения» [Ханина (в печати): 138].

- Ханина О. В.* (в печати). Конструкции с грамматикализованным глаголом речи.
- Ханина О. В.* Грамматикализация глагола речи в «подчинительный союз» при конструкциях с сентенциальными актантами // Русская филология, Вып. 12: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2001, с. 125–129.
- Givón T.* Syntax: A Functional-Typological Introduction. Vol. II. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991.
- Givón T.* Multiple Routes of Clause Union: The Diachrony of Syntactic Complexity. Ms., 2006. (Available at: http://www.ruf.rice.edu/~lingsymp/Givon_paper.pdf).
- Heine B., Kuteva T.* World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Н. В. Сердобольская, А. В. Мотлохов

Москва

СЕМАНТИКА ГЛАВНОГО ПРЕДИКАТА И ВЫБОР ОФОРМЛЕНИЯ СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО АКТАНТА В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Настоящая работа посвящена проблеме вариативности оформления синтаксических актантов (далее: СА) в адыгейском языке.¹ В адыгейском языке имеет место следующее явление: СА при одном и том же главном предикате может быть оформлен различными падежными показателями. Задача настоящей работы — выявить факторы, влияющие на распределение данных показателей.

2. Конструкциями с синтаксическими актантами называют конструкции, где на синтаксическом уровне позицию актанта при некотором главном глаголе занимает не имя, а предикация:

(1a) *Мне нравится этот журнал.*

(1b) *Ей не нравилось, что все решили за нее.* (НКРЯ)

Считается, что ситуация в (1b) заполняет ту же семантическая валентность главного предиката, что и имя. Именная группа *этот журнал* в (1a) семантически так же относится к *нравиться*, как ситуация *все решили за нее* в (1b). Формально в языках мира это отражается в следующем: зависимая предикация (далее: ЗП) оформляется так же, как имя в данной позиции, например, при номинализациях [Noonan 1985], ср. (2a) и (b), (3a) и (b), соответственно:

¹ Материал данного исследования получен в ходе лингвистических экспедиций 2003–2006 гг. в аул Хакуринохабль Шовгеновского района республики Адыгея, организованных РГГУ под руководством Н. Р. Сумбатовой, С. Ю. Толдовой и Я. Г. Тестельца, по гранту РГНФ «Синтаксис полисинтетического языка» 06-04-00194а.

русский

(2a) *Я боюсь волка.*

(2b) *Я боюсь воя волков.*

адыгейский

(3a) sportsmenə-г prizə-m š'eg_wəвe
спортсмен-ABS приз-ERG надеяться
'Спортсмен надеется на приз'.

(3b) sportsmenə-г priz qe-he-nə-m š'eg_wəвe
спортсмен-ABS приз INV-получить-FUT-ERG надеяться
'Спортсмен надеется получить приз'.

Таким образом, СА получает то же оформление (генитив в русском примере (2), эргатив в адыгейском примере (3)), что и имя при соответствующем главном предикате. Иногда наряду с таким оформлением вложенной предикации, заполняющей семантическую валентность главного предиката, возможно оформление, скорее характерное для сирконстантов. Например, русские эмотивные глаголы допускают оформление ЗП союзами, которые вводят обстоятельственные предложения, ср.:

(4) *Я боюсь, когда из пушки стреляют.* (НКРЯ)

3. Аналогичная ситуация имеет место в адыгейском языке, а именно, при ряде эмотивных, ментальных, оценочных и др. предикатов наблюдается вариативность оформления СА: во-первых, ЗП может оформляться тем показателем, которого требует модель управления главного глагола, во-вторых, одним из обстоятельственных падежей. То есть, возможны следующие варианты оформления:

- абсолютив или эргатив (т. е. тот показатель, которого требует модель управления главного глагола),
- инструментальный падеж на -џe, который обычно кодирует различные виды обстоятельств,
- обстоятельственный падеж на -ew.

Важно отметить, что такая вариативность не допустима для именных актантов при данных предикатах.

Например, глагол š'eg_wəвeп 'надеяться' допускает несколько вариантов оформления, ср. (3b) и (3c).

- (5b) sabjəjə-m sə-feg_wəbžə-n-ew se-š'əne
 ребенок-ERG 1SG-рассердиться-POT-ADV 1SG-бояться
 'Я боюсь на ребенка рассердиться'. {Комментарий: Он боится,
 что такая ситуация вероятна. }

Соответственно, при ментальных предикатах оформление на -ew является более частотным. Показатель -če возникает, если субъект непосредственно переживает зависимую ситуацию или ее последствия.

Выбор между показателем эргатива/абсолютива или одного из обстоятельственных падежей определяется следующими факторами. Рассмотрим примеры:

- (6a) adəgabze-če s-je-ž'e-nə-m sə-pəl
 адыгейский-INS 1 SG-3SG-читать-POT-ERG 1SG-заниматься
 'Занимаюсь чтением на адыгейском'. {Комментарий: Занимаюсь
 каждый день понемногу, чтобы уметь разговаривать }
 (6b) adəgabze-če s-je-ž'e-n-ew sə-pəl
 адыгейский-INS 1SG-3SG-читать-POT-ADV 1SG-заниматься
 'Пытаюсь читать по-адыгейски' (*Занимаюсь чтением на ады-
 гейском каждый день).

В (a) и (b) глагол рəлəп получает различную интерпретацию: если в (a) он скорее будет переведен как 'заниматься', в (b) он имеет значение 'пытаться', 'стараться'. При выборе абсолютного/эргативного оформления главный предикат имеет то значение, в котором он употребляется с именным актантом, напр., ср. (6a) и (6c):

- (6c) spwertə-m pəl-əp
 спорт-ERG заниматься-POT
 'заниматься спортом' [Тхаркахо 1991]

То есть, если матричный глагол многозначен и не во всех своих значениях может употребляться с ИГ, то при оформлении СА абсолютивом/эргативом, имеется в виду то значение, которое данный глагол имеет, присоединяя ИГ.

5. Как было показано выше, в адыгейском языке, как и в русском, допускается оформление СА, скорее характерное для сирконстантов (т.е. обстоятельственные падежи). Чем это обу-

словлено? Как представляется, рассмотренные факты являются результатом асимметричности, которую демонстрируют предикаты, присоединяя имя и СА. В работах московской семантической школы было показано, что предикаты, способные присоединять как именные, так и сентенциальные актанты, демонстрируют различные семантические свойства в конструкциях с именем и с СА [А. Зализняк 1992, Падучева 2004, Новый объяснительный словарь синонимов 1999–2003 и др.]. Различные значения таких предикатов в разной степени допускают оба типа конструкций. Как представляется, адыгейский язык кодирует данное различие выбором падежного показателя: в случае, если главный предикат имеет то значение, в котором он употребляется с именным актантом, СА кодируется абсолютивом/эргативом (т. е. тем падежом, которого требует модель управления главного предиката). Если же главный предикат употребляется в ином значении, выбирается обстоятельственный падеж. В результате, СА может оформляться средствами, которые в данном языке зарезервированы для сирконстантов.

Литература

- Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992.
- Кумахов М. А., Вамлинг К.* Дополнительные конструкции в кабардинском языке. М.: ИЯ РАН, 1998.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. *Ю. Д. Апресяна*. Вып. 1–3. М.: Языки русской культуры, 1997, 2000, 2003.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Тхаркахо Ю. А.* Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991.

Н. М. Стойнова

Москва

**АСПЕКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОСЕТИНСКОГО
ЯЗЫКА И СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС
ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
(на материале кударского говора
иронского диалекта)**

0. Осетинский — один из немногих языков со словоклассифицирующей, а не словоизменительной категорией вида (наряду со славянскими и самодийскими языками): каждая глагольная лексема в целом характеризуется либо как перфективная (СВ), либо как имперфективная (НСВ).

1. В аспектуальном поведении перфективных и имперфективных глаголов наблюдаются следующие различия. И те, и другие имеют полную парадигму временных форм: Настоящее, Будущее и Прошедшее, но интерпретация одних и тех же форм от перфективных и имперфективных глаголов различна. Формы настоящего времени от имперфективных глаголов имеют актуально-длительную и хабитуальную интерпретацию, от перфективных — только хабитуальную:

- (1) *Алан хæр-ы / *бахæр-ы уæлимбæх.*
Алан есть-PRES.3SG / съест-PRES.3SG пирог
'{Чем сейчас занят Алан?} Алан ест пирог'.
- (2) *Алан хæр-ы / бахæр-ы уæлимбæх алыбон.*
Алан есть-PRES.3SG / съест-PRES.3SG пирог каждый.день
'Алан каждый день съедает по пирогу'.

Формы прошедшего и будущего времени от имперфективных глаголов также имеют актуально-длительную и хабитуальную интерпретации, от перфективных — перфективную и хабитуальную:

- (3) *Алан фыс-т-а фыстаг йе 'фсымар-ма.*
 Алан писать-PST-3SG письмо его брат-LAT
 'Алан писал письмо своему брату { в тот момент, когда я ему позвонил/каждую неделю }'.
- (4) *Алан ныффыс-т-а фыстаг йе 'фсымар-ма.*
 Алан написать-PST-3SG письмо его брат-LAT
 'Алан написал письмо/регулярно писал по письму своему брату'.

Перфективные и имперфективные глаголы демонстрируют также различное поведение в ряде формальных тестов, таких как классический Вендлеровский тест на сочетаемость с обстоятельствами времени *X времени/за X времени* (перфективные глаголы сочетаются с обстоятельствами *за X времени*, но не *X времени*, имперфективные — с обстоятельствами *X времени*, но не *за X времени*) или тест на сочетаемость с фазовыми глаголами (только имперфективные глаголы сочетаются с глаголами *райдайын* 'начать' и *фауын* 'закончить').

- (5) *Алан фыста / *ныффыста фыстаг дыууа*
 Алан писать-PST-3SG / написать-PST-3SG письмо два
сахат-ы.
 час-GEN
 'Алан писал письмо два часа'.
- (6) *Алан ныффыс-т-а / *фыс-т-а фыстаг дыууа*
 Алан написать-PST-3SG / писать-PST-3SG письмо два
сахат-ма.
 час-LAT
 'Алан написал письмо за два часа'.

Формальным различием между имперфективными и перфективными глаголами является наличие или отсутствие преверба: перфективные глаголы за редким исключением образуются от имперфективных с помощью превербов *а-*, *ра-*, *ба-*, *арба-*, *ны-*, *ар-* и *ис-*, имперфективные глаголы — бесприставочны.

2. Интересным исключением из этой системы являются глаголы движения. Приставочные дериваты от этих глаголов обнаруживают аспектуальное поведение, несвойственное перфективным глаголам. Это связано с тем, что приставка в таких глаголах функционирует в первую очередь как пространственный показатель, значение которого оказывается востребованным не

только в перфективных, но и в имперфективных контекстах: *a-* ‘отсюда от ориентира’, *pa-* ‘сюда от ориентира’, *ba-* ‘отсюда в сторону ориентира’, *æрба-* ‘сюда в сторону ориентира’.

Ряд приставочных дериватов от глаголов движения — в отличие от всех остальных приставочных глаголов — могут иметь в настоящем времени актуально-длительную интерпретацию.

- (7) *лæтту скола-йæ ра-цæу-ы.*
мальчик школа-ELAT RA-идти-PRES.3SG
‘Мальчик идет из школы (сюда)’.

В прошедшем и будущем времени они, как и другие приставочные глаголы, имеют только перфективную и хабитуальную интерпретации.

- (8) *лæтту хæдзар-æй ра-цыд-и.*
мальчик дом-ELAT RA-идти-PST.3SG
‘Мальчик вышел из дома/*шел из дома (сюда)’.

Для выражения же актуально-длительного значения движения с указанием направления в прошедшем и будущем времени используются особые формы от приставочных глаголов с аффиксом имперфективации *-цæй*¹:

- (9) *лæтту хæдзар-æй ра-цæй-цыд-и / *ра-цыд-и.*
мальчик дом-ELAT RA-IPFV-идти-PST.3SG/RA-идти-PST-3SG
‘{Когда я ему последний раз звонил,} мальчик шел из дома (сюда)’.

Аспектуальная характеристика видо-временных форм времени является, таким образом, в осетинском языке формальным критерием для выделения семантического класса глаголов движения. Лексический состав этого класса будет обсуждаться в докладе.

¹ Этот аффикс в некоторых случаях может присоединяться и к обычным перфективным глаголам. Но за пределами зоны глаголов движения формы на *-цæй-* имеют конативное (‘почти’, ‘чуть было не’), а не нейтральное актуально-длительное значение.

М. Н. Строева

Москва

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМ НА *-t'ende /-tende*
КАК ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНЫХ
СТРАТЕГИЙ КОДИРОВАНИЯ ОБЪЕКТА
В ШОКШАНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА**

При описании прибалтийско-финских языков возникает проблема кодирования объекта. В финском и эстонском языках отмечены три стратегии оформления прямого дополнения: номинатив, генитив (или аккумулятив) и партитив. В шокшинском диалекте мордовского языка в позиции прямого дополнения могут находиться внепадежная форма, определенный номинатив, определенный и неопределенный генитив и форма на *-t'ende/-tende*, представляющая собой единый показатель слившихся в определенном склонении датива, аблатива и иллатива:

- (1a) *vas'a, (at) j'ahrca-k umar'-tende/*umar'-t'!*
Вася, (не) есть-2SG.S яблоко-TENDE /яблоко-GEN
- (1б) *vas'a, (at) s'ii-k umar'-t'/*umar'-tende!*
Вася, (не) съест-2SG.S яблоко-GEN /яблоко-TENDE
'Вася, (не)ешь яблоко!'

Интересно, что формы этих падежей неопределенного склонения в позиции прямого дополнения не употребляются. Распределение всех вариантов оформления прямого дополнения, кроме формы на *-t'ende/-tende*, определяется типом спряжения глагола (их в данном диалекте два — безобъектное и субъектно-объектное), референциальным статусом именной группы, временем глагола, а также семантикой глагола. Цель доклада — рассмотреть употребление формы на *-t'ende /-tende* в позиции прямого дополнения и выявить факторы, влияющие на выбор дан-

ной формы. (Вопрос о собственно синтаксической позиции рассматриваемой формы будет подробнее освещен в докладе).

В литературе приводятся следующие факторы, влияющие на выбор стратегии оформления прямого дополнения в прибалтийско-финских языках: (не)определенность и (не)исчисляемость именной группы, модальность, финитность глагола, наличие в предложении отрицания, (не)предельности глагола, (не)-инкрементальность обозначаемой глаголом ситуации [Kiparsky 1998; Ханина 2004]. Для шокшанского диалекта мордовского языка многие из этих факторов оказываются нерелевантными. Так, не влияет на употребление форм с -t'ende/-tende (не)исчисляемость имени:

- (2a) mon kolma ihj-t' tonahv-sa ehl'kakš-t
я три год-GEN учить-SO:1SG/3SG ребенок-GEN
angliskij-t'e a son mez'ak at sode
английский-DAT а он ничего не знать-S.3SG
- (2b) mon kolma ihj-t' tonahvt-an (/sa) ehl'kakš-t'ende
я три год-GEN учить-S:1SG (SO:1SG/3SG) ребенок-TENDE
a son mez'ak at sode
а он ничего не знать-S.3SG
'Я три года учу ребенка английскому, а он ничего не знает'.
- (3) vas'es' aj'-waj'ahj'te mašyna-t'ende l'ehj'-se
Вася-DF.NOM IPF-топить-S.3SG машина-TENDE речка-LOC
'Вася топит машину в речке'.

Кроме того, несмотря на то, что показатель t'ende/tende принадлежит к определенному склонению, соответствующая форма в позиции прямого дополнения встречается и в неопределенных именных группах:

- (4) mon cela će kos'ti-n' kofta/kofta-t'ende, son
я целый день сушить-S:1SG кофта/кофта-TENDE она
kodajak at kos'k'i
никак не сохнуть-S.3SG
'Я целый день сушу кофту, а она никак не сохнет'.

Наконец, выбор форм на -t'ende/-tende не зависит от времени, модальности и наличия/отсутствия отрицания:

- (5) vas'es' sejčas makšn-e kiniška-t'ende pet'e-t'e.
 Вася-DF.NOM сейчас дать-S:3SG книжка-TENDE Петя-DAT
 'Вася сейчас дает книжку Пете'.
- (6) vas'es' (at) aj-makšn-is' kiniška-t'ende
 Вася-DF.NOM (не) IPF-дать-S.PST.3.SG книжка-TENDE
 pet'et'e.
 Петя-DAT
 'Вася (не) давал книжку Пете'.

Формы на -t'ende/-tende возникают в двух типах контекстов. Во-первых, показатель t'ende/tende может употребляться в позиции прямого дополнения в партитивном значении (как и аблатив в литературном мордовском [Цыганкин 77]):

- (7) awam pot'av-s' at lama lovca /'lovcut'ende
 мать доить-S.PST.3.SG не много молоко/молоко-TENDE
 'Мать надоила немного молока'.
- (8) awam maksy-ze s'embe lovcu-t' sus'eda-n'e
 мать отдать-SO:3SG/3SG весь молоко-GEN.DEF сосед-DAT
 (*lovcu-t'ende)
 молоко-TENDE
 'Мать отдала все молоко соседу'.

Однако все примеры на партитивное значение форм на t'ende/tende лишь подтверждались информантами, но не порождались спонтанно. Таким образом, можно сказать, что партитивное значение у данного показателя развито слабо.

Во-вторых, при появлении в позиции прямого дополнения формы на -t'ende/-tende предикация приобретает незавершенную интерпретацию:

- (9a) vas'e-s' dač'e-t'(/* dač'a-t'ende) stroj'adn-y-ze
 Вася-DF.NOM дача-DF.GEN/дача-TENDE строить-PST-SO:3SG
 (kaw^htu ihj'-ste)
 два год-EL
 'Вася построил дачу (за два года)'.
- (9б) vas'e-s' dač'a-t'ende(/*dač'e-t') stroj'adna-s'
 Вася-DF.NOM дача-TENDE/ дача-DF.GEN строить-S.PST.3.SG
 (kaw^htu ihj'-t'), (no eš'o er'ize prostak
 два год-GEN
 'Вася строил дачу (два года), (но еще не закончил)'.

Завершенную интерпретацию форма с показателем *-t'ende/-tende* может иметь только в итеративных контекстах:

- (10) son kaj'-s'i-s' palka-t'ende
 он бросать-ITER-S.PST.3.SG палка-TENDE
 'Он много раз бросал палку'.

Приведенные нами примеры можно было бы трактовать как предельные (имеется в виду telicity в понимании представителей теории аспектуальной композиции [Krifka 1989, 1992, 1998; Verkuyl 1999, 2001, 2002; Dowty 1988, 1991]). Однако необходимо отметить, что объяснить употребление форм с показателем *t'ende/tende* в позиции прямого дополнения противоречит данной теории. Согласно правилу М. Крифки [Krifka 1989, 1992, 1998], пример (9б) должен получать предельную интерпретацию: действие, обозначаемое глаголом, является динамическим, а пациенс — квантованным градуальным; однако это не так. Более того, употребление форм с *t'ende/tende* от (не)инкрементальности обозначаемой глаголом ситуации вообще не зависит:

- (11) vas'e-s' aj'-čuwe j'ama-t'ende/j'ama
 Вася-DF.NOM IPF-копать-S.3SG яма-TENDE/яма
 'Вася копает яму'.
- (12) katka-s' kutn'e č'ij'er'-t'ende/ č'ij'er'
 кошка-DF.NOM ловить-S.3SG мышь-TENDE/мышь
 'Кошка ловит мышь'.

Таким образом, можно сказать, что в шокшанском диалекте мордовского языка формы с показателем *t'ende/tende* в позиции прямого дополнения маркируют незавершенность действия.

Литература

- Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953
- Дудчук Ф. И. Глагольный вид и теория аспектуальной композиции. Доклад на Втором международном симпозиуме по языкам Европы, Северной и Центральной Азии (11–14 мая 2004 г., Казань).
- Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

- Ханина Е. В.* Выбор падежа в эстонском языке. Доклад на Втором международном симпозиуме по языкам Европы, Северной и Центральной Азии (11–14 мая 2004 г., Казань).
- Цыганкин Д. В.* Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Учебное пособие по диалектологии эрзянского языка для студентов высших учебных заведений. Саранск, 1977.
- Dowty D. R.* Thematic Proto-Roles, Subject Selection, and Lexical Semantic Defaults, presented at the 1987 LSA Colloquium. San Francisco. Ms., 1988.
- Dowty D. R.* Thematic Proto-Roles and Argument Selection // *Language*, 1991, Vol. 67, pp. 547–619.
- Kiparsky P.* Partitive Case and Aspect // *M. Butt, W. Geuder* (eds). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford: CSLI, 1998, pp. 267–307.
- Krifka M.* Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen. München: Fink, 1989.
- Krifka M.* Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Construction // *I. A. Sag, A. Szabolsci* (eds), *Lexical Matters*. Chicago: University of Chicago Press, 1992, pp. 29–53.
- Krifka M.* The Origins of Telicity // *S. Rothstein* (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1998, pp. 197–235.
- Verkuyl H. J.* Aspectual Issues. Structuring Time and Quantity. CSLI Lecture Notes, Vol. 98. Stanford: CSLI, 1999.
- Verkuyl H. J.* A Young Person's Guide to the Theory of Tense and Aspect. Ms., 2001.
- Verkuyl H. J.* Formal Semantics Course. Lectures delivered in the St. Petersburg State University. Ms., 2002.

О. Ю. Шеманаева

Москва

КОНСТРУКЦИИ ИЗМЕРЕНИЯ УРОВНЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:

*занят по локти, усмехнулся до ушей,
море по колено*

1. Введение: конструкции уровня в русском языке

В русском языке конструкции уровня выражаются с помощью предлогов *до* и *по*: *я стою по пояс в реке, платье до колен*. В нашем исследовании рассматривалась преимущественно конструкция с предлогом *по* (*по щиколотку в воде*), описывающая размер предметов (*сестра мне по плечо*), количество (*снега по пояс навалило*) или ориентацию в пространстве (*высунулся по пояс из окна*).

Эта конструкция интересна тем, что в ней заложена **динамическая ситуация**, т. е. в ней описывается движение изменяющихся слоев или растущих объектов относительно человека или движение глаза наблюдателя от точки отсчета до предельного уровня. Объекты, которые могут измеряться подобным образом, — это люди, совокупности растений, субстанции, волосы. В отличие от измерения размера, здесь релевантен выбор точки отсчета измерения: оно происходит или снизу вверх, от пяток (*в снегу по пояс*) или сверху вниз, от макушки (*голый по пояс*).

Значение распространения ситуации вплоть до заданного уровня, границы, является модификацией более общего значения движения по заданной траектории – пролатива, оно широко представлено типологически [Ганенков 2002]. В русском языке пролатив выражается предлогом *по*.

Нами были охарактеризованы [Шеманаева 2005], [Шеманаева 2006] составляющие конструкции **X (Y-y) (V) по Z** в русском языке (с ограничениями на их употребление): вначале перечислены части тела **Z**, относительно которых происходит отсчет,

потом объекты **X**, встречающиеся в конструкции, наконец, возможные классы предикатов **V**.¹

Главное условие для частей тела, выбираемых в качестве уровня в русском языке, — это то, что они должны представлять собой видимую значимую границу, ср. *по колено, по пояс, по плечи* vs. **по почки, *по сердце, *по живот, *по зубы, *по щеки, *по нос*.

2. Параметры сравнения измерения уровня

Мы будем сравнивать конструкции уровня в разных языках² по выделенным выше параметрам: какие части тела выбираются в качестве уровня, что измеряется, релевантно ли направление движения. Так, в английском языке направление движения выражается словами *up* (вверх) и *down* (вниз): *up to the knee (in mud)* ‘по колено (в грязи)’, *up to the waist (in snow)* ‘по пояс (в снегу)’, *up to the neck (in water)* ‘по шею (в воде)’, *up to the ears (in work)* ‘по уши (в работе)’ vs. *naked down to the waist* ‘голый по пояс’, *paralysed from the waist down* ‘парализованный по пояс’.

Кроме этого, существенно то, какие прилагательные или притяжательные местоимения могут распространять эту конструкцию, а для языков с категорией определенности (например, болгарский) — должен ли употребляться «артикл».

Для парных частей тела в качестве показателя уровня выбирается множественное или единственное число, причем в ряде случаев действуют жесткие правила выбора между двумя формами.

Очень важной составляющей конструкции является выбор предлога. В германских языках это может быть обязательное сочетание двух предлогов (см. ниже), а в некоторых славянских

¹ Это подход грамматики конструкций, в рамках которой выполнена данная работа. См. работы [Fillmore, Kay, O’Connor 1988; Goldberg 1995].

² Были проанализированы данные словарей и типологической анкеты по следующим языкам: германские (английский, немецкий, нидерландский); славянские (украинский, польский, болгарский); эстонский, агульский.

языках (польский, болгарский) в пролативном значении употребляется только один предлог — *do*, а не *po*.

Наконец, богатый материал для сравнения наивной картины мира двух языков — это сравнение метафорических значений этой пространственной конструкции. Так, по-английски можно сказать *po горло в работе* — *up to the elbows in work* (букв. ‘по локти в работе’); *up to the eyes (eyeballs) in work (in debt)* — букв. ‘по глаза (глазные яблоки) в работе (в долгу)’. Возможно, здесь ключевым представлением является не то, что работа мешает дышать, вызывая неприятные чувства, как в выражении *po горло*, а то, что из-за работы ничего не видно (*po глаза в работе*) или что ее количество мешает ее выполнению (*po локти*).

3. Германские языки: структурные схемы

Рассмотрим поверхностное выражение значения уровня в разных языках:

• **Часть тела + измеряемый объект** (английский, немецкий, нидерландский):

англ.: *ankle socks (boots)* ‘носки (ботинки) по щиколотку’, нем.: *Kniehose* ‘брюки до колен’, *Kniestrumpf* ‘чулок до колен’, *Kniebild* ‘поколенный портрет’, *Kniebusch* ‘кустарник по колено’, *Knieholz* ‘низкорослый лес’; нидерл.: *kniebroek* ‘штаны до колен’, *kniekous* ‘чулок до колен’.

Уровень здесь – это определение в словосочетании (англ.) или первая часть сложного слова (нем., нидерл.). В русском языке есть возможность выразить эту идею так же, но эта конструкция ограничена конкретным примером, ср. *поясной портрет*, но не **поясная трава*, **коленная юбка* и т.д.

• **Часть тела + параметр (длина) + измеряемый объект** (английский):

англ.: *knee-length skirt* ‘юбка до колена’,

В русских конструкциях параметрическое слово обычно опускается, остается предлог: *юбка (длинной) по колено*.

• **Часть тела + параметрическое прилагательное + измеряемый объект** (английский, немецкий, нидерландский):
англ.: *knee-deep (in snow)* (снег) ‘по колено’, *knee high (grass)* (трава) ‘по колено’, *waist-deep (in water)* (в воде) ‘по пояс’, *waist-high (grass)* (трава) ‘по пояс’; нем.: *knielang Rock* ‘юбка до колена’, *wadentief* ‘по икры’; нидерл.: *kniediep* ‘по колено’.

• **Указатель направления (вверх-вниз) + предлог + часть тела** (английский):
англ.: *up to one's knees/up to the waist/up to the neck/up to the chin* ‘по колено/пояс/шею/подбородок’; *up to the ears* ‘по уши’; *up to one's neck in debt* букв. ‘по чью-то шею в долгах’.

Идея предельности, избыточности и большого количества в метафорических употреблениях поддерживается употреблением слова *up*.

• **Двойные предлоги + часть тела** (немецкий, нидерландский):
Двойные предлоги (*bis+an* (нем.), *tot+aan* (нидерл.), *bis + über* (нем.), *tot + over* (нидерл.), *bis + unter* (нем.)) указывают на достижение определённой границы или предела (аналогично русскому *вплоть до*): нем.: *bis an die Knie* ‘до колен’; нидерл. *tot aan het middel* ‘по пояс’, *tot aan de hals* ‘по шею’; нем.: *bis über die Knie* ‘выше колен’, *bis über die Ohren erröten* ‘покраснеть до ушей’, *bis über die Ohren verliebt (verschuldet)* ‘по уши влюблён (в долгах)’; нидерл.: *tot over de oren* ‘по уши’; нем.: *bis unter das Dach* ‘до самой крыши’.

Употребление двойных предлогов *bis + über* (нем.), *tot + over* (нидерл.), *bis + unter* (нем.) — ситуация, в некотором смысле зеркальная для английской: здесь сначала стоит предлог «предела», а потом уже показатель направления, а в английском наоборот.

Соответственно, если в английском иногда можно опустить показатель направления (*up, down*), то в германских слова ‘выше’, ‘ниже’ опустить нельзя: **bis die Ohren verliebt*.

Литература

- Ганенков Д. С.* Типология падежных значений: Семантическая зона пролатива // *В. А. Плунгян* (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002, с. 35–57.
- Шеманаева О. Ю.* Конструкции измерения уровня с предлогом ПО в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005» (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.) М.: Наука, 2005, с. 514–520.
- Шеманаева О. Ю.* Конструкции измерения уровня с предлогом *по* в русском языке // НТИ, в печати.
- Goldberg A.* Constructions: A constructionist grammar approach to argument structure. Chicago: Chicago University Press, 1995.
- Fillmore Ch., Kay P. & O'Connor M.* Regularity and idiomacity in grammatical constructions: the case of *let alone* // *Language*, 1988, Vol. 63, № 3, pp. 501–538.

А. Б. Шлуинский

Москва

АКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В настоящем сообщении предлагается акциональная классификация глагольной лексики хакасского языка (на материале сагайского диалекта). Используемый материал был собран летом 2002 г. в с. Казановка республики Хакасия в рамках Хакасской лингвистической экспедиции РГГУ.²

Под акциональным классом глагольной лексики (точнее, глагольной лексики, взятой в одном частном значении) понимается ее семантическая характеристика, релевантная для аспектуальных категорий. В первую очередь речь идет о категории «собственно вида», противопоставляющей перфективное vs. имперфективное значения. Известно, что значение конкретной аспектуальной формы конкретного глагола является результатом взаимодействия аспектуальной семантики грамматического показателя и акциональной семантики глагольной лексики.

Многие факты свидетельствуют о том, что акциональная классификация глагольной лексики не универсальна: и набор акциональных классов, и состав частных предикатных значений, относящихся к каждому из них, различны в разных языках. В связи с этим требуется эмпирическая процедура выявления акциональных классов в отдельном языке. Для настоящего исследования была с некоторыми модификациями использована методика, предложенная в [Tatevosov 2002]. Для каждой глагольной лексики из репрезентативной выборки рассматривается ос-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №05-06-80258а.

² Автор выражает свою глубокую благодарность руководству экспедиции за предоставленную возможность участвовать в ней, всем участникам экспедиции, а также информантам-переводчикам.

новая имперфективная (например, презенс) и основная перфективная (например, перфективный претерит) форма; каждой рассматриваемой форме приписывается одно или более акциональное значение из пяти: Состояние (С), Процесс (П), Мультипликативный процесс (М), Вхождение в состояние (ВС) и Вхождение в процесс (ВП); к одному акциональному классу относятся глаголы, имеющие один и тот же набор акциональных значений в обеих рассматриваемых формах.

Глагольная система хакасского языка имеет, однако, следующую специфику: она находится в «промежуточном» состоянии между старой, общетюркской, аспектуальной системой (в которой имперфективное значение выражалось общетюркским презенсом на гласную, а перфективное значение выражалось общетюркской перфектной формой на -gan) и новой аспектуальной системой (в которой имперфективное значение выражается презентным аффиксом -š'a-, восходящим к глаголу со значением 'лежать', а перфективное – аффиксом -ibis-, восходящим к глаголу со значением 'посылать' в сочетании с показателем деепричастия). Если старая презентная форма в хакасском языке отсутствует, то с референцией к прошлому употребляется как «слабая» претериальная форма на -хан, так и «сильная» перфективная на -ibis-хан (отсутствующая, тем не менее, у ряда глаголов). В связи с этим в настоящем исследовании рассматривались обе формы на равных основаниях; к одному акциональному классу мы, таким образом, относим глаголы, у которых совпадает набор акциональных значений в Презенсе на -š'a-, Претерите на -хан и Перфективе на -ibis-хан. Акциональные свойства глаголов, не присоединяющих показатель Перфектива -ibis-, рассматриваются отдельно.

Хакасская глагольная система демонстрирует также шестое акциональное значение, не предусмотренное описанной выше методикой³ — Вхождение в мультипликативный процесс

³ Значение Вхождения в мультипликативный процесс естественно логически встраивается в используемую систему акциональных значений; тем не менее, существенно, что оно крайне маргинально и в ряде языков различных систем вообще не представлено.

(ВМ). Мы пользуемся им наряду со значениями, указанными выше.

Полученная нами акциональная классификация хакасских глаголов содержит 11 акциональных классов глаголов, имеющих Перфектив на *-ibis-xan* и три класса прочих глаголов.

I. Предельные глаголы

Общее свойство предельных глаголов состоит в том, что их имперфективная форма имеет акциональное значение Процесса (1a), подразумевающего естественный предел, а перфективные формы (или по меньшей мере одна из них) — акциональное значение Вхождения в состояние, соответствующее достижению этого предела (1b):

(1a) *ajdo kögeneg-i-n kis-š'e*
 Айдо рубашка-3-ACC надевать-PRES
 'Айдо надевает рубашку'.

(1b) *ajdo kögeneg-i-n kis-ibis-ken*
 Айдо рубашка-3-ACC надевать-PFV-PST
 'Айдо надел рубашку'.

Мы выделяем три акциональных класса хакасских предельных глаголов, различающихся распределением акциональных значений у претериальных форм.

название	PRES	PFV	PST	пример
сильные предельные	П	BC	BC, П	<i>kis-</i> 'надевать'
«умеренные» предельные	П	BC	П	<i>kil-</i> 'приходить'
слабые предельные	П	BC, П	BC, П	<i>sibir-</i> 'подметать'

II. Стативные глаголы

Хакасские стативные глаголы характеризуются тем, что их Презенс (и Претерит) имеет акциональное значение Состояния (2a), тогда как Перфектив имеет инцептивное значение и описывает Вхождение в это состояние (2b):

- (2a) *ajdo uzu-pš'e*
 Айдо спать-PRES
 'Айдо спит'.
- (2b) *ajdo uzu-bis-xan*
 Айдо спать-PFV-PST
 'Айдо уснул'.

название	PRES	PFV	PST	пример
стативные	С	С	ВС	<i>uzu-</i> 'спать'

III. Непредельные глаголы

Непредельные глаголы организованы аналогично стативным, но имеют в Презенсе (и Претерите) акциональное значение Процесса (3a), а в Перфективе — Вхождения в этот процесс (3b):

- (3a) *sux xajna-pš'e*
 вода кипеть-PRES
 'Вода кипит'.
- (3b) *sux xajna-bis-xan*
 вода кипеть-PFV-PST
 'Вода закипела'.

название	PRES	PFV	PST	пример
непредельные	П	П	ВП	<i>xajna-</i> 'кипеть'

IV. Двупредельные глаголы

Двупредельные глаголы характеризуются тем, что имеют в своей семантике две кульминационных точки — Вхождение в процесс и Вхождение в состояние. У собственно двупредельных глаголов оба эти значения выражаются формой Перфектива (4.1–2); у разнопредельных глаголов Вхождение в процесс выражается Перфективом (5a), а Вхождение в состояние — Претеритом (5b):

- (4) *xus uš'ux-ibis-xan*
 птица лететь-PFV-PST
 1. 'Птица полетела'.
 2. 'Птица улетела'.

- (5a) jablǝx š'iz-ibis-xan
картошка гнить-PFV-PST
'Картошка загнила'.
- (5b) jablǝx š'iz-an
картошка гнить-PST
'Картошка сгнила'.

название	PRES	PFV	PST	пример
собственно двупредельные	П	П	ВП, ВС	uš'ux- 'лететь'
разнопредельные	П	ВП, П	ВС, П	š'is- 'гнить'

V. Стативно-динамические глаголы

Стативно-динамические глаголы имеют в Презенсе два акциональных значения — Процесса (6.1) и Состояния (6.2):

- (6) karina odir-š'e
Карина сидеть-PRES
1. 'Карина садится'.
2. 'Карина сидит'.

Два класса стативно-динамических глаголов различаются распределением акциональных значений в претериальных формах.

название	PRES	PFV	PST	пример
стативно-динамические 1	П, С	ВС	ВС, С	odir- 'сидеть, садиться'
стативно-динамические 2	П, С	ВС, С	П, С	tut- 'ловить, держать'

VI. Мультипликативные глаголы

Мультипликативные глаголы характеризуются тем, что их Презенс (и Претерит) имеет акциональное значение Мультипликативного процесса — описывает единую ситуацию, состоящую из повторяющихся однотипных квантов (7a); Перфектив таких глаголов имеет значения Вхождения в мультипликативный процесс (7b.1) и Вхождения в состояние (7b.2), соответст-

вующего реализации единичного кванта мультипликативного процесса:

- (7a) ajdo š'ider-š'e
Айдо кашлять-PRES
'Айдо кашляет'.
- (7b) ajdo š'ider-ibis-ken
Айдо кашлять-PFV-PST
1. 'Айдо закашлялся'.
2. 'Айдо кашлянул'.

Помимо класса собственно мультипликативных глаголов в хакасском языке представлен класс факультативно мультипликативных глаголов, допускающих «отдельное» рассмотрение единичного кванта Мультипликативного процесса.

название	PRES	PFV	PST	пример
собственно мультипликативные	М	ВМ, ВС	М	š'ider- 'кашлять'
факультативно мультипликативные	М, П	ВМ, ВС	М, П	izir- 'кусать'

VI. Предельные глаголы без Перфектива

К данному классу относятся глаголы, имеющие в Презенсе и Претерите значение Процесса, не имеющие формы Перфектива, но регулярно выражающие достижение естественного предела при помощи конструкции со вспомогательными глаголами (8):

- (8) ulax mǎč хаар al-зап
мальчик мяч ловить брать-PST
'Мальчик поймал мяч'.

название	PRES	AUX	PST	пример
предельные без Перфектива	П	ВС	П	хаар- 'ловить'

VII. Стативные глаголы без Перфектива

Представлены также ставтивные глаголы, у которых стандартное инцептивное значение выражается не Перфективом, а конструкцией со вспомогательным глаголом (9):

- (9) karina kil-gen-in-e ürik paq-xan
Карина придти-PST-2SG-DAT удивляться идти-PST
'Карина удивилась, что ты пришел'.

Кроме того, глагол *pol-* 'быть, мочь' образует отдельный чисто акциональный класс, не имеющий средств для выражения Вхождения в состояние.

название	PRES	AUX	PST	пример
ставтивные без Перфектива	C	BC	C	ürik- 'удивляться'
чисто ставтивные	C	*	C	pol- 'быть, мочь'

Литература

Tatevosov S. The Parameter of Actionality // *Linguistic Typology*, Vol. 6, № 3, 2002, pp. 317–401.

Д. А. Эршлер

Москва

О ТИПОЛОГИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПОКАЗАТЕЛЯ АККУЗАТИВА

0. Постановка задачи

Исследователями неоднократно отмечалось, что падежный показатель, основная функция которого состоит в оформлении пациенса, во многих языках маркирует также и некоторые временные значения. Тем не менее, насколько нам известно, типология выражаемых таким способом значений никогда не изучалась систематически.

1. Выборка

Для исследования нами взята выборка типологически достаточно разнородных языков, в которых присутствует *морфологически самостоятельный* аккузатив. К сожалению, на настоящий момент не удалось получить нужных данных ни о каких американских и австралийских языках, обладающих этим свойством, так что в выборке представлены лишь языки Евразии и Восточной Африки.

2. Найденные значения

Обнаружено, что аккузативом могут оформляться следующие темпоральные значения.

(I) *продолжительность состояния или процесса, завершенность которого не маркируется* :

- (1) албанский
mbledhja zgjati tërë ditë-**n**
собрание:НОМ длиться весь:ACC день-ACC.DEF
'Собрание длилось весь день'.

- (2) венгерский
 jános futot tfél órá-t
 Янош-NOM бегал половина час-ACC
 ‘Янош бегал полчаса’.
- (3) камбаата (восточно-кушитские, Эфиопия)
 matú sanná horánka
 один:М.АСС неделя:М.АСС целый:М.АСС
 híjj-ee-se
 болеть-3М.РVE-3F.OBJ
 ‘Она болела целую неделю’.
- (4) *Я читал статью неделю (и вчера, наконец дочитал, но так и не дочитал.)*

(II) кратность:

- (5) корейский
 na-nun new york-lul twu-pen-ul
 я-ТОР Нью-Йорк-ACC два-раз-ACC
 rangwum-ha-ess-ta
 визит-делать-PST-DECL
 ‘Я был в Нью-Йорке два раза’.
- (6) русский
Каждую среду Вася ходит в кино.

(III) темпоральная локализация:

- (7) литовский
 vasar-ą mes buvome kaim-e
 Лето-ACC мы быть:1PL.PST деревня-LOC
 ‘Летом мы были в деревне’.

В некоторых языках, где морфологически независимый аккузатив есть, но маркирование им пациенса не обязательно, темпоральных значений у аккузатива не отмечено. Так обстоит дело, например, в тамильском (дравидийский, Индия), колымском юкагирском и канури (западно-сахарский, Нигерия и соседние страны).

3. Обнаруженные закономерности. Во всех рассмотренных нами языках с обязательным маркированием аккузатива на пациенсе так же может оформляться и длительность неопределенного процесса или состояния. (Хотя, вообще говоря, это может

быть не единственным способом, ср., например, русские конструкции с *в течение* и венгерские формы на *-ig*.) Это позволяет предположить, что существуют следующие фреквенталии. (В скобках перечислены языки, на данных из которых основываются наши гипотезы.)

(А) *Аккузативом не может выражаться длительность завершеного предельного процесса* (русский, латынь, фарерский, ведийский, албанский, венгерский, корейский, удэгейский, турецкий, камбаата, канури, тамильский, колымский юкагирский).

(Б) *Если паиенс облигаторно оформляется аккузативом, то так же может оформляться и длительность непределного процесса или состояния* (русский, латынь, фарерский, ведийский, венгерский, корейский, удэгейский, камбаата).

(В) *Если аккузативом может оформляться темпоральная локализация, то так же может оформляться и длительность непределного процесса или состояния* (литовский, албанский, фарерский, эвенский, камбаата).

4. Интерпретация и комментарии

Нам не известно ни одного контрпримера к перечисленным фреквенталиям, но, тем не менее, как в силу ограниченности нашей выборки, так и из общих соображений (см., например, [Dryer 1998]), нет достаточных оснований считать их абсолютными универсалиями.

Наиболее существенной из обнаруженных закономерностей является, на наш взгляд, невозможность выражения аккузативом длительности завершеного предельного процесса. Мы предполагаем, что это является проявлением более общего принципа, а именно, что для кодирования длительности завершеного предельного процесса обычно не используются ядерные падежи. Как известно, (см., например, [Krifka 1989]), такие процессы не обладают свойством подынтервала: если процесс P происходит в течение интервала времени t , то никакая часть процесса P , происходящая в течение подынтервала t' , содержащегося в t , процессом P не является. В силу этого говорящему естественно представлять предельный процесс как единое целое, раз-

мещаемое во времени, и не осмыслять время как одного из сильно задействованных партиципантов ситуации.

Выбор именно аккумулятива для оформления длительности неопредельного процесса или состояния, т. е. делимого события, можно мотивировать несколькими, вообще говоря, невзаимоисключающими соображениями, а именно, во-первых, аналогией «расходуемое время — пациенс», во-вторых, парой аналогий «расходуемое в течение процесса время — пространство при глаголе направленного движения» и «пространство — пациенс», в-третьих, тем, что в падежных системах, где пациенс обязательно оформляется аккумулятивом, именно аккумулятив является немаркированным падежным показателем зависимого.

Одним из наиболее важных критериев для сравнения этих трех объяснений является их способность предсказывать условия выбора аккумулятивного маркирования обстоятельств времени в языках с расщепленным маркированием пациенса. В докладе мы обсудим правдоподобие, фальсифицируемость и объяснительную силу этих мотиваций.

Маркирование аккумулятивом темпоральной локализации встречается довольно редко: такое явление обнаружено нами только в германских языках, албанском, литовском, камбаата и эвенском, причем так могут оформляться не любые лексемы со значением времени. Кроме того, как показано в [Haspelmath 1997], для кодирования временной локализации характерна крайняя нерегулярность. Поэтому последняя из найденных закономерностей может быть скорее случайностью, чем проявлением универсальных свойств языка.

Литература

- Dryer M.* Why Statistical Universals Are Better Than Absolute Universals // Chicago Linguistic Society, 1998, Vol. 33: The Panels, pp. 123–145.
- Haspelmath M.* From Space to Time. München: LINCOM Europa, 1997.
- Krifka M.* Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen. München: Fink, 1989.

II

В. М. Алпатов

Москва

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТИПОЛОГИИ ДО СЕРЕДИНЫ XX в.

1. Типологические исследования имели своей предпосылкой идею о множественности языков, о различии универсальных свойств языка и особенностей отдельных языков или языковых групп. Эта идея в Европе сформировалась в XV–XVII вв. (ранее господствовала идея о латинском языке как единственном достойном объекте изучения), найдя четкое выражение в Грамматике Пор-Рояля. Такого рода сочинения еще нельзя назвать типологическими, но в них уже производилась попытка выделить общее и особенное в тех немногих языках, которые были тогда известны.

2. Собственно типология начала развиваться в начале XIX в. К этому времени количество известных европейской науке языков уже было достаточно большим. Создателями типологии были братья Шлегели и Гумбольдт. Для них сходства и различия языков имели значение не сами по себе, а как отражение этапов развития человеческого мышления. Идея стадильности связывалось с самой в то время развитой областью языкознания — морфологией. Исходя из априорных и недоказуемых посылок, создатели типологии нашли нечто фундаментально важное в структуре языков — различие флексии, агглютинации и изоляции. Соответствующие понятия и термины, несмотря ни на что, остаются в науке о языке уже два столетия; видимо, данные явления связаны с психолингвистическими механизмами человека. Если флективные, агглютинативные и изолирующие языки образуют несомненную шкалу, то четвертый класс, инкорпорирующие языки, с трудом находили место в общей схеме.

3. В течение XIX в. стадильная типология прошла ряд этапов. Первоначальная классификация была значительно усложнена как за счет увеличения используемого материала, так и за счет введения промежуточных классов. Помимо немецких ученых, надо учесть и языковедов других стран, включая Россию (И. П. Минаев). Однако во второй половине XIX в. стадильные схемы всё более теряли популярность по нескольким причинам. Многие языки с трудом втискивались в традиционные классификации, а черты, скажем, флексии и агглютинации можно было находить в одних и тех же языках. Идеи о стадиях мышления были априорными и не могли быть доказаны. К тому же господство позитивизма требовало сужения научных горизонтов. Вслед за отказом от стадильности в конце XIX — начале XX вв. наблюдался отказ от типологии вообще. Распространился взгляд о том, что единственная научная классификация языков — генетическая классификация.

4. Предшественниками новой типологии можно считать Ф. Ф. Фортунатова, стремившегося построить типологию, не связанную со стадильностью, и О. Есперсена, пытавшегося выйти за пределы морфологической типологии.

5. Новый этап типологии начался в 1921 г. выходом книги Э. Сепира. Окончательно отказавшись от стадий, он отказался и от идеи о единой основе для классификации языков, введя важнейшую идею множественности параметров. В его классификации нашлось место и четырем традиционным классам, и ряду классов, ранее не замечавшихся. Отошел он и от морфологизма в чистом виде.

6. Большую роль сыграли также идеи Пражской школы, особенно идеи В. Скалички, выдвинутые в 30-е гг. Он отказался от идеи разделения множества языков на непересекающиеся классы, предложив важные понятия агглютинативного, флективного и прочих эталонов.

7. Н.Я. Марр, по духу во многом в XX в. бывший ученым начала XIX в., попытался вернуться к стадиальным идеям, распространив их на синтаксис. В развитие этих идей И. И. Мещанинов и его школа постепенно ушли от стадиальности, перейдя к построению синтаксической типологии.

В. Б. Касевич
Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Левинсон [Levinson 2003] показывает, что существуют *разные* системы ориентации. Не излагая всю его систему, упомянем лишь об относительных и абсолютных координатах. Более точно следовало бы говорить, что абсолютные системы координат — это несменяемые, постоянные ориентиры, в отличие от относительных, которые, в яacobсоновской терминологии, выступают как шифтеры. Типичный пример последнего типа – местоимения *здесь, там*. Точка отсчета для этих местоимений ситуативна, постоянно меняется. В отличие от этого, «несменяемые ориентиры» стабильны. Типичный пример — стороны света.

Интересно проиллюстрировать и дополнить схемы Левинсона дальневосточным материалом. В этом ареале принято при описании дороги (в ответ на вопрос вроде «куда идти, чтобы попасть туда-то?») ссылаться на стороны света. В отличие от западного городского жителя, который может и не знать, где север, восток и т. д., бирманец, например, всегда укажет вам, что идти надо на запад, а потом свернуть на северо-восток (характерно, что жестикауляция в типичном случае не используется).

При такой важности «географических» координат, неудивительно, что их система у бирманцев более сложная. Вообще говоря, считается, что есть *девять* сторон света — 4 за счет включения промежуточных плюс *центр* системы.

Последнее особенно интересно. Ведь север, восток и т. д. указывают на *направления*, а всякое направление — это направление относительно «чего-то». Бирманец и вводит центр, относительно которого располагаются север, восток и т. п. И если

восток и т. д. определяются, надо полагать, по Солнцу, то центр, скорее всего, это сам человек.

К этому надо еще прибавить, что в бирманском языке слова *перед* и *восток*, *запад* и *зад* соответственно совпадают. Это объясняется исторически. Протобирманские племена шли в Бирму из Ганьсу, т. е. с запада на восток: запад у них был сзади, за спиной, а восток — спереди. Все это, вместе взятое, указывает на возможность своего рода интерференции абсолютных и относительных систем ориентации (о чем, впрочем, говорит, в другой терминологии, и Левинсон).

Разумеется, склонность к использованию той или другой системы пространственной ориентации — это культурно обусловленный феномен. По данным некоторых авторов, дети овладевают соответствующими навыками в возрасте 4–6 лет.

Еще один пример интерференции экологических (в широком смысле), культурных и языковых характеристик — это различия в способах указания ориентации у равнинных и горных жителей.

Базовые пространственные оппозиции типа «верх ~ низ», «(с)перед(и) ~ (с)зад(и)» несомненно относятся к когнитивным примитивам. Как таковые, они предопределены генетически и не подвержены влиянию опыта и языка. Очевидна релятивность части параметров такого рода. «Верх» и «низ» пространства в нормальных условиях — абсолютные координаты, заданные направлением гравитации и прямохождением; «верх» и «низ» предмета, как и оценки «выше» «сзади» и т. п., суть всегда характеристики по отношению к некоторой точке отсчета: при изменении точки отсчета меняются и соответствующие оценки. (Частичное исключение должно быть сделано для ингерентно асимметричных объектов. Так, у человека верх неизменно ассоциирован с головой, а перед — с лицом вне зависимости от пространственной ориентации; аналогично у зеркала «передней» всегда будет отражающая поверхность, опять-таки безотносительно к реальному расположению в пространстве.)

Обосновывая свои взгляды на невозможность недискурсивного «мышления образами», Дж. Фодор [Fodor 1980] ссылается, среди прочего, на пример Л. Витгенштейна [1995]: изобра-

жение человека, карабкающегося в гору, неотличимо от изображения человека, спускающегося с горы «задом наперед» Пример призван продемонстрировать, что образ как таковой не является самодостаточным для интерпретации — он нуждается в уточнении с помощью дескрипции (*image-under-description*), что мы не будем сейчас обсуждать (см. [Касевич 1995]). Нас больше интересует другой аспект проблемы, связанный с самой *равновозможностью*, если следовать названным авторам, противоположных пространственно-динамических осмыслений для зрительного образа, как бы предданного его когнитивно-языковой интерпретации.

Хотя рассуждение Витгенштейна-Фодора обладает известной убедительностью, обращение к реальной человеческой деятельности — практической, когнитивной, речевой — должно показать, думается, что ситуация сложнее, нежели она представляется. Так, для многих ареалов — в частности, Китая и Юго-Восточной Азии — существенно деление этносов на горные и равнинные, или долинные (где признак «цивилизованности» обычно ассоциируется с последними). В соответствии с традиционным местом обитания, для горцев спуск выступает как «уход», а подъем — как «приход, возвращение», для долинных же насельников соотношение обратное. Иначе говоря, спуск и подъем в обоих случаях — притом по-разному — оказываются асимметричными, где асимметричность обусловлена своего рода геокультурными факторами.

Свою лепту в установление типа пространственной ориентации может вносить и язык. В наших опытах [Касевич, Кротов 1994], в которых модифицированный «рисунок Витгенштейна» описывали носители китайского языка, было обнаружено, что описание процесса как спуска или подъема зависело от пометки персонажей (модификация заключалась в расположении на склоне горы *двух* фигурок) с помощью литер «А» или «В»: если литерой «А» помечался более высоко по склону изображенный персонаж, то ситуация описывалась как подъем, если то же обозначение получала ниже расположенная фигурка, то ситуация воспринималась как спуск.

Одновременно описанные результаты показывают действие своего рода «принципа иерархической кооперативности»: испытуемые всегда воспринимали персонажей рисунка как идущих вместе, в одну сторону, причем «гуськом», а не рядом (последнее, впрочем, провоцировалось и самим рисунком). Соответственно, если из двух идущих вместе путников «верхний» помечался литерой «А», то он и воспринимался как «лидер», за которым следовал второй — причем, естественно, ситуация расценивалась как подъем. При противоположном распределении буквенных обозначений ситуация трактовалась как спуск.

Ю. П. Князев

Новгород

ОНТОЛИНГВИСТИКА И «ПРОСТО» ЛИНГВИСТИКА

Изучение данных детской речи имеет уже довольно длительную историю. Первоначально на них обратили внимание психологи в связи с изучением путей развития когнитивных способностей ребенка. В настоящее время оно выделилось в особую лингвистическую дисциплину, которую по-русски называют отнотингвистикой, а по-английски – first language acquisition (‘усвоение родного языка’). В свою очередь, как отметила С. Н. Цейтлин, «возможно два, по крайней мере, аспекта рассмотрения языковых явлений в речи ребенка: 1) подход к ним с позиций сложившейся языковой системы взрослого человека, который основан на сопоставлении единиц и категорий детского языка с единицами и категориями языка взрослых, и 2) подход с позиций детской языковой системы, рассматриваемой как до известной степени автономный объект, имеющий свои единицы и собственную структуру» [Цейтлин 2004: 276–277]. Вместе с тем, эти две точки зрения на детскую речь, на мой взгляд, не являются взаимоисключающими.

Одним из материальных символов современного языкознания стали семантические карты различных грамматических зон. Наиболее существенным их свойством является принцип смежности, или непрерывности (adjacency requirement): два значения помещаются на карте рядом в том и только в том случае, если они могут выражаться в том или ином языке одной и той же языковой единицей; кроме того, по мнению Э. Даля, значения могут считаться смежными только при условии, что одно из них может перейти в другое в ходе диахронического развития [Dahl 1999: 663–678]. Таким образом, семантические карты призваны, с одной стороны, отразить последовательность, в какой

языковая единица может приобретать соответствующие значения, а с другой стороны, ограничить возможности ее многозначности, поскольку нарушение принципа смежности, т. е. совмещение у одного и того показателя несмежных значений, либо вообще исключается, либо допускается лишь при строго определенных условиях. Примечательно, что Р. О. Якобсон, назвавший поиск универсальных законов, ограничивающих разнообразие языковых кодов, центральной задачей языкознания, упоминал в одном ряду типологию и детскую речь: «В настоящее время центр тяжести переносится на типологическое сравнение языков и на поиски упорядоченных законов, лежащих в основе этой типологии и регулирующих как функционирование языков мира, так и процессы их усвоения детьми» [Якобсон 1970/1985: 414].

Стремление охватить в рамках единой теории синхронный, диахронический, типологический и отногенетический аспекты языка характерно для самых разных направлений современной лингвистики, от генеративной грамматики до функционализма [Хомский 1968/1972: 84–116; Givón 1990: 950; Van Valin 1991: 7–40; Dressler, Karpf 1994; Касевич 1998: 31–40]. Так, Д. Бикертон в подтверждение своей гипотезы о существовании врожденной «биопрограммы», которая определяет базовые свойства человеческого языка и включает, в частности, перцептивную и когнитивную первичность аспектуального противопоставления по признаку точечность/длительность (*punctuality/durativity*) использует двоякого рода аргументацию. По его мнению, это противопоставление, с одной стороны, является основным и наиболее последовательно проводимым аспектуальным различием в креольских языках, а с другой стороны, именно оно, по его мнению, первым усваивается ребенком при овладении родным языком [Bickerton 1982: 160–173].

Вместе с тем нельзя сказать, что привлечение сведений об усвоении языка в синхронных и типологических описаниях получило сколько-нибудь широкое распространение. Более того, не вполне ясно, как именно данные онтолингвистики могут быть использованы в теории грамматики.

Ниже рассматриваются несколько примеров возможного соотнесения онтолингвистических и собственно лингвистических данных.

1. Будущее время

В работе [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 254] предлагается следующая универсалия, устанавливающая семантическую связь между будущим временем и выражением намерения: «we hypothesize that all futures go through a stage of functioning to express the intention, first of the speaker, and later of the agent of the main verb». Хотя это обобщение касается диахронического развития языков — путей грамматикализации показателей будущего времени — оно, как кажется, подтверждается и данными русской детской речи.

Так, в исследовании [Kiebczak-Mandera, Smoczyńska, Protasova 1997], основанном на анализе записей речи девочки Вари П. до достижения ею возраста 2-х лет, указывается, что все формы будущего времени НСВ употребляются Варей «автореферентно» (in self-reference), «in order to tell her interlocutors about her plans». Что же касается форм будущего времени СВ, то, хотя первой формой будущего времени СВ, произнесенной ею в возрасте (1,3) было предложение *Деда пидёт (придёт)*, абсолютно преобладали в этом и следующем месяце формы 1-го лица мн. числа: *наденем, почитаем, поищем, пойдем, поедем, положим, поставим, причешем*. Как известно, формы 1-го лица будущего времени конвенционального языка в большинстве случаев выражают именно намерение говорящего совершить данное действие [Фичи Джусты 1997: 125–126]. Кроме того, в русском языке (в отличие от большинства других славянских языков) эти формы очень рано совпали с формой 1-го лица мн. числа повелительного наклонения и стали использоваться в функции императива совместного действия, а типичной импликацией повеления является желание или стремление, чтобы каузируемое действие осуществилось [Гусев 2002: 174]. Таким образом, у этого ребенка усвоение будущего времени действительно проходит через стадию выражения намерения.

Сходное совмещение отнесенности в будущее с выражением собственного намерения совершить названное действие наблюдается и в записях речи Ани С., опубликованных в [Цейтлин 1997: 35–42]. В возрасте (1,10,08) перед прогулкой она говорит: *Аня копáть* в значении ‘будет копать’, а немного позже использует по отношению себе упоминавшиеся выше формы 1-го лица мн. числа: *А-а, падём гасёк* ‘пойдем на горшок’ (1, 11,20), *Полозим на мета* ‘положим на место’ (1, 11,24) — говорит, вешая платье на стульчик, а также формы 1-го лица ед. числа СВ: *Сама потиню* ‘сама почию’ (1, 11,24) — говорит о сломанной игрушечной коляске. Других способов использования форм будущего времени у Ани С. В этот период не отмечено.

2. Падеж

Ссылаясь на неопубликованное сообщение М. Б. Елисейевой, С. Н. Цейтлин отмечает, что «последовательность появления падежей у разных детей может не совпадать полностью, но неизбежной остается следующая закономерность: первым среди косвенных появляется винительный падеж, последним — творительный» [Цейтлин 2005: 364]. Одним из примеров в этом отношении может служить Женя Гвоздев, у которого первым после именительного усваивается винительный падеж, почти одновременно с ним — родительный, затем — одновременно дательный и предложный и лишь потом — творительный [Гвоздев 1961: 397–392].

Такая иерархия падежей не находит отражения в традиционных грамматических описаниях; ср. привычную последовательность перечисления падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный. Вместе с тем, по мнению К. Чвани, при преподавании русского языка как иностранного целесообразнее приводить падежи в другом порядке: именительный, винительный, родительный, предложный, дательный, творительный [Chvany 1982]. Примечательно, что в этом случае иерархия падежей в большей степени соответствует порядку их усвоения детьми. Можно заметить также, что и Н. С. Трубецкой в своем описании морфонологической системы русского языка также начинается перечисление русских падежей с

именительного, а заканчивает творительным: именительный, винительный, дательный, родительный, предложный, творительный [Трубецкой 1987: 72].

3. Глагольный вид

Наиболее дискуссионной проблемой русской аспектологии является, по-видимому, определение места общефактического значения НСВ в системе видовых противопоставлений. В последнее время это значение рассматривают как производное от актуально-длительного или неограниченно-кратного [Гловинская 1982: 135–140; Падучева 1986; Шатуновский 1996: 321–333]. Свидетельством связи между этими значениями является, в частности, возможность использовать русские многократные глаголы именно для констатации факта действия, безотносительно к его реальной однократности или многократности [Князев 1989: 142]: *Попрошу меня не учить, — ответил Бегемот, — сиживал за столом, не беспокойтесь, сиживал* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Актуально-длительное значение является самым конкретным значением НСВ, а экзистенциальное общефактическое значение — в наибольшей степени отвлеченным от особенностей протекания действия; ср. его известную характеристику у Ю. С. Маслова, который считал, что это значение заключается «в общем, принципиальном указании на факт прошлого, без какой-либо конкретизации» [Маслов 1959: 267]. Та же идея лежит и в основе современных толкований этого значения: «в утвердительном высказывании с НСВ общефактическим акцентируется сам факт, что ситуация, обозначаемая с помощью НСВ общефактического, имела место, в отрицательном — тот факт, что она не имела места» [Падучева 1996: 36].

Можно сказать, что такое распределение значений НСВ соответствует принципу «семантической редукции» («вычитания» семантических компонентов) по мере продвижения от первичного значения к вторичным.

Между тем, судя по опубликованным записям детской речи [Гвоздев 1981; Цейтлин, Елисеева 1998], в процессе усвоения русского вида первые формы прошедшего времени НСВ сначала

используются именно в различных вариантах ретроспективных значений: Женя Г.: *Хад'ил вад'е* (Ходил в воде или по воде — отвечая на вопрос *Ты где испачкал ноги?*) — 2,1,1; Мама: *Аня, у тебя сопельки?* Аня С.: *То'утьто пл'акиля я* (потому что плакала я) — 2,2,26; Миша К.: *Я ел* (а значит есть сейчас не буду); *Я спал* (а значит укладывать спать не надо) — 2,3; Аня С.: *Мама, я хотю бас'юю бумагу, ты мне давала* (играет скомканной бумажкой и просит другую, побольше) — 2,4,22; *Полоз'и, где она лиз'яла* (осмотрела новую щетку и отдала маме) — 2,4,27; *Где моя ляля, ко-тоой на дачку ездила?* (спрашивает о кукле, с которой ездила на дачу) — 2,5,6.

Таким образом, на этой стадии усвоения видо-временных значений между формами настоящего и прошедшего времени НСВ нет семантического параллелизма: в настоящем времени глаголы НСВ обозначают длящиеся, а потом и регулярно воспроизводимые ситуации в их срединной фазе: Женя Г. *Папа сид'ит* (показывая на сидящего отца) — 1,9,20; *Мак'а кип'ить* (о кипящем на плите молоке) — 1,9,21; Оля М.: *Кто там н'ачет? Вот он н'акаит* (услышав детский плач и увидев потом коляску с младенцем) — 2,5,3; *С Ка'иной дуж'у* (С Кариной дружу). *А с Мишей не дуж'у, он всё н'ачет* — 2, 4,20, а в прошедшем времени — только непроецессные завершённые ситуации.

Это аспектуальное различие вполне объяснимо. Настоящее время само по себе предполагает интратерминальное представление обозначаемой ситуации, тогда как прошедшее время в единственно возможном в этот период диалогическом режиме, когда оно соотнесено только с моментом речи, допускает лишь ретроспективную интерпретацию: обозначаемое действие или состояния должно предшествовать моменту речи и уже в силу этого должно быть завершённым. Лишь позднее, по мере постепенного освоения ребенком повествовательного режима употребления видо-временных форм (первоначально – в рассказах о событиях недавнего прошлого, свидетелем или непосредственным участником которых он был), актуально-длительное значение становится общим для форм настоящего и прошедшего времени значением НСВ [Князев 2001: 351–354].

Одним из путей сближения принципов синхронного описания видов и их усвоения детьми могло бы быть различие функционирования видов в диалогическом (речевом) режиме и в повествовании, как это делается для времени.

4. Сочинительные союзы

Что же касается союзных сочинительных конструкций, то по этому вопросу нет единства мнений. С одной стороны, отмечалось, что первыми в речи ребенка появляется союзом *и*, причем «союз “и” долго остается единственным, выражая не только собственно соединительные, но и противительные и сопоставительные отношения» [Лепская 1997: 49]. С другой стороны, по данным С. Н. Цейтлин, «если союз *И* в соединительной функции ребенок усваивает до двух лет, то союзы сопоставительно-противительные и разделительные — значительно позднее» [Цейтлин 2000: 220].

Таким образом, данные детской речи могут не только служить для верификации лингвистических обобщений, но и быть основанием для некоторой коррекции грамматических описаний.

Литература

- Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Гвоздев А. Н.* От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981.
- Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Гусев В. Ю.* Императив и смежные значения // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. с. 173–206.
- Касевич В. Б.* Онтолингвистика, типология и языковые правила // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 1. с. 31–40.
- Князев Ю. П.* Выражение повторяемости действий в русском и других славянских языках // Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. с. 132–145.

- Князев Ю. П.* Формирование видо-временных противопоставлений в детской речи // Исследования по языкознанию. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. с. 347–355.
- Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. с. 157–313.
- Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. с. 413–424.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.
- Трубецкой Н. С.* Морфонологическая система русского языка // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. с. 67–142.
- Фичи Джустини Ф.* Видовые отношения в будущем времени в русском и других славянских языках // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М.: Изд-во МГУ. 1997. с. 115–127.
- Хомский Н.* Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Цейтлин С. Н.* От нуля до двух. Дневниковые записи. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1997.
- Цейтлин С. Н.* Направления и аспекты изучения детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб.: Наука. 2004. с. 119–122.
- Цейтлин С. Н.* Категория рода в детской речи // Проблемы функциональной лингвистики: Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. с. 346–375.
- Цейтлин С. Н., Елисеева М. Б.* От двух до трех. Дневниковые записи. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
- Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нерелевантные слова. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Якобсон Р. О.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. с. 369–420.
- Bickerton D.* Roots of Language. Ann Arbor: Caroma Publishers, 1982.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Chvany C.* Hierarchies in the Russian case systems: for NAGPDI, against NGDAIP // Russian Language Journal. 1982. Vol. 36, № 125. pp. 133–147.

- Dahl Ö.* Review on Haspelmath 1997 // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 22. 1999. pp. 663–678.
- Dressler W., Karpf A.* The theoretical relevance of pre- and protomorphology in language acquisition // *Yearbook of Morphology*, 1994. pp. 99–122.
- Givón T.* *Syntax: a functional-typological introduction*. Vol. 2. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1990.
- Haspelmath M.* *Indefinite Pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Kiebczak-Mandera D., Smoczyńska M., Protassova E.* Acquisition of Russian verb morphology // *Dressler W. (ed.). Studies in Pre- and Protomorphology*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. pp. 101–114.
- Van Valin R. D.* Functionalist linguistic theory and language acquisition // *First Language*. 1991. Vol. 11. pp. 7–40.

Е. В. Падучева

Москва

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОРМ ВРЕМЕНИ В ГИПОТАКСИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Можно считать общепризнанными два режима интерпретации (и два контекста употребления) эгоцентрических элементов (ЭЭ) — **речевой** и **нарративный** [Апресян 1986, 1997; Падучева 1986, 1996]. Речевая интерпретация предполагает говорящего; а в нарративе полноценного говорящего нет, и дейктическим центром оказывается какое-то другое лицо — персонаж или повествователь.

Имеется еще один контекст, который надо принять во внимание, поскольку для него правила интерпретации тоже иные, чем в речевом. А именно, когда речь идет о речевом и нарративном режиме, имеется в виду синтаксически независимое предложение; а между тем ЭЭ может входить в состав подчиненного — т. е. в **гипотаксический** контекст (в [Падучева 1996] говорится в этой связи о синтаксическом режиме интерпретации).

Во многих языках в гипотаксическом контексте употребляются иные формы времени, чем в синтаксически независимом (или главном) предложении, поскольку имеется так называемое согласование времен. В русском никаких особых форм для гипотаксиса нет: в гипотаксическом контексте употребляются те же три временных формы, что в речевом, т.е. формы, которые в речевом контексте имеют интерпретацию, ориентированную на настоящее время говорящего.

Если не принимать во внимание гипотаксис, то время можно было бы считать **первичным** эгоцентриком: время ориентировано на момент речи, а в нарративном режиме, где нет говорящего, существенно меняет интерпретацию [Падучева 1986]. Однако при гипотаксисе форма времени допускает **вторичное** употребление — ориентацию на вторичный дейктический центр.

Типичные первичные эгоцентрики не допускают такой мены ориентации в гипотаксическом контексте.

Значение форм времени в гипотаксическом контексте требует отдельного рассмотрения: известно, что настоящее и прошедшее в одних случаях взаимозаменяемы, см. (1), а в других — нет, см. (2):

- (1) Иван видел, как Таня *плачет* ≈ Иван видел, как Таня *плакала*.
- (2) Я слышал, что эта картина *висит* (≠ *висела*) в Музее Маяковского.

И это требует объяснения. Предлагаемое решение существенно опирается на работы [Brecht 1974; Barentsen 1996; Timberlake 2004].

Литература

- Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, Вып. 28, 1986, с. 5–33.
- Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология Словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под ред. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 1997, с. XVI–XXXIV.
- Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1986, Т. 45, № 5, с. 413–424.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Barentsen A.* Shifting points of orientation in Modern Russian. Tense selection in ‘reported perception’ // *A. J. M. Janssen, W. van der Wurff* (eds). Reported speech: form and functions of the verb. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995, pp. 15-55.
- Brecht R. D.* Deixis on embedded structures // *Foundations of language*, 1974, № 11, pp. 489-518.
- Timberlake A.* A reference grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

В. И. Подлеская

Москва

**О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ И
«ПРАГМАТИЗАЦИИ» МАРКЕРОВ РЕЧЕВОГО
ЗАТРУДНЕНИЯ:
феномен препаративной подстановки¹**

В настоящей работе исследуется особый класс лексических маркеров хезитации, для которого мы предлагаем использовать термин «препаративная подстановка» [Подлеская, Кибрик 2006], ср. термины «препаративная замена» в [Дараган 2000, 2003, Кожевникова 1970] и англ. placeholder в [Fox et al 1996, Hayashi, Yoon 2006, Wouk 2005]. Феномен препаративной подстановки состоит в том, что говорящий, не найдя удовлетворяющую его вербализацию составляющей, временно подставляет в ее структурную позицию заместитель. В русском языке в качестве маркеров препаративной подстановки используются местоименные выражения *это, это самое, как его* и т.п.:

(1) *а там-м это ... лежат всякие такие сокро-овица сокровица²*

В качестве маркеров препаративной подстановки в языках мира чаще всего используются:

(а) указательные, вопросительные, универсальные или неопределенные местоимения — русск. местоимение-существительное ближнего дейксиса *это*, а также его сочетание с эмфатическим местоимением *это самое*, японск. местоимение-прилагательное дальнего дейксиса *ано* и местоимение-суще-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 06-06-80470а

² Все русские примеры в работе взяты из корпуса устных «Рассказов о сновидениях», о котором см. [Кибрик, Подлеская 2003].

ствительное дальнего дейксиса *are* [Watanabe 2002, Hayashi, Yoon 2006];

(б) существительные с максимально обобщенным значением типа *вещь, факт, дело* — арм. *ban* ‘вещь, дело’ [Подлеская, Хуршудян 2006], турецкое *sey* ‘вещь’ (заимствовано из арабского, [Kabak 2004]), вьетнамское *cái* (универсальный классификатор);

(в) комбинации типов (а) и (б) – китайск. комбинация местоименных основ ближнего и дальнего дейксиса с универсальным классификатором *zhege* и *nage* [Zhao, Jurafsky 2005, Hayashi, Yoon 2006], корейск. комбинация местоименных основ среднего и дальнего дейксиса с «дефектными существительными» *ke(s)* ‘дело, факт’, *kos* ‘место’ [Hayashi, Yoon 2006];

(г) лексикализованные конструкции типа англ. *whatchamacallit* с вопросительным словом типа *how* или *what* и глаголом или существительным «именования» типа *name* или *call*. В такого рода конструкциях имеется, как правило, и местоименный компонент. Пример из кувейтского диалекта арабского языка – *šisma* ‘как-имя-его’, см. [Tsukanova 2006].

Во многих языках маркеры препаративной подстановки и актуальные местоименные выражения исторически разошлись, но их родство обычно достаточно прозрачно. Ср. нганасанск. *энты* (восходящее к *эты* ‘это’ [NGAN], М. Брыкина, личное сообщение), венг. *izé* (вероятно, от финно-угор. корня со значением ‘вещь’ [MNÉS], [Moravcsik 2004], В. Гусев, личное сообщение), или итальянск. *coso* (маркер препаративной подстановки мужского рода, ср. существительное женского рода *cosa* ‘вещь’).

Препаративная подстановка обычно используется говорящим в тех случаях, когда гезитация связана с «близким» поиском, т. е. когда предстоящая порция дискурса уже достаточно хорошо спланирована и затруднения касаются выбора конкретного выражения из ограниченной зоны возможностей. Особенно это касается согласуемых маркеров препаративной подстановки, типа *этот (самый)/эта (самая), такой/такая*, которые демонстрируют, что говорящий уже выбрал падежно-числовую форму планируемой именной группы и колеблется лишь в выборе конкретной номинации, как в следующем примере:

(2) *А вы сегодня нас поведёте в **этот** ... в тренажёрный зал?*

В русском языке маркеры препаративной подстановки, как правило, акцентированы. Как отмечает Н. Н. Розанова, «ударность местоимения-заместителя указывает на то, что слово, для которого оно «держит место», является информационным центром высказывания» [PPP 1983: 38].³

Имеющиеся данные о частотности маркеров препаративной подстановки показывают удивительное сходство для разных языков. Так, в русском корпусе «Рассказов о сновидениях» маркеры препаративной подстановки встречаются с частотой 5 на 100 словоупотреблений, см. [Подлеская, Кибрик 2006] (заметим, что это данные для монологического дискурса — в диалогах можно ожидать увеличения частотности). Для китайских диалогов в [Zhao, Jurafsky 2005] приводится цифра 6,68 на 1000 словоупотреблений. Другая мера — доля маркеров препаративной подстановки в общем числе речевых сбоев — также обнаруживает сходство: в корпусе «Рассказов о сновидениях» по данным [Подлеская, Кибрик 2006] маркеры препаративной подстановки составляют около 10% от общего числа речевых сбоев, и точно такое же распределение указывается для индонезийского языка в [Wouk 2005].

Задача данной работы — предложить на примере небольшой языковой выборки возможные критерии типологизации маркеров препаративной подстановки: типы составляющих, на место которых может осуществляться подстановка; типы грамматических категорий, по которым маркер препаративной подстановки может согласовываться с отложенной составляющей; возможность полного и частичного согласования с отложенной

³ Н. Н. Розанова связывает акцентированность местоимений-заместителей также и с их расположением перед паузой колебания, см. [PPP 1983: 38]. Данные корпуса «Рассказов о сновидениях» не подтверждают этого предположения — более трети маркеров препаративной подстановки в корпусе не отделены от последующего материала паузой. Скорее, следует предположить, что и местоимение-заместитель, и пауза — дополняющие друг друга сигналы речевого колебания.

составляющей; возможность использования маркеров препаративной подстановки в функции дискурсивных слов с аппроксимативным значением.

1. Именные vs. глагольные подстановки

В языках мира техника препаративной подстановки достаточно распространена. Если в языке, в принципе, возможно согласование маркера препаративной подстановки с временно отложенной составляющей, то чаще всего, это согласование с именной составляющей. Однако некоторые языки допускают и согласование маркера препаративной подстановки с предикатными составляющими: это явление засвидетельствовано, например, в армянском языке, см. [Подлеская, Хуршудян 2006], в индонезийском по данным [Wouk 2005], в грузинском по данным [Amiridze 2004], в нганасанском по данным В.Гусева и М. Брыкиной [www.iling-ran.ru/gusev], адыгейском по данным Н. Сумбатовой и Ю. Ландера (личное сообщение), нанайском и ульчском по данным [Sumbatova et al. 2005], венгерском по данным [MNÉS 1979] и В. Гусева (личное сообщение), итальянском по данным [CPL 2000] и ряде других языков. Имеющиеся предварительные данные показывают, что если в языке возможна препаративная подстановка с глагольным согласованием, то в нем возможна и подстановка с именным согласованием, но не наоборот.

При глагольном согласовании логически возможны и реально засвидетельствованы четыре морфологических типа маркеров препаративной подстановки: (а) маркеры, в которых местоименная основа непосредственно сочетается с глагольными словоизменительными показателями; (б) маркеры, в которых местоименная основа транспонируется в глагольную с помощью деривационных аффиксов, и уже эта транспонированная основа сочетается с глагольными словоизменительными показателями (вариант — и именной, и глагольный маркер производны или исторически восходят к единой основе); (в) аналитические маркеры, состав которых сходит служебный глагол; и (г) маркеры, инкорпорирующие местоименную основу.

Непосредственное сочетание местоименной основы с глагольными словоизменительными показателями встречаются в языках с «ослабленным» морфосинтаксическим противопоставлением имен и глаголов, например, в индонезийском и адыгейском, но не ограничиваются этими языками. В частности, они представлены нганасанском, нанайском и ульчском языках. Для сравнения в нганасанском примере (3а) продемонстрировано замещение именной составляющей — на маркере препаративной подстановки *энты* имеется полный комплект именных словоизменительных показателей (число, падеж, личная притяжательность), которые говорящий запланировал и позднее реализовал и на самбй этой отложенной составляющей. В примере (3б) эта же местоименная основа используется при замещении глагольной составляющей — на маркере препаративной подстановки имеется полный комплект глагольных словоизменительных показателей (императив, 2-ое лицо единственное число объекта), которые говорящий запланировал и позднее реализовал и на отложенной составляющей (при глоссировании в этом и во всех последующих примерах все маркеры препаративной подстановки отображаются как «это»):

- (3) нганасанский (данные любезно предоставлены М. Брыкиной и В. Гусевым)
- (а) *энты-зи-че* *колы-зи-че* *тэза-га-м*
 это-DEST-PL.ACC.2PL рыба-DEST-PL.ACC.2PL принести-PF-1SG.S
 ‘Я тебе, эту самую, рыбу принес.’
- (б) *имидя?ку* *энты-зэ* *ма-лэ* *чабті-зэ*
 бабушка.DIM это-IMP.2SG.О чум-2SG разобрать-IMP.2SG.О
 ‘Бабушка, ты, это самое, чум разбери!’

Аналогичным образом, в ульчском языке один и тот же маркер местоименного происхождения *хaj* может использоваться как именная, и как глагольная подстановка — в (4а) он (как и отложенная составляющая) оформлен показателями падежа, лица и числа, а в (4б) он (как и отложенная составляющая) оформлен показателем причастия прошедшего времени:

- (4) ульчский (данные любезно предоставлены Н. Сумбатовой и С. Толдовой)
- (а) *xaj-tj-n gāra-tj-n doŋdo-ro*
 это-LAT-3SG ветка-LAT-3SG вспорхнуть- IMPFCONV
 ‘[Птичка] уселась на этой, как её, на ветке’.
- (б) *ami-gdolo xaj-xa tapanažo-xa*
 отец-PTCL это-PASTPART постареть-PASTPART
 ‘Отец, это самое, постарел.’

Пример производного глагольного маркера препаративной подстановки представлен в итальянском языке, где на базе существительного *cosa* ‘вещь’ (женский род), возник маркер именной подстановки *coso* (мужской род), см. (5а) и маркер глагольной подстановки *cosare*, см. (5б):

- (5) Итальянский [CPL 2000]
- (а) *c’-è un cos-o c’-è un*
 здесь-быть.PRES.3 INDEF.M это-М здесь-быть.PRES.3 INDEF.M
contadin-o in Ponte d’Arbia
 крестьянин-М в Понте д’Арбия
 ‘В Понте д’Арбия есть один этот, есть один крестьянин’.
- (б) *si è mess-o a a cosare come*
 REFL.3 быть.AUX.PRES.3 стать-PASTP.M PREP PREP это.INF как
si dice a provocare uno zingar-o...
 REFL.3 сказать.PRES.3 PREP провоцировать.INF INDEF.M цыган-М
 ‘Стал, это самое, как бы это сказать, провоцировать одного цыгана’

Аналитический маркер глагольной подстановки представлен в армянском языке. Основным маркером препаративной подстановки для именных составляющих в армянском языке является существительное *ban* ‘дело, вещь’, а для глагольных составляющих — сочелание *ban* с глаголом *anel* ‘делать’, [Маркосян 1983:120–122; САРР 1981:86–87], которое обычно интерпретируется в армянской грамматике как составной глагол (аналогично сочетаниям типа *хав* ‘игра + *anel* ‘делать’ – ‘играть’, [Асатрян 1983, 212]. Базовое значение этого составного глагола — ‘работать’, ‘что-то делать’ [Галстян (ред.) 1984; ТССА 1969]. При именной подстановке на *ban* могут проецироваться показатели падежа (в том числе, нулевое окончание номи-

натива/аккузатива), определенности и числа отложенной именной группы. В (6) слово *ban*, как и отложенная именная группа оформлено аблативом:

- (6) армянский [Подлеская, Хуршудян 2006]
u Gayuṣ-n ēl ēd ṓr-ə ban-ic^h
 и Гайуш-DEF тоже это день-DEF это-ABL
ēr ēk-el Budapešt-ic^h
 быть.AUX.PAST.3SG приехать-PF Будапешт-ABL
 ‘и Гайуш тоже в этот день из этого приехала, из Будапешта’

При глагольной подстановке предполагаемое грамматическое оформление отложенной глагольной составляющей «проявляется» на вспомогательном глаголе *anel*. Так, в следующем примере глагол *anel* ‘делать’ в форме 2-ого лица единственного числа конъюнктива предваряет соответствующую форму временно отложенного глагола ‘расслабить’:

- (7) армянский [Подлеская, Хуршудян 2006]
p(ə)ti gotkatev-ov ban an-es mi k^hic^h
 надо талия-INS это сделать-CONJ.2SG один мало
t^hulac^hn-es
 сделать.слабым-CONJ.2SG
 ‘тебе надо по талии сделать это самое, немного ослабить’

Сочетание *ban* + ‘делать’ проявляет очевидные симптомы грамматикализации. В частности, только в качестве маркера препаративной подстановки это сочетание допускает смещение некоторых префиксальных грамматических показателей с глагола на существительное *ban* (подобное происходит в разговорной речи и с некоторыми другими составными глаголами, [CAPP 1981:99]). Так, в примере (8а) префикс кондиционалиса находится в своей стандартной позиции — на глаголе *anel* ‘делать’, однако вариант (8в) демонстрирует нетривиальную конфигурацию — тот же глагольный префикс присоединен к имени:

- (8) армянский [Подлеская, Хуршудян 2006]
 (a) *yes ban k-an-em k-gam*
 я это COND-делать-PRES.1SG COND-приходить.PRES.1SG
 ‘Я, это самое сделаю, приду.’

- (b) *yes k-ban an-em k-gam*
 я COND-это делать-PRES.1SG COND-приходить.PRES.1SG
 ‘Я, это самое сделаю, приду.’

Аналогичным образом смещается префикс отрицания в (9):

- (9) армянский [Подлеская, Хуршудян 2006]
 (a) *ban č^h-an-es č^h-g-as*
 это NEG-делать-CONJ.PRES.2SG NEG-прийти-CONJ.PRES.2SG
 ‘Ты не это самое, не приходи’.
 (b) *č^h-ban an-es č^h-g-as*
 NEG-BAN делать-CONJ.PRES.2SG NEG-прийти-CONJ.PRES.2SG
 ‘Ты не это самое, не приходи’.

Интересным образом, в русском языке, где, в отличие от армянского, в принципе невозможна согласованная препаративная подстановка на место глагольной группы, допускается, тем не менее, сочетание местоименного заместителя с препозитивной отрицательной частицей, как в (10), и даже присоединение к местоименному заместителю деривационных глагольных префиксов, как в (11):

- (10) (из «блокнотных» записей автора)
ты давай не это... не выпендривайся
 (11) *и он он приэто= не/привязан, а прибит звездами*

Инкорпорация местоименной основы в глагольный маркер препаративной подстановки представлена в грузинском языке. Так, согласно [Amiridze 2004], для глагольных подстановок используется основа глагола ‘делать’, в которую инкорпорруется дативная форма указательного местоимения «дальнего» дейксиса *imas*. При этом наблюдаются симптомы грамматикализации (или, точнее, лексикализации), т. к. местоименный компонент инкорпорруется после преверба, причем может инкорпорироваться и в финитную словоформу, тогда как в норме подобного рода инкорпорация возможна только в инфинитных формах и только в позицию перед превербом:

- (12) грузинский [Amiridze 2004]
 (a) *(man) (me) (is) gada-imas-m-i-kn-a*
 он(а).ERG я.DAT это.NOM PV-этого-Ю1.SG-PRV-делать-S3.SG.AOR
 ‘[Он(а)] [мне] [это] переЭТила [с одного места на другое]’.

- (b) **murman-ma sul-ga-Ø-qid-a*
 Мурман-ERG душа-PV-DO3.SG-продать-S3.SG.AOR
- (c) *murman-ma sul-i ga-Ø-qid-a*
 Мурман-ERG душа-NOM PV-DO3.SG-продать-S3.SG.AOR
 ‘Мурман продал [свою] душу’.
- (d) *sul-ga-qid-ul-i / *ga-sul-qid-ul-i*
 душа-PV-продать-PPART-NOM /PV-душа-продать-PPART-NOM
murman-i
 Мурман-NOM
 ‘продавши(й) [свою] душу Мурман’

В заключение этого раздела уместно заметить, что приведенные нами данные о согласованных препаративных подстановках в русском, армянском и некоторых других рассматриваемых в этой работе языках с префиксацией и предложениями опровергают высказывавшееся ранее в литературе мнение, что согласованные подстановки свойственны преимущественно языкам с левым ветвлением, в которых грамматическое оформление располагается в конце составляющей, а не в ее начале (см. в частности работы [Hayashi 1994, Fox et al. 1996], где на основании данных о наличии согласованных препаративных подстановок в левоветвящемся японском языке и их отсутствии в правоветвящемся английском делаются не вполне обоснованные обобщения об универсальном характере зависимости согласованных подстановок от направления ветвления в языке)

2. Согласованные vs. несогласованные подстановки

Согласование маркера препаративной подстановки с отложенной составляющей не является обязательным.

Во-первых, отсутствие согласования может являться тривиальным следствием того, что слова соответствующего класса (например, существительные и субстантивные местоимения) в данном языке являются морфологически неизменяемыми. Так, согласно [Zhao, Jurafsky 2005], наиболее распространенные маркеры препаративной подстановки (производные от универсального классификатора) в китайском языке — неизменяемые *zhege* ‘этот’, *nage* ‘тот’ — могут замещать именные группы, глагольные группы и целые клаузы:

- (13) китайский [Zhao, Jurafsky 2005:180]
- (a) **nage** [wo mingtian you shijian]_S
 это я завтра иметь время
 ‘Это самое, у меня завтра время есть’.
- (b) wo **nage** [du-guo liang bian]_{VP}
 я это читать-ASP два CL
 ‘Я, это самое, два раза читал’.
- (c) [huainian **nage** [daxue shenghuo]_{NP}]_{VP}
 скучать это колледж жизнь
 ‘(Я) скучаю, это самое, по студенческой жизни’.
- (d) [gongzuo de **nage** [mafan]_N]_{NP}
 работа NOM это проблема
 ‘Проблемы, это самое, с работой.’

Во-вторых, в ряде языков одна из форм изменяемого местоименного заместителя может быть выбрана в качестве особой «дефолтной» формы, которая способна замещать различные формы отложенных составляющих без согласования с ними. В русском языке такой дефолтной формой является именительный падеж единственного числа среднего рода местоимения *это*. По данным корпуса устных «Рассказов о сновидениях» препаративная подстановка в устной неподготовленной монологической речи встречается, как было сказано выше, с приблизительной частотой 5 раз на 1000 слов, при этом согласованные подстановки, типа приведенного выше примера (2), составляют около трети всех случаев, остальное — несогласованные подстановки преимущественно с использованием дефолтной формы *это* — см. пример (1) выше. Дефолтная форма может замещать отложенную именную группу, как в (14 а,б), или — чаще — глагольную, как в (14в):

- (14)
- (а) *Туда надо пла= .. платить чет= ... это .. четыреста восемьдесят \долларов.*
- (б) *и я на эт= э-э на эти деньги купил это .. кассету.*
- (в) *я ... хочу .. э-э это-о .. убежать от него,*

При подстановке на место глагольной группы *это* может помещаться в позицию перед вложенной глагольной группой, например, перед зависимым инфинитивом, как в приведенном

выше примере (14в), а также в абсолютное начало предикации, как в (15), в позицию после начального коннектора, как в (16) и в приведенном выше примере (1), или в позицию после подлежащего, как в (17):

- (15) *Это-о*, захожу я в школу.
 (16) *что-о .. это-о ..* заместо /носа у него были /просто две дырки.
 (17) *И-и он это ..* каким-то ... образом убежал в \Монголию.

Таким образом, дефолтный маркер препаративной подстановки помещается перед левой границей замещаемой составляющей.

Сосуществование дефолтных и согласованных подстановок в языке — достаточно распространенное явление. Так, в венгерском языке по данным [MNÉS 1979; Moravcsik 2004] и В. Гусева (личное сообщение) согласованные именные подстановки осуществляются с помощью склоняемого заместителя *izé*, а согласованные глагольные подстановки — с помощью производного спрягаемого глагольного заместителя *izél* (образованного из *izé* с помощью стандартного отыменного суффикса *-l*). Наряду с этим возможны дефолтные подстановки с использованием исходной формы *izé*, ср. согласованную именную подстановку в (18), где *izé* оформляется маркером комитатива, и дефолтные подстановки в (19), где *izé* выступает в исходной форме:

- (18) венгерский [MNÉS 1979:583]
Találkoz-t-am izé-vel Kovács Jóska-val.
 встретиться-PRAET-1SG это-COMIT Ковач Йошка-COMIT
 ‘Я встретился с этим самым, с Йошкой Ковачем’.
- (19) венгерский [MNÉS 1979:583]
 (a) *Izé az-t akar-om mond-ani*
 Это то-ACC хотеть-1 SG.OBJ сказать-INF
 ‘Это, вот что я хочу сказать’.
- (b) *Te izé gyere ide!*
 ты это идти.сюда.IMP сюда
 ‘Ты, это, подойди сюда!’

В армянском языке слово *ban* ‘дело, вещь’ может использоваться и для согласованных подстановок, как в примере (б)

выше, и в качестве дефолтного маркера. При дефолтных подстановках в общем случае используется его исходная — номинативно-аккузативная форма:

- (20) армянский [Хуршудян, Подлеская 2006]
na ban ibrev petk^h a gar
он это вроде должен быть.AUX..PRES.3 придти:CONJ.PRES.3
ēsor
сегодня
‘Он это, вроде должен был придти сегодня.’

В качестве дефолтной формы маркера препаративной подстановки не всегда выбирается исходная форма изменяемого слова. Так, для субстантивных местоименных заместителей в качестве дефолтной иногда выбирается форма косвенного падежа. Например, в русском языке XIX века в качестве дефолтного падежа заместителя мог использоваться родительный падеж. В словаре В. Даля [Даль: 409] одно из употреблений формы родительного падежа местоимения *того* характеризуется следующим образом — «приговаривается без большого смысла, иногда вместо *бишь*, припоминая что-то», ср. речь гоголевского Акакия Акакиевича:

- (21) Н. В. Гоголь (Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1952, стр. 137–138)
А я вот того, Петрович...шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах совсем крепкое, оно немножко запыхлось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да вот еще на плече одном немного попротёрлось...

И, наконец, в третьих, наряду с полным согласованием и с отсутствием согласования, в языках мира возможно частичное согласование маркера препаративной подстановки с отложенной составляющей. Так, в грузинском языке, согласно [Amiridze 2004] глагольный маркер препаративной подстановки с основой ‘делать’, содержащий показатель 3-го лица субъекта аориста *-a* может замещать глагольные формы, содержащие не только этот показатель, но и, дополнительно, преверб и показатель версии.

Например, форма в (22a) может являться маркером препаративной подстановки для формы (22b):

(22) грузинский [Amiridze 2004]

(a)

imas-∅ -kn-a

этого-DO3.SG-делать-S3.SG.AOR

‘[Он(a/o)] [его] сЭТило’

(b)

da-m-e-c-a

PV-IO1.SG-PRV-падать-S3.SG.AOR

‘[Он(a/o)] на меня упало’

В русском языке в одной и той же позиции возможно употребление согласованного маркера препаративной подстановки и дефолтного маркера. Так в приведенном выше примере (2) возможна замена *в этот* на *в это*:

(2') *А вы сегодня нас поведёте в этот/в это... в тренажёрный зал?*

Употребление формы *в это* сохраняет в составе маркера препаративной подстановки предлог, но падежно-числовое согласование уже отсутствует. Утрата вслед за согласованием и структурной позиции выводит маркер из класса собственно препаративных подстановок в зону дискурсивных слов междометийного типа, не формирующих отдельного узла синтаксической структуры (в [Hayashi, Yoon 2006] для этого класса употреблений используется термин *interjective hesitators* ‘междометия хезитации’). В корпусе «Рассказов о сновидениях» наиболее частотным междометием хезитации является *ну*, несколько реже употребляется *значит*:

(23) *с недоделанными у=.. ну-у .. уроками*

По существу, в тех случаях, когда дефолтное *это* употребляется непосредственно перед отложенной составляющей и не сохраняет грамматического оформления этой составляющей, то употребление такого маркера вполне может квалифицироваться как междометийное. Более того, оно фактически начинает выполнять функции долексических маркеров хезитации (заполненных пауз, «мэкания»), ср. следующие возможные варианты оформления хезитации в уже упомянутом примере (2):

(2")

(a) *А вы сегодня нас поведёте это... в тренажёрный зал?*

(b) *А вы сегодня нас поведёте ну... в тренажёрный зал?*

(c) *А вы сегодня нас поведёте эээ... в тренажёрный зал?*

Единственно, что отличает такой дефолтный показатель от междометий и заполненных пауз, это его прозрачное местоименное происхождение, а часто — и материальное совпадение с прототипическим местоимением в данном языке (в этом случае, согласно [Hayashi, Yoon 2006] можно говорить о «прагматизации» маркера препаративной подстановки).

Таким образом, маркеры речевого затруднения можно расположить на шкале в порядке уменьшения степени их встроенности в морфосинтаксическую структуру:

полностью согласованные маркеры препаративной подготовки > частично согласованные маркеры препаративной подготовки > дефолтные (несогласованные) маркеры препаративной подготовки > дискурсивные маркеры речевых затруднений, не замещающие структурную позицию в предложении (междометия хезитации) > долексические сигналы речевых затруднений (заполненные паузы)

3. Препаративная подстановка vs. приближительная номинация

Обычно те же средства, которые используются для препаративной подстановки, используются в языке и для «приближительных» номинаций — в тех случаях, когда говорящий не просто откладывает правильную номинацию, а отказывается от поиска правильной номинации после неудачных попыток или просто сигнализирует, что подходящей номинации «под рукой» нет, а слушающий должен попытаться самостоятельно восстановить нужный фрагмент смысла из контекста (ср. понятие *res-ognitional deixis* в [Enfield 2003]). Средства приближительной номинации нужны говорящему, если он не может или не хочет искать точную вербализацию некоторого смысла, но вынужден по условиям локальной структуры текста употребить языковое выражение с заданными формальными свойствами, например,

именную, глагольную или адъективную группу. (Как указывается в [Hayashi, Yoon 2006], одной из наиболее частых причин употребления такого рода средств являются культурные ограничения, табуирование определенных выражений, вместо которых и выставляется замена.)

Так, в русских примерах (24а–с) местоимение *такой* используется как препаративная подстановка, а в примере (25) — как приблизительная номинация:

(24)

- (a) *Около дома вот есть такие, ... ээ ок= .. ну вот как подвал и вот загоро-одка.*
- (b) *Просто – вот .. такой не страх, а как будто с-сердце похолодело.*
- (c) *у младенца .. был вот такой вот, ... ну, светящийся.*

(25) *Я такая: «Давайте я вам прочту сказку!»⁴*

Различие между препаративной подстановкой и приблизительной номинацией может нейтрализоваться, например, в тех случаях, когда говорящий сначала пытается найти нужную вербализацию и с помощью местоименного заместителя пытается выиграть время, а затем отказывается от дальнейших попыток и лишь предоставляет слушающему дополнительную подсказку. Так, в следующем примере с использованием согласуемого местоименного заместителя *этот* говорящая первоначально планировала слово мужского рода (скорее всего, *орден*), но, не найдя нужного слова, ограничилась сопоставительной конструкцией «без рода» (*типа медали*):

(26) *А в другой пещере мне дали ... этот ... типа медали*

При том, что один и тот же местоименный заместитель может использоваться и для препаративной подстановки, и для приблизительной номинации, чаще всего одна из этих функций для конкретного маркера бывает доминирующей. Так, например,

⁴ В терминологии Л. А. Капанадзе случаи типа (24а–с) интерпретируются как употребление местоимения *такой* в функции актуализатора, а случаи типа (25) — как употребление *такой* в роли эмоционального определения, см. [PPP 1983:164]

для английских слов типа *whatchamacallit*, *whatchacallit*, *whatsit*⁵ (на письме иногда передается как *wotsit*) первичная функция — приблизительная номинация. Например, *whatchamacallit* в WordNet, определяется как существительное со значением ‘многообразные неспецифицированные предметы, созданные человеком’, ср. русск. *штука*, *штуkenция*, *штуковина* и проч. Однако возможно и их употребление в качестве маркера препаративной подстановки, ср. следующее предложение (из Интернет-форума):

(27) *What happened to a, **whatchacallit**, to a potential contributor to your community?*

Для русских местоименных заместителей, типа *это(m)*, напротив, первична функция препаративной подстановки. Однако они могут выступать и как средство приблизительной номинации, как в следующем примере, где говорящий не подыскал подходящего выражения со смыслом ‘страдать’:

(28) из «блокнотных» записей автора
Но такой вот ностальгии, чтобы э-это... Такого не было.

В исторической перспективе соотношение функций препаративной подстановки и приблизительной номинации у конкретного маркера может меняться. Так, упоминавшийся выше местоименный заместитель *того* в русском языке XIX века употреблялся не только как несогласованный маркер препаративной подстановки, см. (21) выше, но и в качестве средства приблизительной номинации:

(29) Н. В. Гоголь (Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1952, стр. 137)

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновен-

⁵ В качестве общего названия для слов этого класса в английском языке иногда используется ярлык *kadigin* [Flexner, Wentworth 1960].

ние совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно **того...**», а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что всё уже выговорил.

(30) [Даль:409]

Я было и **тово**, ну так вишь жена не **тово** — ну ужъ и я **растово**.

Функция препаративной подстановки местоименем *того* в современном русском языке полностью утрачена, а от функции приблизительной номинации остались некоторые реликты, ср. выражения вроде *ты что, совсем того?*

В качестве средства приблизительной номинации могут использоваться и именные, и глагольные маркеры, а в некоторых языках также и адъективные, и адвербиальные. Так, в адыгейском языке к местоименной основе *məst* могут присоединяться как именные, так и глагольные словоизменительные показатели. В примере (31) представлено именное употребление — говорящий подставил форму с необходимыми падежно-числовыми показателями на место «ненайденного» существительного со значением ‘дело’ или ‘работа’:

(31) адыгейский (данные любезно предоставлены Н. Сумбатовой и Ю. Ландером)

ə-de-ʔepəʔe *domašn'e* *məst-xe-m-č'e*

1PL-ASS-помогать домашний это-PL-ERG-INSTR

‘Мы помогаем (ей) с домашними делами (букв. ‘с домашними этими’).’

В примере (32) эта же основа употребляется с видо-временными показателями и с показателем отрицания на месте финитной формы «ненайденного» глагола со значением ‘делать’:

(32) адыгейский (данные любезно предоставлены Н. Сумбатовой и Ю. Ландером)

a fed-ew *qe-k_ne-č-ew* *w-ew*

тот похожий-ADV INV-идти-вокруг-ADV бить-ADV

məstə-š'təke-p

это-IMPFPST-NEG

‘Так, чтобы обходить весь аул, играть, он такого не делал’

В венгерском языке в качестве средства приблизительной номинации могут использоваться не только упоминавшиеся выше субстантивный заместитель *izé* и производный от него глагольный заместитель *izél*, но и другие производные заместители — *izés* (атрибутивный), *izésen* (адвербиальный) и ряд других.

Средство приблизительной номинации может использоваться не только ВМЕСТО ненайденного языкового выражения, но и ВМЕСТЕ с одной или несколькими «пробными» попытками вербализовать некоторый смысл — как постпозитивный или препозитивный «аппроксиматор», [Дараган 2000, 2003], т. е. как сигнал о том, что предшествующие попытки нуждаются в обобщении или уточнении, но адекватного языкового выражения в арсенале говорящего в данный момент не нашлось, ср. русск. *и всё такое* и его фамильярные аналоги *типа* или *как бы*. Так, в качестве постпозитивного аппроксиматора в армянском языке может использоваться упоминавшийся выше маркер препаративной подстановки *ban*:

- (33) армянский [Подлеская, Хуршудян 2006]
asi ha ban
 сказать.AOR.1SG да это
 ‘Я сказала: «Да, типа,
řat mersi
 очень спасибо
 большое спасибо!»,
verc^hrec^hi drec^hi kovk^h-s ban
 взять.AOR.1SG поставить.AOR.1SG сторона-1POSS это
 взяла, поставила, типа, около себя’.

Ban в качестве постпозитивного аппроксиматора, в отличие от других своих употреблений, допускает редупликацию:

- (34) армянский [Подлеская, Хуршудян 2006]
heto verř-um ink^h-n ěl kard-ac^h
 потом конец-LOC он-DEF тоже читать-AOR.3SG
 ‘Потом под конец она тоже прочитала,
as-ec^h ě^h ě ban
 сказать.AOR.3SG нет это
 сказала: «Нет, типа,

некоторые денотативные свойства референта могут быть выбраны говорящим до того, как этот референт получает выражение в текущем фрагменте дискурса. При препаративной подстановке оба типа планирования могут отражаться одновременно, как в следующем предложении:

- (36) (сконструированный пример)
я занимаюсь этой ... как её ... типологией

где первый маркер препаративной подстановки имеет форму творительного падежа единственного числа женского рода, полностью повторяющую грамматическое оформление отложенной составляющей (*типологией*). Второй маркер препаративной подстановки (*как её*) построен по типу англ. *whatchamacallit*, но без глагольного компонента. Однако именно этот отсутствующий глагол лицензирует винительный падеж местоимения, в то время как отложенная составляющая лицензирует род и число местоимения. Существование такой изысканной грамматической конфигурации еще раз доказывает, что изучение речевых сбоев и, в частности, феномена препаративной подстановки позволяет расширить наше представление о процессе речеобразования.

Литература

- Асатрян М. Е.* Համառակի՞ն հայոս՞ լեզու [Современный армянский язык]. Ереван, 1983.
- Галстян Е. Г. (ред.)*. Армянско-русский словарь. Ереван, 1984.
- Даль В. И.* Толковый словарь в четырех томах. М.: Русский язык, 1991.
- Дараган Ю. В.* Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. 2000. с. 67–73.
- Дараган Ю. В.* Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Доклады международной конференции «Диалог-2003», 2003, с. 166–178.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И.* К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // Научно-техническая информация (серия 2), 6, 2003, с. 5–11.

- Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в русской эпической прозе. Praha, 1970.
- NGAN — Корпус нганасанских фольклорных текстов (www.iling-gan.ru/gusev)
- Маркосян А. С.* Психолингвистические особенности разговорной речи. Канд. дисс. М. 1983.
- Подлеская В.И., Кибрик А. А.* Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении, № 2, 2006 (в печати).
- Подлеская В.И., Хуришудян В.Г.* О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского // Доклады международной конференции «Диалог-2006», 2006, с. 429–439.
- PPP — Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука. 1983.
- Хуришудян В. Г., Подлеская В. И.* Армянское *ban* как дискурсивный маркер речевого сбоя (в печати).
- САРР — *Ջամանակակի՛հ հայերենի չօսակ՛հ ական լեզուն* [Современная армянская разговорная речь]. Ереван. 1981.
- ТССА — Толковый словарь современного армянского языка. Т. 1. Ереван. 1969.
- Amiridze, N. Verb Forms inside Verb Forms. Case of the Modern Spoken Georgian Pro-Verbs // Poster presented at the 11th International Morphology Meeting, Vienna, Austria, 2004.
- CPL — Emanuela Cresti, Corpus di italiano parlato, v. II, Accademia della Crusca, Firenze, 2000.
- Enfield N. J.* The definition of what-d’you-call-it: semantics and pragmatics of recognitional deixis // Journal of Pragmatics, 35, 2003, p. 101–117
- Flexner S. B., Wentworth H.* Dictionary of American Slang. 1960
- Fox B.A., Hayashi M.; Jaspersen R.* Resources and repair: a cross-linguistic study of syntax and repair. Interaction and Grammar. Cambridge University Press, 1996, pp. 185–237.
- Hayashi M.* A comparative study of self-repair in English and Japanese conversation // Japanese/Korean Linguistics, Vol. 4, Stanford, CA, 1994, pp. 77–93.
- Hayashi M., Yoon Kyung-eun.* A cross-linguistic exploration of demonstratives in interaction: with particular reference to the context of word-formulation trouble // Studies in Language, 30–3, 2006, pp. 485–540.
- Kabak B.* Message of 21.04.2004 on Pro-verbs cross-linguistically // Discussion on the *Discussion list for ALT*, available at <http://>

listserv.linguistlist.org/cgi-bin/wa?A2=ind0404c&L=lingtyp&P=821

MNÉS — A magyar nyelv értelmező szótára. 3. köt. Budapest: Akadémiai kiadó, 1979.

Moravcsik E. Message of 22.04.2004 on Pro-verbs cross-linguistically // Discussion on the *Discussion list for ALT*, available at <http://listserv.linguistlist.org/cgi-bin/wa?A2=ind0404d&L=lingtyp&P=309>

Sumbatova N., Toldova S., Kalinina E., Goussev V. Documentation of Endangered Tungusic Languages of Xabarovskij Krai. Report on ELDP pilot project PPG0013. 2005.

Watanabe M. Fillers as indicators of discourse segment boundaries in Japanese monologues. *Speech Prosody*. Aix-en-Provence, France April 11–13, 2002, pp. 691–694.

Wouk F. The syntax of repair in Indonesian // *Disc. Studies*, 7–2, 2005, pp. 237–258.

Zhao Yuan, Jurafsky D. A preliminary study of Mandarin filled pauses // *Proceedings of DiSS'05, Disfluency in Spontaneous Speech Workshop*. 10–12 September 2005, Aix-en-Provence, France, pp. 179–182.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

<i>Ю. В. Адашкина (Москва)</i> Порядок морфем в аллокутивных формах баскского глагола.....	5
<i>П. М. Аркадьев (Москва)</i> Некоторые особенности падежного кодирования актантов дитранзитивных глаголов (преимущественно на материале двухпадежных систем).....	11
<i>М. Е. Бабичева (Москва)</i> Диминутивизация прилагательных и градальность.....	17
<i>В. С. Волк (Москва)</i> К типологии падежа при пред- и послелогах.....	21
<i>Н. В. Вострикова (Москва)</i> Бытийные предложения и экспериментив: формальные и функциональные параллели.....	25
<i>А. П. Выдрин (Санкт-Петербург)</i> Определительные конструкции в адыгейском языке.....	32
<i>А. Э. Гращенкова, П. В. Гращенков (Москва)</i> Аргументная структура прилагательных.....	36
<i>Е. А. Демьянова (Москва)</i> Генитивная конструкция при отрицании и гипотеза неаккузативности в русском языке (на примере некоторых глаголов чувственного восприятия).....	42
<i>Ф. И. Дудчук, Е. А. Пшихотская (Москва)</i> Пассивные причастия и лексическая семантика глагола: свидетельства русского языка.....	46
<i>Н. М. Заика (Санкт-Петербург)</i> Вариативность баскского двухвалентного глагола и синтаксическая иерархия актантов.....	52
<i>Н. А. Зевахина (Москва)</i> Декаузативы на –ся в русском языке.....	56
<i>В. А. Иванов, Е. В. Федько (Москва)</i> Особенности выражения рефлексивной ситуации и синтаксическое поведение рефлексивов в шокшинском диалекте эрзянского языка.....	60
<i>О. А. Иванова (Санкт-Петербург)</i> К типологии грамматического маркирования терминов родства в языках с именными классами.....	64

<i>Н. В. Ивлиева (Москва)</i> Связывание местоимения универсальным квантором в русском языке.....	70
<i>П. В. Иосад (Москва)</i> Валлийский язык и типология начальных чередований согласных.....	75
<i>К. В. Калашникова (Санкт-Петербург)</i> Выражение хабитуального значения в калмыцком языке.....	79
<i>В. И. Киммельман (Москва)</i> Грамматикализация первичных стативных глаголов в адыгейском языке.....	84
<i>М. Ю. Князев (Санкт-Петербург)</i> О бессоюзной конструкции с сентенциальным актантом в русском языке.....	88
<i>В. М. Ковальская (Москва)</i> Бивербальные конструкции в зависимой предикации (на материале тубаларского диалекта алтайского языка).....	93
<i>Н. А. Короткова, С. С. Сай (Москва — Санкт-Петербург)</i> Глагол <i>стать</i> в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация.....	96
<i>К. А. Крапивина (Санкт-Петербург)</i> Относительные предложения в калмыцком языке.....	102
<i>Н. В. Кузнецова (Санкт-Петербург)</i> Акцентологическая система ижорского языка (сойкинский диалект).....	106
<i>О. В. Кузнецова (Санкт-Петербург)</i> Тональная морфология глагола в языке гуро.....	110
<i>А. Б. Летучий (Москва)</i> Связь лабильности со свойствами грамматической системы.....	114
<i>Ю. В. Мазурова (Москва)</i> Под крышей дома моего (локативные превербы адыгейского языка).....	118
<i>Н. С. Матвеева, Н. В. Сердобольская (Москва)</i> Синтаксические свойства конструкций с ментальными предикатами в русском языке.....	120
<i>С. В. Пискунова, О. Д. Третьякова (Москва)</i> Референциальность и нетривиальное выражение категории времени в нарративах.....	125
<i>Е. В. Прозорова (Москва)</i> Является ли российский жестовый язык полисинтетическим?.....	128

<i>К. Н. Прохоров (Санкт-Петербург)</i> Калмыцкие формы на -txa/-txä в зависимом и независимом предложении.....	133
<i>Н. В. Сердобольская, А. В. Мотлохов (Москва)</i> Семантика главного предиката и выбор оформления сентенциального актанта в адыгейском языке.....	140
<i>Н. М. Стойнова (Москва)</i> Аспектуальная система осетинского языка и семантический класс глаголов движения (на материале кударского говора иронского диалекта).....	145
<i>М. Н. Строева (Москва)</i> Использование форм на -t'ende /-tende как одна из возможных стратегий кодирования объекта в шокшанском диалекте мордовского языка.....	148
<i>О. Ю. Шеманаева (Москва)</i> Конструкции измерения уровня в типологической перспективе: занят по локти, усмехнулся до ушей, море по колено.....	153
<i>А. Б. Шлуинский (Москва)</i> Акциональные классы глаголов в хакасском языке.....	158
<i>Д. А. Эршлер (Москва)</i> О типологии темпоральных значений показателя аккузатива.....	165

II

<i>В. М. Алпатов (Москва)</i> Историческое развитие типологии до середины XX века.....	171
<i>В. Б. Касевич (Санкт-Петербург)</i> Некоторые вопросы отражения в языке пространственных отношений.....	174
<i>Ю. П. Князев (Новгород)</i> Онтолингвистика и «просто» лингвистика.....	178
<i>Е. В. Падучева (Москва)</i> Интерпретация форм времени в гипотаксическом контексте.....	187
<i>В. И. Подлеская (Москва)</i> О грамматикализации и «прагматизации» маркеров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки.....	189

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**Третья конференция по типологии и грамматике
для молодых исследователей**

Материалы

Оригинал-макет — Н. М. Заика, С.Ю. Дмитренко

Подписано к печати 10.10.2006

Формат 60×84 1/16

Тираж 150 экз.

ООО «Издательство Санкт-Петербургского института
истории РАН «Нестор–История»»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство Санкт-Петербургского института
истории РАН «Нестор–История»»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7